

Райнгольд Шульц

НЕМЦЫ ИЗ РОССИИ

Жизнь замечательных людей

Райнгольд Шульц

Немцы из России. Жизнь замечательных людей. — Висбаден, Издательство «Родник», 2016.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Буся.
Повесть о настоящем Шульце.
Судьба Адама.
Свидетель Адама.
Диссидент.
Камикадзе.
Без вести пропавший.
Одна кровь.
Фрау Фoorланд.
Сибирячка.
Мобинг.
Вера Маер.
Фердинант Шульц.
Елена Фишер.
Елена Зайферт.
Про Грамма в новой жизни.
Райнгольд Цильке.
Фольклор.
Нечаянный герой.
Интервью с нечаянным героем.
Прецигер художник.
Прецигер и его Джоконда.
Гельмут Фрельке – художник.
Гельмут Фрельке и его картины.
Гельмут Фрельке и его экзотические картины.
Гельмут Фрельке – Благодарственное письмо.
Мария и её крепость.
Ремпель Марина из Дрездена.
Ёшка Гаврилов и Герболайф.
Бехерт Артур – орденосец.
Тугова Роза.
Альтруисты.
Ковчег и его экипаж.
Где дух Господень – там свобода.
Десять лет в море бедствия.
Эртман.
Приготовлено с любовью.
В гостях.
Учитель.
Спасибо.
Ремпель Дмитрий.
Интервью с РД.

БУСЯ

История рода, история народа.

«Жили у бабуся два весёлых гуся: один белый, другой серый – два весёлых гуся!» – весело бабушка пела песенку своей первой внучке Иринушке. Внучка была маленькой и не могла выговорить трудное слово «бабушка», «бабуся» у неё получалось коротко и ясно – БУСЯ!

Так и прилипло за бабушкой это внучкино ласковое слово, даже односельчане звали её так и думали, что это её настоящее имя. Многие стучались в дверь и спрашивали: «Тётя Буся дома?»

Теперь внучка замужем, у Буси уже 18 внуков, 18 правнуков. На сегодня – 48 человек – её «хвостик».

Давно уже Буся живёт в Федеративной Республике Германии, в городе Alsfeld, земля Hessen, в семье дочери Ани, и часто сравнивает ситуации, вспоминает прошлое. О её жизни можно написать не одну книгу откровений. Ей есть что вспомнить и с чем сравнить. Судьба подарила ей две жизни: одну – в России, другую – в Германии.

Её предки – немцы Поволжья. За сто лет до рождения Ленина, в 1770 году от самой голландской границы, из Германии на Волгу поехали они по приглашению русской царицы, немки Екатерины II. Немцы в Поволжье жили богато, превратив пустынный край в цветущий и цивилизованный оазис. В их семьях рождалось много детей – дети вырастали, женились, получали щедрое наследство, и вскоре следующим поколениям земли стало не хватать, и тогда молодёжь, поженившись, шла осваивать новые земли. Через 140 лет проживания на Волге у этого маленького трудолюбивого народа началось новое переселение. В Сибири, на Алтае, в Казахстане – возникали немецкие хозяйства, новые сёла, новая жизнь на новом месте. Рождались дети, крепло государство, зарождался двадцатый век.

Клэстер Филипп и его молодая жена Катерина – родители Бусиной мамы – приехали в Казахстан из Саратова в 1909 году. До Петропавловска добирались по железной дороге, а далее предстоял многотверстовый путь к реке Нура. Добравшись до места, переселенцы регистрировались в поземельно-устроительном управлении, по жребию получали нарезанные участки земли. На ссуду приобретали транспорт, сельхозорудия, посевной материал, крупнорогатый скот и домашнюю птицу. Первую зиму проводили в полуземлянках, для строительства широко использовали глину, солому – делали саман. Камышом крыли крыши, сооружали плетни, рыли колодцы, воды в них оказалось много и хорошего качества. По весне каждое хозяйство заседало в среднем по семь десятин. Много немцев-католиков осело в то время на новом месте. В степи, у реки Нура, образовалось Баронское село. Место под посёлок было выбрано ещё в 1899 году, а заселяться массово стали с 1908 года. Переселенцы-немцы прибывали в основном из Самарской и Саратовской губерний. Позже переселенческому участку было дано название Пушкинский (в честь столетия со дня рождения поэта), сейчас его переименовали в Алгабас. А тогда некоторые переселенцы, сильно тоскуя, всё же возвращались назад на Волгу, но там начался голод, и все они опять вернулись в степи. Село росло, селяне богатели, у многих были свои мельницы,

маслобойни, магазины, дома, земля, хозяйства, вскладчину построили большую католическую церковь с колоколами, по воскресеньям проводили служения. У Филиппа и Катерины Клэстер в Пушкино родилось четверо детей – Антон, Игнат, Клара и Катя. Все выросли, обзавелись семьями.

Казахи не были против новых соседей, это был добрый кочевой народ. Иногда их стойбище возникало у реки, недалеко от немецкого селения, и тогда они ходили по домам и выменивали свой кислый сыр «Курт» и лепёшки «Баурсак» на картошку, помидоры, лук, огурцы. Причём, огурцы им нравились не спелые зелёные, а непременно жёлтые (Пскен). Со временем и их образ жизни изменился, они стали оседлыми и также занимались земледелием и животноводством, многому научившись у своих немецких соседей, а первые переселенцы учились у них местным навыкам содержания скота, познавали местность, приходили на помощь друг к другу в пору сильных буранов.

Во втором поколении в семье бывших поволжских колонистов Ивана Берг и Клары (Клэстер) было девять детей, но выжили только Катя, Андрей, Хайна, Иван и она, младшенькая – Паулиночка. Позже, в шестнадцать лет, от воспаления лёгких умер Хайна, когда вспотевший напился студёной колодезной воды. Мама Клара тогда работала в колхозе «Барон». Целый день в поле пахала на быках, сажала капусту, делала всё, что скажут; Иван трудился там же. Всю свою скотину и сельхозинвентарь им пришлось «добровольно» отдать в колхоз. Прав у людей не было, паспортов тоже, денег не платили, просто отмечали трудодни. Все обнищали, боялись откровенничать и даже прилюдно перекреститься, верить в Бога было преступление. Жили в страхе под карающим мечом кровавой и разорительной октябрьско-ленинской революции.

Паулина Ивановна Берг родилась 3 ноября 1932 года в селе Пушкино Нурина района Карагандинской области. Когда ей было четыре года, в 1936 году отца, как и многих других сельчан, арестовали, и больше о них ничего не известно до сих пор. С малых лет Лина помогала дома по хозяйству. Окончила только три класса начальной школы, когда началась Великая Отечественная война. В их село сразу прислали ссыльных немцев из Куйбышева и Баку, некоторых подселили к ним. Рано познала она нужду и голод, рано пошла на работу. Девчонкой уже пахала степь на быках, была погонщиком. Целый день, от зари до зари, без выходных, в любую погоду в чистом поле. В сельском хозяйстве тогда использовалась в основном мускульная сила, к вечеру она просто валилась с ног от усталости. В посевную впрягали по четыре-шесть быков, и они тащили тяжёлый плуг, вспарывая землю. Всех мужей забрали в трудармию, лошадей – на фронт, а женщины вешали себе на шею два мешка, в каждый засыпали по ведру пшеницы и сеяли вручную. Паулина запахивала следом. Хрупкая девчушка управлялась с быками наравне со взрослыми. Затем пара быков тащила борону и разрыхляла землю. С утра до вечера надо было ходить с ними в поле. Закончилась посевная, начался сенокос. Косили вручную, сгребали граблями, складывали в копны, стаскивали волокушами в кучу и стоговали. Кончался сенокос, начиналась уборка урожая. Зимой работали на ферме, кормили быков, убирали навоз – вывозили его на поля, доили коров. После буранов разгребали снег, а дома ждало своё хозяйство. Ту пшеницу, что давали в колхозе за трудодни, надо было беречь и строго рассчитывать, чтобы хватило на зиму, вручную её мололи и пекли хлеб. Берегли каждое зёрнышко. Раз в месяц ходили в комендатуру отмечаться у коменданта в строгих государственных ведомостях.

Двоюродный брат Паулины, Филипп Берг, работал на МТС (Машинно-тракторная станция) в Казгородке, что в семи километрах от их села. Там он ночевал у товарища по работе, в немецкой семье Ивана и Лизы из Саратова. (Отца Ивана со стороны матери звали Hanes Peter, а мать Storke Mutter.) У них было пятеро детей – Филипп, Яша, Полина, Антон, Иван и Егор. Он и познакомил Линочку со своим лучшим другом Кильб Филиппом, скромным и работающим механизатором и комбайнёром.

Паулина была видной девушкой, её голубые глаза сводили парней с ума. Сама тихая, работающая, характер мягкий, скромный, уступчивый. Фигурка была превосходной, она и сейчас выглядит прекрасно, никто не даст ей её годы, хотя время и постаралось: и голова вся седая, но душа так и осталась молодой и бодрой, а память – дай Бог каждому!

В семнадцать лет вышла Паулина замуж и переехала в дом родителей своего мужа. Два года у них не было детей, потом родилась Катя. Год просидела молодая мама дома и пошла на работу, так и проработала техничкой в РабКопе, а потом в школе – все тридцать лет. Должность небольшая, но спокойная, да и время для семьи и домашнего хозяйства оставалось достаточно. Немцам высоко летать не позволяли и жить в столицах не давали.

Вместе с мужем стали вскоре строиться, сами делали саман и слепили землянку с двумя комнатами и плоской глиняной крышей. Печку топили кизяком и тальником (разновидность ивы). Дом был пустой – ничего не было. Но самое главное в жизни не богатство, а дружба, согласие и любовь – считали в молодой семье. По праздникам молодые ходили в гости, любили посидеть в компании, попеть песни, потанцевать под патефон. Постепенно и свой дом наполнился детьми и радостью. После Кати родились Аня, Лиза, Ваня, Роза и Клара – шестеро детей. Государство отметило родительский подвиг, наградив Паулину самой мирной наградой на земле – медалью материнства. У неё усталые, натруженные руки. Такие руки матери целовать надо!

Если бы меня спросили, какое качество я ценю в людях больше всего, я бы ответил: «Качество чистых глаз». Всегда приятно встречаться с детскими глазами на взрослом лице. Там нет лукавства, там всё честно, искренне, наивно. Эти материнские глаза, которые светятся любовью и чистотой, невероятно молоды. «Будьте как дети!» – говорит Христос. И Паулина рассказывала детворе о Боге, учила молиться, быть чуткими, добрыми и милосердными. Все крещённые. Тайно в семье справляли рождество и пасху, красили яички, но не дай Бог, чтоб на улице дети обронили праздничную яичную скорлупу, во избежание неприятностей все строго соблюдали домашнюю конспирацию.

С детьми у Паулины не было проблем, у трудолюбивой женщины все были сыты, одеты и здоровы. Ни один ребёнок в больнице не лежал, и сама она в больнице не бывала, а её мама вообще в жизни ни один укол не получала и дожила в бодрости до девяносто пяти лет. Бабушка Клара, мать Паулины, была удивительной доброты женщина и жила вместе с ними, но она не умела говорить по-русски, и детвора общалась дома только по-немецки на плат дойч диалекте, в школе – по-русски, а на улице могли и по-казахски без проблем изъясниться, даже песни петь. Дети бабушку Клару очень любили и всегда спорили и боролись за почётное право спать вместе с бабушкой хотя бы одну ночь. Все, кроме родителей, спали в одной комнате – бабушка и Катя на своих кроватях, у Вани, как у мальчика, тоже была своя кровать, Аня спала с Кларой, а Лиза – с Розой. Тесно жили – весело и дружно. Платья и обувь носили по очереди, на вырост. Паулина на своей швейной машинке красиво шила всё сама, по собственным фасонам. И тогда соседские дети дразнились на модниц, вышедших погулять в обновках: «Смотри, она какая, не наша городская! Городская не такая!» Аня

была самая мягкая характером, Клара – самая бойкая, Роза – хохотушка, Катя – серьёзная, Ваня – главный, как всегда, а Лиза – заботливая. Вообще, кудрявая Лизонька была удивительно работящей и безотказной девочкой: ещё в школу не ходила, а с магазина уже таскала тяжёлые сумки и с радостью выполняла другие поручения, хотя заданий хватало всем, и даже с лихвой. За столом собирались все девять человек, и каждый приносил свои новости, всех надо было выслушать и похвалить. Мамино слово в доме чтилось и уважалось, строгому отцу достаточно было взглянуть на детей, и шум затихал. Чтобы всех накормить, Паулина часто пекла целый таз плюшек, варила огромную кастрюлю супа, жарила полведра картошки. Родители работали на износ, дети помогали как могли. Ваня, как подросток, стал с папиным братом, дядей Егором, часто ходить на охоту или на рыбалку. Рыба в доме не переводилась, дичь постоянно была на столе. Овощи, молоко, масло – своё. Вставали в пять, ложились в два, весь день, как волчок, крутились по хозяйству – заготавливали запасы на зиму. Стекланных банок не хватало, солили бочками: арбузы, огурцы, капусту, помидоры, сало. Трудились тяжело и поесть любили. Рецептов Буся на память знает бесчисленное количество, а варит и печёт вкусней профессиональных поваров с красными дипломами. Работа горела в её руках. Хозяйство было большое, и огород – как стадион. Был свой колодец, и за день надо было поднять до сотни вёдер воды, чтобы полить огород и напоить животных. В сарае были козы, бараны, свиньи, коровы, куры, гуси, утки, индюки, и в конце – даже лошади. Отец имел свой транспорт – старый мотоцикл «Иж Юпитер» с коляской, потом появился ижевский «Москвич 412», в колодец поставили электрический насос «Кама», поливать огород стало удовольствие.

Дети в школе учились хорошо, их хвалили, постепенно ребята выросли и повзрослели, стали помогать маме в работе. В школу вечером мыть полы ходили всей семьёй – Паулина всех приучила к добросовестному труду. Дети всё умели делать и в доме, и в сарае, и в огороде. По пятницам грели воду на печке, мылись в оцинкованной детской ванне и, довольные и усталые, ложились спать, укутываясь в тёплое, мягкое, вкусно пахнущее мамиными руками, чистое постельное бельё и засыпали. Отчий дом – такая сладость!

Первой из гнезда упорхнула Катя – уехала в Караганду, работала там в детском садике. Потом вернулась в село, опять устроилась в детский садик, вышла замуж за соседского парня Юрия Дизендорфа, нажили трёх детей – Виталия, Ваню и Юру, четверых внучат – Лену, Сергея, Артура, Ирину.

Потом в Ташкент уехала Лиза, стала учиться в единственном в Азии гидрометеорологическом техникуме, на гидрометеоролога, изучала климат, погоду, народные приметы, строение облаков, радиостанцию, стучала морзянку, мечтала о романтике, хотела попасть на высокогорку, пожить как полярники в кинофильме «Семеро смелых», училась на хорошо и отлично.

Следом в Ташкент, в гости к Лизе, улетела Аня и познакомилась там с автомехаником, мастером «золотые руки» Эдуардом Кимом. Вспыхнула любовь, назад она не вернулась, подарив Бусе первую внучку Иринушку, затем Олесю и Викторию, теперь в Германии у них есть внук Филипп и три внучки: Ксения, Саманта и София.

У рождённых в Германии малышей зазвучали новые, непривычные уху имена. Раньше было принято называть своих детей в честь родителей, в знак любви к ним и уважения, поэтому своего единственного сына Паулина назвала в честь отца мужа – Иваном, а дочь – в честь его матери, Лизой, а Филипп, наоборот, предложил назвать самую младшую дочку в честь матери Паулины – Кларой. Катя названа в честь царицы

Екатерины второй. *Анна – библейское имя, а Роза получила своё имя за особую красоту.

Лизу Кильб по окончании техникума распределили в Карагандинскую область, в село Черниговку, что в 15 километрах от родительского дома, на метеостанцию. Там на каникулах познакомилась она со студентом, хорошим немецким парнем Виктором Дрейтом, в 1976 г. образовалась семья, но, так как муж продолжал учёбу, пришлось переехать к нему в Целиноград. Вскоре у них родились Ульяночка и Саша. После окончания Сельхозинститута Виктора, как инженер-механика, распределили преподавателем в город Сергеевку Северо-Казахстанской области, где за короткий срок он стал заместителем директора сельхозучилища. Потом его назначили главным инженером в совхоз Афанасьевка, затем он работал в Райуправлении сельского хозяйства, был «Акимом» (Главой администрации) в Благовещенке. Лиза тоже устраивалась на работу по месту жительства: то в метеослужбу аэропорта Целинограда, то была нормировщицей, то трудилась в сбербанке и даже была заведующей детсадиком. Даже когда Лиза стала первой «Леди» Благовещенки и ей услужливо предлагали с чёрного хода магазина всё, что лежало под прилавком, она никогда не шла на сомнительную зависимость, а пользовалась огромным уважением местного населения, потому что всегда становилась в общую очередь. Разговаривала с казахами на их языке. Люди её любили за открытость, душевность и скромность, она не ездила по своим делам на служебном автомобиле мужа, но, как и все, добиралась на рейсовом автобусе. Она и сейчас ходит в церковь, и не пройдёт мимо попрошайки, чтобы не положить ему свою тяжёлую монетку. Лиза, как и её сёстры, прекрасный собеседник, тонкий ценитель слова, красиво танцует, хорошо поёт, разбирается в музыке, в стихах, в прозе, в спорте и политике, очень любит гостей и детей. А дети как-то незаметно подросли. Ульяна выучилась в медицинском училище на медсестру, а Саша окончил аграрно-экономический факультет того самого Сельхозинститута, в котором учился когда-то его отец. Жили хорошо, дружно, душа в душу, в любви и достатке, но перед самым отъездом в Германию Лиза неожиданно осталась вдовой, а потом в Германии стала бабушкой. У Ульяны и Рубика Григорян родилась красавица-дочка, а у Саши с Олесей сынишка. Лиза безумно любит своих Эвелиночку и Артурчика, и они отвечают взаимностью, при расставании у обоих капают крупные, как роса, слёзы.

Остальные дети тогда, в то время, остались в родном селе.

Ваня отслужил в Белоруссии, под Минском, в танковых войсках, даже заезжал к живущему там дяде Ване, младшему брату отца, а демобилизовавшись, трудился в родном совхозе, в основном на току. Познакомился с симпатичной лаборанткой Евгенией Реке, женился, вырастили трех детей Вову, Елену и Веру, уже стал дедом. У них внучата Яна и Никита.

Роза тоже работала в садике, её сосватал лучший шлифовщик округа Александр Герингер. У них тоже четверо детей – Таня, Света, Витя, Аня, и пять внучат: у Тани – Даниэль, Вероника и Вика, у Светы – Ванесса и Николь.

Клара попала в торговлю, вышла замуж за энергичного экспедитора Толика Коломейца, родились Маша, Саша и Эдик, уже есть внучка Регина. Интернациональная получилась родня, как и советский союз, в ней немцы, русские, украинцы, корейцы, армяне, но жили дружно, как родные братья, у всех там был свой дом и прочное хозяйство. Доброе братство – лучшее богатство. Все Бусины дети хорошо устроились, жили в любви, в почёте и уважении, часто по выходным собирались у родителей.

В 1961 году колхоз села Пушкино «Алгабас», что в переводе с казахского «Вперёд голова», преобразовали в совхоз имени Чкалова. Исчезли трудодни, стали выдавать зарплату. В 1982 году Буся вышла на пенсию. В её трудовой книжке только

одна запись и большой вкладыш с благодарностями. В отпуске на отдыхе Буся так ни разу и не была, лишь с Филиппом съездили к Лизе в гости в Ташкент, потом в Целиноград, да в Новосибирск к родственникам, вот и всё. Сорок два года прожили вместе Паулина и Филипп Кильб. В 1991 на 60-м году жизни муж умер от рака лёгких. Буся осталась жить в своей землянке, в семье Ванечки. В 1995 в селе всё развалилось, в школе стали преподавать только на казахском языке, и пришлось ради детей и внуков переехать за сто километров в совхоз «Урожайный», где в школе ещё учили на русском языке. Потом в Казахстане начался хаос и гонения на иноземцев. Цены взлетели вверх, уровень жизни упал, народ стал разбегаться, но раньше уровень жизни там измерялся высотой забора.

Развал СССР особенно коснулся советских немцев. Запуганные, разьединённые, осевшие в местах ссылки, расплётённые по всей стране, униженные и малограмотные, лишённые возможности говорить на родном языке, они ничего не знали о своём народе. Все фотографии и документы были сожжены в страшные годы, старики помалкивали о страшном прошлом и ничего не рассказывали молодым. Люди ничего не знали о своей истории, не знали своей родословной, ничего не знали о своих предках, не знали обстановки по своему национальному вопросу. Но в душе этнические немцы всегда мечтали жить вместе, кучно, компактно, чтобы мирно трудиться, воспитывать детей, передать им достойное наследство, сохранить свой язык, культуру, обычаи и традиции. В душе все мечтали о возрождении Немецкой республики Поволжья, чтоб сделать её как раньше, образцово-показательной. Появились лидеры и национальное движение, проводились съезды, в Кремль направлялись делегаты, но руководство страны надсмехалось над ними, предложив загаженный военный полигон. «Лучше СПИД, чем немецкая республика», – был ответ. Надежда умирает последней, ещё ходили слухи, что под республику все же выделяют Целиноградскую область в Казахстане или, ещё лучше, Калининградскую на Балтике, но действительность слухи не подтвердила. Гельмут Коль немецкий канцлер давно призывал советских немцев к возвращению на историческую родину, но советская власть в корне пресекала всякие попытки и даже мысли об этом были наказуемы, многие диссиденты угодили в тюрьму, но началась перестройка, и в верхах договорились. Горбачёв приоткрыл границу. Советские немцы, бросив всё нажитое, стали массово возвращаться в родное отечество.

И опять почти через сто лет, прожитых в Казахстане, в начале 21 века свершилось ещё одно большое переселение этого рода. В 2001 Буся вместе с детьми переехала в Германию, поближе к своей дочке Розе, которая уже раньше с родителями мужа уехала на запад и жила там со своей семьёй в городке Hungen, земля Hessen. Буся с детьми и внуками прилетели самолётом из Караганды во Франкфурт-на-Майне, прошли через лагеря Фридланд, Лаубах, учились на шпрахкурсах в Гиссене. Жили в нотвоунунгах, потом переселились в квартиры. Роза так и живёт в Hungene, Аня – в Alsfelde, Клара и Лиза с детьми – в Гиссене. Все дети и внуки устроились на работу, хотя и не по специальности.

Сейчас у них, кроме средства передвижения и балкона, ничего нет. Бусе, как многолетней матери, начислили совсем маленькую пенсию (-) и вовсе отказали во вдовьей, но она всё равно довольна жизнью. Все её любят и обожают – дети, внуки, правнуки, подружки, соседи и знакомые. Находятся и звонят бывшие знакомые и односельчане. Взрослые дети часто собираются вместе семьями, как и раньше, и шумят, и галдят, и громко смеются, вспоминают босоное детство, свои розыгрыши и озорные проделки. Весёлый смех – их верный спутник. Буся всегда в центре внимания

и на почётном месте за столом. Проблемы, конечно, тоже имеются, но смех приятнее печали. Поволжские немцы из Казахстана народ стойкий.

В 2005 году, в августе, Ванечка приезжал в гости. Сёстры арендовали на два выходных дня большой городской зал. Съехались со всей Германии родственники, друзья, соседи, односельчане, обнимались, плакали от счастья, потом вместе пели застольные песни, танцевали, обменивались мнениями и новостями, фотографировались на память. Ванечку затаскали по гостям, ревновали, если где-то его задерживали, показали ему всю страну и даже свозили в Голландию на северное море на морскую рыбалку. Ваня остался доволен, домой уехал с подарками, приятными впечатлениями и желанием вернуться.

Теперь в Германии по воскресеньям, после церкви, Буся иногда смотрит свои старые фотографии и вспоминает прошлое. Дочь Аня часто звонит в Казахстан, и тогда Буся говорит с оставшимися там Катериной и Ванечкой. Они, наконец-то, получили приглашение на шпрахтест. Материнская душа болит за тех детей и внуков, за их семьи, которые остались там, в далёких и бескрайних казахских степях.

PS: А как Бусю любят и уважают зятя! Говорят, она лучшая в мире тёща! И не тёща вовсе, а МАМА!

Всех согрела, обогрела, ободрила, наградила добрыми делами, хорошими словами, любимая всеми, дорогая БУСЯ, простая немецкая женщина. Ах, Буся, Буся, я в тебя влюблюсь!

РЕЗЮМЕ

Мне иногда стыдно за Германию, обидно за наших стариков, которых за их трудную жизнь награждают политики, призванные заботиться о народе, трудной старостью, необоснованно лишая их, по сравнению с местными, нормальной пенсии. Многодетных родителей равняют с бездетными собачниками, живущими беззаботной жизнью в вымирающей без детей стране. При этом популярные глашатаи встают в благородную позу и публично чернят наших стариков, возлагают на них вину за опустевшие больничные кассы и пенсионные фонды, говоря, что наши пенсионеры незаслуженно получают пенсию, потому что никогда не платили отчислений в пенсионный фонд.

Первоначально это звучит эффектно и, вроде бы, правильно, но это заведомая ложь!

Экономика работает по-другому. Это не правда, что нынешние пенсионеры получают те деньги, которые они когда-то отчисляли от своей зарплаты себе на старость.

Тех денег давно нет! Те деньги достались тем пенсионерам, которые жили тогда, в то время. Пенсия – от латинского слова *платёж*. Сегодня пенсионеры получают пенсию от отчисления сегодняшних рабочих, их детей. Нашими сегодняшними отчислениями пользуются наши престарелые современники, именно сегодня, от сегодня работающих.

Пенсионный фонд – это договор поколений. Современник помогает современнику, выполняя священный долг перед своими родителями. У кого нет детей, тот не считается родителем, и тут включается другая система страховки по старости, но это отдельный разговор*. Так что по сравнению с бездетными местными, наши многодетные родители имеют полное право на равноправную пенсию и даже на приоритетную, в зависимости от количества детей, поскольку именно их работающие дети сегодня отчисляют в пенсионный фонд намного больше денег, чем государство

выплачивает их престарелым родителям, нашим пенсионерам, а именно от отчисления работающих российских после оплаты пенсий нашим старикам в государственной пенсионной кассе ежегодно остаётся 9 миллиардов 929 миллионов евро, которыми оплачивают пенсии местным немцам!

Мы с лихвой переплачиваем в пенсионную кассу, подкармливая многих местных стариков*, поэтому имеем полное право настаивать на праве и равноправии, о котором так любят дискутировать на экранах телевизоров партийные лидеры, да и о себе пора подумать. Кто же это при высоких ценах, огромном стрессе, прессинге и ломовой работе доживёт до пенсионного возраста в 67 лет при средней продолжительности жизни в стране 73 года для мужчин. Правительство как бы обеспокоено, что рабочие всё ещё доживают до пенсии, а может, им бы хотелось наоборот? Нет человека – нет проблем. Спасибо отцам за «мудрое», но бесперспективное и античеловечное решение.

Для сравнения: пенсия Гельмута Коля 30 000 евро в месяц и это не предел, хотя государственные служащие в пенсионную кассу не платят ни гроша. Если посчитать каждому пенсионеру очень хорошую пенсию в тысячу евро, то 30 000 человек – население целого города, а можно это умножить вдвое. У некоторых переселенцев пенсия не доходит до 0,5 тысячи, хотя страдали и потели они по жизни намного больше, чем многие знаменитости. Одному это нереально много, другому нереально мало. Если правила несправедливы, значит – они устарели. Разве можно в правовом государстве так любить одних и так презирать других?

Старики должны уступать молодым место в жизни и рабочие места, потому что молодые люди, привыкшие к безделью, уходят в наркоманию, совершают преступления, опускаются на дно жизни и на правильный путь редко возвращаются, формируя будущее общество. Старики ведут себя тихо и при этом воспитывают внуков в правильном направлении, а это уже политически очень важно! Молодым везде у нас дорога, стрикам – здоровье и почёт!

ПОВЕСТЬ О НАСТОЯЩЕМ ШУЛЬЦЕ

Истинное мужество обнаруживается в беде.

Всем известно, что Крым – это медаль на груди земного шара. Здесь всё прекрасно: и природа, и погода, и люди, и море, и урожай, и пышный хлебный каравай. Немцы-колонисты, которые жили в Крыму до революции, были поголовно

трудоголиками. Кроме пашни в степях, возле каждого дома обязательно имелись участки земли, отведенные под огород. Немцы выращивали на них лук, капусту, огурцы, дыни, арбузы и табак. Особенно славился в Крыму картофель. Овощи сбывались на базарах. В хозяйствах занимались разведением крупного и мелкого рогатого скота и коневодством. Особой популярностью пользовалось у немцев разведение свиней. Среди колонистов почти не было неграмотных. Практически каждый посёлок, как бы мал он ни был, имел собственную школу. Школы эти относились к типу общественных школ, что было особенностью немецких поселений. Содержались они на средства сельской общины, иногда с пособием от земства. Преподавание велось на основе христианской нравственности, и часто школы располагались в тех же помещениях, что и молитвенные дома.

Для организации общественного порядка в каждом селе избирали или назначали «шульцев» или несколько шульцев; иногда был даже обершульц, если село было большое. Шульц – это была выборная должность деревенского старосты. В городах были даже шульцамты. Правительство в России и в Германии давало им большие полномочия. Они отвечали не только за порядок и безопасность в селе, но и за успехи в сельском хозяйстве и обеспеченность колонистов продовольствием, за сохранность скота и уход за сельхозинвентарем, за пожарную безопасность и многое другое. С шульцами сельчане жили всюду хорошо, а в Крыму – особенно. Потом общественное звание незаметно превратилось в фамилию, так же как и другие трудовые фамилии: Шнайдер, (Портной) Шустер, (Сапожник) Шмидт (Кузнец) и т.д.

Шульц Фридрих Фридрихович – дедушка нашего героя – родился на хуторе Дюрмень около Джанкоя в 1893 г.

Его предки приехали из восточной Пруссии «Ост прейсен». Жена дедушки была урождённая Мария Маер, родилась в Крыму в 14.05.1859 г., умерла 02.01.1941 г. на хуторе Дюрмень. У них было 9 детей: Густав, Ёганес, Лоренс, Матильда, Лида, Ребекка, Фридрих, Артур (умер в детстве) и приёмная дочка Марта. Старший с 1893 г. был отец Отто Оттовича Шульц Отто Фридрихович.

Дедушку со стороны матери звали Хайнрих Франц, и родился он в немецкой колонии Тиге Джанкойского района в 1878 г., а его жена Мария, урождённая Фаст, – рядышком в деревне Кадагай. Мария 16 лет провела в инвалидной коляске из-за болезни Паркинсона. У них было 5 детей: 4 дочки и сын.

После революции в крымских степях носились конницы белых и красных. Тачанки наводили кровавый порядок. Советскую власть колонисты встретили настороженно, а отрицательное отношение немцев к коллективизации заставило многих эмигрировать. В 1929 году границы были ещё открыты и многие немцы-колонисты решили уехать подальше от революций, в Америку или Канаду. Все родственники вокруг засобирались в дорогу, а Франс решил, что его больная жена в инвалидной коляске не выдержит дальний и тяжёлый путь. Они остались. Через год дедушку посадили в тюрьму, а его семью, как разбойников, вместе с другими колонистами выслали на север в дремучие леса, в далёкий Коми Край, в Усть Нем базу – глухой таёжный посёлок.

Север суров. Это совершенно другой мир, иное измерение времени и пространства. Красивые, но невероятно суровые края. Зимой много снега, почти круглосуточная темнота и сильные морозы, а летом – мошкара, гнус и длинные белые ночи. Там весь четвёртый интернационал ссыльных и изгоев работал в лесу. Вспоминали прошлое, утирали слёзы, валили лес, кормили комаров.

У Отто Фридриховича Шульца по жизни было четыре жены – все умерли, не везло ему с жёнами.

От первой жены была дочка Мария, но во время раскулачивания сестра отца, Шульц Лидия Фридриховна, увезла её к себе в Караганду и там воспитала. От второй жены, Фриды, был мальчик Артур.

От третьей жены, Анны, осталось 9 детей. Фрида, Отто, Ира, Маргарита (умерла в детстве), Володя, двойня Лида и Андрей (умер младенцем) и опять двойня: Артур и Фридрих – они пропали без вести

Анне Шульц, родной матери Отто Оттовича, было всего 39 лет, когда она, родив двойню Артура и Фридриха, неделю пролежала дома в тяжёлом состоянии, а потом ей сделали какой-то неправильный укол и, наверное, от плохо продезинфицированной иглы пошло заражение, она умерла. Похоронили её в Тимшере. Новорождённых мальчишек власти увезли в Сыктывкар, и до сих пор о них ничего неизвестно. Слухи ходили, что вроде бы их усыновили, но это слухи; а по официальным каналам до сегодняшнего дня их найти не удалось. Трижды вдовец Отто Фридрихович пришёл тогда к старшей сестре своей умершей жены Маргарите и сказал:

– Нам надо пожениться, потому что я знаю, ты сможешь правильно воспитать моих детей.

Маргарита не хотела браться за тяжёлое дело, но она была очень набожной женщиной, и у неё накануне было видение. Господь сказал ей: «То, что я очистил, ты не почитай нечистым!»

Она покорилась обстоятельством. Отец в душе верил в Бога, но он работал начальником леспромхоза, выпивал, курил и суетился. Они расписались, и семья окунулась в повседневные житейские заботы, в борьбу за выживание семьи. Детям отец строго наказал слушаться и почитать мамочку и не обижать её.

Шульц Отто Оттович родился 18 мая 1938 года в селе Лопью-Вад Усть-Куломского района в Коми АССР. Лопью-Вад в глухой тайге был лагерным посёлком для спецпереселенцев, в основном немцев, потом его преобразовали в «вольный» населённый пункт. Отто закончил там четыре класса начальной школы, а затем всех возили в посёлок Мыёлдино, что в 30 километрах; там дети жили в школе-интернате. По субботам отец присылал лошадь или дети сами добирались на попутках, но все всегда стремились попасть домой. Семья была самое дорогое на свете. Иногда дети шли домой пешком, на лыжах. Один раз, когда Отто было тринадцать лет, он, соскучившись, после школы тоже пошёл домой с Усть-Нем базы в Лопью-Вад. Реку Вычегду перешёл на лыжах в сумерках. Шёл, шёл, устал, стемнело, дороги нет, лыжни не видно, первый раз в таком большом лесу, один на всю огромную округу. Стало страшно, шёл, шёл, устал и засомневался: неужели не туда попал? Наступила ночь, мороз крепчал. Хотелось бухнуться в сугроб и выспаться. Но Отто проявил характер, стиснул зубы и шёл вперёд, зажав в кулак всю свою силу воли. Он падал и вставал, и, уже когда выбился из сил, вдруг увидел огоньки. «О Господи! Наконец-то какое-то село».

Подошёл – Лопью-Вад. Нашёл свой дом, тихонечко зашёл. Но отец проснулся и, когда всё выслушал, дал жару!!!

После семилетки Отто пошёл работать. Работал маркировщиком в лесу, потом за смешлёность его поставили мотористом на электростанцию, заодно он точил цепи для бензопил. Очень уж хорошо это у него получалось: аккуратно, быстро, по-немецки, даже с других участков несли ему заказы. Вставал в 4 утра и восемь километров каждый день на лыжах шёл на работу. В 8 часов приходили вальщики, а у Отто уже всё готово: и вода кипит, и бензопилы приготовлены, и в помещении тепло. За такое прилежание молодого Отто послали на курсы шоферов в столицу Коми Сыктывкар. Двухэтажная автошкола была напротив базара на улице Юхнина. Вождение проходило

на дизельном МАЗ-200. Сдал экзамен на «хорошо», хотя из группы в 38 человек сдали только половина, остальным пришлось пересдавать. Вернулся в леспромхоз в марте; а в мае отменили комендатуру, и отец со всей семьёй подался в тёплые края.

Поехали в Краснодарский край, Адыгейскую область, в станицу Тульская, от Майкопа пятнадцать километров, к папиным племянникам. Там купили домик. Отто устроился грузчиком на лесобазу, принадлежащую северокавказскому военному округу. Грузили круглый лес в вагоны. Однажды их шофёр изрядно выпил и заснул в будке-бытовке, а мастер был Али Бабаев, косой с одним глазом чеченец. Он знал, что Черкасов приезжает – начальник, строгий такой, если кто-то в чём-то провинился, рассчитывал тут же, не прощаясь.

Работали тогда ещё на американских студебеккерах, которые остались после войны. Хорошие, почти новые машины были. Отто, как молодому шофёру, иногда доверяли руль, разрешали по базе перевозить дрова, а грязь была – колёс не видать, в сапогах не пройти, вязли в жиже.

Черкасов залетает в будку, видит: спит Воробьёв в рабочее время. Черкасов спрашивает Али Бабаева:

- Кто на его машине работает?
- Да Шульц, парнишка у нас тут новенький, молодой совсем.
- У него права есть?
- Есть! – отвечает Али Бабаев.

А тогда, чтоб на машину попасть, люди годами грузчиками работали, ожидая свою очередь, чтобы хотя бы на старенькой машине поработать. На Кавказе это было почётно: там что директор, что шофёр, были почти на равных. Посмотрел Черкасов как Отто осторожно, аккуратно ведёт груженный автомобиль, понравилось. Подозвал и говорит: «Поедешь завтра в Майкоп, получишь новый самосвал». Год проработал счастливый Отто на новенькой машине, опыта набрался, а тут и немцев тоже стали в армию забирать. И Отто получил повестку из военкомата.

Служить Отто Шульц попал в Грузию, в город Ахалкалаки, в воинскую часть 11240, в гвардейский батальон связи. Парень от души радовался, что попал в такие красивые места. Высокие гордые горы в белых папахах, как мудрые старцы, молча наблюдали сверху на старания молодых солдат. Их дочери, быстрые звонкие горные речушки, поили воинов своей чистой и холодной водой. Зелень была такая, что приходилось жмуриться. Деревья упирались макушками в облака. Здесь горы – всё: горы защищают, горы кормят и закаляют. Вечером, когда солнце заходило, горы превращались в сказочные царства теней. «Нет! Отсюда я не уеду, тут и останусь жить после дембеля», – мечтал про себя бравый молодой солдат. Командиром дивизии у них был фронтовик, Герой Советского Союза, полковник Сорокин. Отто служил хорошо – был отличником боевой и политической подготовки. Бравый вид, стандартный рост, отличная выправка, нарушений нет и не может быть, дисциплина на первом месте, всем пример. Его назначили знаменосцем части, постоянно вручали грамоты и дарственные книги.

Однажды командир батальона вызвал Шульца к себе и предложил ему хорошую должность – возить самого командира полка, но Отто отказался.

- Это же честь – командира полка возить! – нажимал комбат.
- Не хочу, товарищ подполковник, – проявил Отто характер.
- А почему?
- Хочу остаться в своём батальоне, в своей роте, в своём взводе и быть верным своим ребятам.

Ответ понравилось комбату, он ласково по-отцовски похлопал по плечу солдата и с миром отпустил.

– Молодец! – говорит. – Молодец!

Потом были учения, армейские трудности и будни, но к концу службы всё равно тянуло домой, хотя на третьем году службы его так и не отпустили, пришлось переслуживать полгода. Начался Кубинский кризис! Мир был на волоске от третьей мировой войны.

Вернулся домой Отто уже зимой, приехал в отчий дом, в станицу Тульскую. Сразу устроился работать на скорую помощь шофёром с правами третьего класса, хотя положено только с первым, но зять уговорил главного врача, и она приняла с условием, что он сразу поступит учиться. И Отто поступил учиться сразу в два места, на шофёра второго класса и в вечернюю школу рабочей молодёжи. Три года он учился и работал на скорой помощи. Доброго, безотказного водителя полюбили все.

– Антончик! Антончик! – звали его со всех сторон, и он возил всех – кому куда надо: и на базар, и на работу, и на охоту, – и был у всех любимым шофёром; но зарплата была всего 87 рублей 50 копеек, а армейский друг звал его к себе в Чимкент на большой, карьерный самосвал и зарплату обещал аж 200 р. в месяц, даже если на ремонте будет стоять. «А если ездить будешь да шустрить, то и все 400 заработаешь», – писал он. И Отто решил поехать в Среднюю Азию, за большими деньгами. Дело молодое, расходы соответствующие. Впереди серьёзные планы: женитьба, семья, дом, дети – надо подготовиться; но с работы его не отпускали. И тогда Отто пошёл в отдел кадров и уговорил молодую сотрудницу поставить печать в трудовую книжку – хочу, мол, учиться (остальное дописал сам).

Уехал тайно, не сказав никому ни слова, как блудный сын ушёл из дома, оставив в почтовом ящике отцу прощальное письмо, а сам пошёл как будто в вечернюю школу, налегке, с балеточкой в руке и в рубашечке с короткими рукавами. Взял с собой 50 рублей и поехал через Москву в далёкий край за личным счастьем. Наивно думалось ему под перестук вагонных колёс, что не пропадёт, он крепкий, молодой, здоровый, работать любит как ишак, уж он-то себе дорогу пробьёт и в люди непременно выйдет!

Устраиваться на работу к начальнику карьера пришли вместе с другом. Друг откомендовал, что хороший, мол, шофёр, в армии служили вместе: «Возьмите, не пожалеете». Туда трудно было устроиться, но Отто взяли, хотя машину такую дали, что всё надо было делать самому. За пару дней подшаманил он всё по-быстрому и выехал на большие заработки.

Первый день на карьере отработал на огромном самосвале. Вечером поехал в город, два мастера сели к нему в кабину. Всего-то 14 км до гаража осталось, а перед городом был длинный спуск. КраЗ весил тонн 12 и грузу на нём 12 тонн, разогнался под горочку, притормозить надо, раз – по тормозам, а тормозов нет! Схватился за ручник, но и он не держит, схватился за заслонку воздушную, чтоб мотор заглушить, – не работает! Что делать?

Вспомнил, чему в автошколе учили, права-то получил с правом управления дизельным автомобилем. Коробка передач на КраЗе с синхронной передачей, можно без муфты сцепления переключаться, Отто переключился с пятой на четвёртую, на третью, на вторую, а на первой синхронизатора нет, нельзя переключиться, а значит заглушить мотор. КраЗ идёт как тяжёлый танк, дизель стучит, не глохнет. Чтоб остановиться, Отто направил самосвал на железобетонный столб, столб хрустнул как берёзка, но КраЗ не остановился.

Отто смотрит – лежит куча гравия, он – на неё. КраЗ проскочил, вроде хотел заглохнуть, но не заглох, тянет дальше. Рядом кювет неглубокий, надо самосвал аккуратно на бок положить, впереди город, светофоры, машины, люди! Ой, что можно

натворить?! Отто направил груженный автомобиль в яму, колесом заскочил туда и вывернул влево, КраЗ упёрся буфером в землю, хотел сдвинуть с места земной шар, но не смог, только гордо фыркнул и заглох, даже не перевернулся. Сзади шофера подъехали.

– Что случилось?

Стали смотреть, причину искать, отчего тормоза пропали. Нашли! Оказалось «пердун», (предохранительный клапан) от компрессора выскочил. Воздух вышел – тормоза отказали. Обошли шофера машину, нашли предохранительный клапан, закрутили на место, накачали воздух, поехали дальше. Так прошло первое испытание на звание хорошего шофёра. Это был страшный стресс.

После этого ночью приснился Отто сон, как будто он едет на своём самосвале и видит впереди пропасть. Отто давит по тормозам – не держат, машина валится в черноту. Он просыпается вспотевший, мокрый от страха. Лежит на кровати и, хоть не верующим был, говорит:

– Господи! Слава Тебе за то, что это только сон.

Прошло некоторое время, и опять ему приснился этот сон. Отто нажимает на тормоза – их нет, и летит в пропасть. Опять вспотевший проснулся от пережитого во сне страха и думает: да что это такое?!

Отто начал очень осторожно ездить. Думал что-то должно, наверное, с ним случиться. Этот сон ему три раза снился. Он не верил снам, и вещим тоже, но тут словно кто-то предупреждал его, что что-то случится.

Отработал на карьере Отто около года, и перед самым отпуском в пасху, 26 марта 1967 года, в воскресенье, по приказу на предприятии объявили рабочий день. План «горел». Отработав всю неделю без выходных, усталые шофера обязаны были подчиниться. Самосвальщики и таксисты зарабатывают деньги на скорости, а в выходные дни – вдвойне. Очередным рейсом привёз Отто щебень на ЗЖБИ (Завод железобетонных изделий). Как обычно заехал на крытую весовую, взвесили, поехал, разгрузился и, пока кузов на ходу опускался, в целях экономии времени хотел, как всегда, выехать со двора мимо весовой, но там на дороге стоял поломанный МАЗ. Во дворе ямы, как на военном полигоне, пришлось ехать опять через весовую, но Отто не знал, что рычаг на очередной яме самопроизвольно включился и кузов, опустившись, снова начал подниматься. Со всего хода, с поднятым кузовом КраЗ врезался в железобетонные перекрытия весовой. Двадцать тон железобетонных плит сорвались с места и упали на кабину. В последнюю секунду Отто оглянулся, и это его спасло: от сильного удара он провалился на пол под рулевую колонку, и кабины в мгновение не стало. Всё скрыло облако густой пыли. «Землетрясение что ли?» – не поняли рабочие.

Стихийное бедствие рождает спасателей. Прибежали люди. Выходной день. Автокраны стоят без крановщиков. Шофера сразу притащили домкраты, рискуя жизнью, стали отжимать железобетонные обломки, оторвали дверь, кое-как сквозь битый бетон и острую арматуру стали вытаскивать тело из кабины, а руку на руле прижала огромная тяжёлая плита.

– Режь руку! Руби! – кричали со всех сторон. Но как-то удалось её выдернуть; только оттащили несчастного, всё окончательно рухнуло, завалилось, превратилось в кучу хлама, заволокло облаком густой пыли.

Через две недели Отто впервые открыл глаза и увидел белый потолок больницы. Жизнь висела на ниточке. Хороших специалистов в их больнице не было и сиделок тоже. Уже и пролежни пошли и живот надувшийся так, что своих ног не видно, и кушать не дают, только пить. Но потом друзья привезли специалиста, Волохову Анну

Ивановну, нейрохирурга из областной больницы. Она посмотрела на молодого красивого и беспомощного парня и, наверное, от сострадания влюбилась.

– Я сделаю всё возможное, чтобы этого парня спасти, – громко сказала она при всех. Она сразу направилась в Ташкент к знакомому специалисту, профессору Тишину. «Хорошо привозите!» – решил профессор.

В то время это был единственный на всю округу специалист, нейрохирург, который делал благополучные операции на позвоночнике. У него был необыкновенный авторитет и мощная харизма. Отто сделали две операции и поставили на 11 и 12 сломанный позвонок пластиковые хомуты.

С Кавказа прилетела сестра Фрида, месяца два ухаживала за братом, потом из Сыктывкара прилетела другая сестра Ира и тоже пару месяцев провела у кровати брата. Отто лежал пластом. Только левая рука слегка шевелилась, правая была расплющена, тело омертвело и не подчинялось сознанию. Зарёванная сестра спросила у профессора:

– Долго ему так лежать?

– Наверное, всю жизнь, – ответил профессор. – Положение очень тяжёлое. Сидеть, может быть, сможет в корсете, а ходить не будет никогда. При травме произошло сильное повреждение костных структур и мягких тканей, смещение межпозвоночных дисков, связок мышц, нервных корешков спинного мозга и повреждение большинства нервных структур, раздавлен мочевого пузырь, что повлекло за собой невероятные, нечеловеческие боли. Вы даже представить себе не можете как это больно.

А Отто он сказал совсем другое.

– Ну, добрый молодец! Мы всё что могли – сделали, теперь всё зависит от тебя!

– А что от меня зависит? – удивился Отто.

– Бегай! – говорит профессор. – Бегай! Весь день бегай, без перекура. С утра до вечера! Всё время бегай!

– Как? – удивился Отто.

– Понимаешь, всё зависит от мысли и от веры, всю боль твою в силу переплавляй! Поверь в себя! Стань верующим! У всех людей есть нервная система. Ты только подумал, что надо идти, а мозг уже дал команду ногам. Иди! И ноги пошли. Всё это нервная система, там всё взаимосвязано. Вот ты и бегай, тренируйся! В мыслях бегай и верь, что это на самом деле. Аутотренинг называется, между прочим, твой однофамилец додумался, был такой немецкий психиатр Иоганн Шульц. Это он разработал специальные формулы аутогенной тренировки, правила внушения и самовнушения. Это твой путь. Постоянно мысли посылай ногам и верь, что ты бегаешь, надо, чтоб твой головной мозг постоянно посылал ногам команды.

С утра до вечера, день и ночь, Отто бегал в мыслях, лёжа на кровати. Как только проснётся и – побежал. Он на самом деле потел, уставал, задыхался, отдыхал и бежал дальше.

А профессор каждый понедельник делал обход и спрашивал:

– Ну как, бегаешь?

– Бегаю! – отвечает Отто, а у самого никакой чувствительности ниже живота нету. Всё мёртво.

Полгода Отто бегал в кровати, однажды в очередной понедельник профессор спрашивает:

– Ну как, Шульц! Бегаешь?

– Вы знаете, профессор! – ответил Отто. – Мне кажется, я не бегаю, а я действительно побежал!

– А ну! А ну! Покажи! – и доктор скинул одеяло.

Отто напряг всю свою веру, закрыл глаза, лоб покрылся испариной, он часто задыхался, а сам всей душой всеми мыслями старался шевельнуть хотя бы большим

пальцем на ноге, хотя бы чуть-чуть, и палец тихонько дёрнулся, шевельнулся, профессор заметил, обрадовался, стал кричать:

– Давай! Давай! Давай! Давай! Силу и волю дарует борьба! Человек – это прежде всего сила духа, умение приказывать себе и заставлять себя. Твоя воля – твоя доля! Давай! Давай! Давай! Давай!

Потом он успокоился и говорит:

– Ты читал книгу «Повесть о настоящем Шульце», то есть – человеку? Там говорится о том, как во время войны был сбит русский лётчик Алексей Маресьев. Он 18 суток полз зимой по лесу раненый и голодный с перебитыми и отмороженными ногами и дополз до своих. Ноги ему спасти не удалось, пришлось ампутировать обе, гангрена зашла слишком далеко. Ему дали костыли, сделали протезы, он по новой учился ходить, потом танцевать, потом стал летать. Участвовал в воздушных боях и побеждал врага! В одном бою он сбил сразу три вражеских истребителя. Представляешь? С таких людей надо брать пример!

У тебя, паря, дела не легче, а может, и тяжелее, у него хоть позвоночник цел был и тело живое.

С тех пор Отто ещё сильнее тренировался, и пальчик ожил, потом другой, потом зашевелилась ступня, потом стал коленочки подтягивать. Правая нога стала оживать, а левая не хотела, лежала как мёртвая, но Отто тренировался. Через полгода Отто впервые сел на кровати, а к зиме ребята поставили Отто на костыли, которые где-то раздобыли и принесли в подарок. Когда он впервые встал, закачался весь и закричал:

– Держите меня, ребята! Я падаю!

– Да никуда ты не упадёшь, мы тебя держим крепко! Просто ты не чувствуешь. Посто́й немножко вот так. Привыкни!

Потом отпустили, тихонько, спрашивают:

– Можешь ногу немного с места сдвинуть?

Отто старался. Потихоньку, потихоньку каждый день тренировался до изнеможения. Постепенно стал стоять на ногах и даже начал ходить на костылях по длинному больничному коридору. Факты – упрямая вещь, но Отто был упрямее. Он посчитал, сколько метров исходил за день, увеличивал нагрузку и вскоре написал отцу в письме: «Папа, я уже хожу!» Отец уже не верил, что сын встанет на ноги. Страх за сына – был тайный крест отца. С таким диагнозом люди не ходят и никогда не ходили, такого в жизни ещё не было, чтоб со сломанным позвоночником вообще вставали.

Отто начал ходить уже километрами, он стал добиваться, чтоб его непременно отправили лечиться, хотя бы на курорт.

Наконец, настырному 29-летнему инвалиду труда первой группы дали путёвку в Крым, в город Евпаторию, в специальный санаторий для инвалидов Великой Отечественной войны «Прибой». Ему, немцу с яркой немецкой фамилией (как со звездой во лбу!), придётся жить среди матёрых фронтовиков. Было тревожно. Боялся – как примут? Но русские инвалиды-фронтовики – народ, знающий жизнь со дна и до дна, приняли его как брата по несчастью, и отношения были всегда братские. Учили, шутили, советовали и укрепляли боевой дух. Несчастье порождает равенство. Там Отто занимался очень усиленно зарядкой, гимнастикой, аутотренингом, грязи принимал: за месяц добился очень хороших результатов и по-маресьевски подумал: «Нет! Я к отцу с костылями не поеду!» И Отто решительно забросил один костыль в море.

Он жил в Чимкенте – ему, как инвалиду, выделили двухкомнатную благоустроенную квартиру – но по пути домой решил обязательно заехать к родителям, он их уже около двух лет не видел, да и ушёл он от них некрасиво, как блудный сын, тайно, не спросясь, не посоветовавшись. Променял любовь на деньги.

Отто начал всюду ходить с одним костылём и с палочкой. Отто попросил врачей, чтоб ему разрешили ещё на месяц остаться в санатории, врачи собрали консилиум и разрешили.

– Ну, не хочу я домой идти с костылями, – объяснил он докторам. Потом Отто подумал, ведь к родителям не с пустыми руками придёт, в руках надо будет чемоданчик нести. Он начал тренировать руки. В левой руке стал таскать сначала двухкилограммовую, потом трёх, потом пятикилограммовую гирию. Через месяц он выбросил в море второй костыль и с лёгкой балеточкой в руке, и с палочкой в другой, поехал Отто домой.

В Краснодаре в аэропорту его встретили бывшие коллеги и друзья, с которыми он работал на скорой помощи, и шумной толпой привезли его домой. Возвращение блудного сына прошло по-библейски. Отец радовался как ребёнок. Накрыли стол, пригласили гостей. Много говорили, беседовали, по утрам ходили на Белую речку рыбачить. Много рыбы наловили, вспоминали прошлое и разговаривали без конца. Теперь Отто решил каждым летом приезжать к родителям на Кубань, а сейчас пора было возвращаться в Чимкент.

СУД

Сам Бог не судит человека, пока не окончатся дни его, потому что легче жить со сломанными костями, чем со сломанной судьбой. Четыре раза в Чимкенте шёл суд. Государство не хотело платить пенсию и признавать, что это был несчастный случай – производственная травма. Хотели всё свалить на личную неосторожность: сам виноват, задел поднятым кузовом капитальное строение и причинил предприятию ущерб, который необходимо возместить. Два юриста – три мнения.

И всё-таки справедливость восторжествовала. Пришёл на суд хороший, честный и грамотный человек – судья высшего суда, и очень просто доказал, что был выходной день, воскресенье, шофера были вынуждены подчиниться приказу и выйти на работу, совершенно не отдохнув за прошедшую неделю. Они обязаны были выполнить производственный план, и эта производственная травма произошла на служебной территории в рабочее время при исполнении производственного задания оформленного соответствующим приказом. Проезжая часть территории предприятия не соответствовала положенным нормативам, а была в ямах и колдобинах, которые и повлекли за собой самопроизвольное включение автомобильного рычага подъёма кузова, в результате чего произошёл несчастный случай и, как выяснилось, не первый. До этого уже там произошёл подобный случай и, как выяснилось, со смертельным исходом.

На другой год Отто опять поехал к родителям, на Кавказ, а попал на похороны отца. Мать осталась одна, и тогда Отто стал упрашивать мать, чтоб она поехала вместе с ним в Чимкент жить.

– Что вы будете здесь одна, такой большой огород и столько работы в доме Вам уже не по плечу. Вы же тут упадёте от работы. Но все знакомые и соседи стали её уговаривать в обратном: «Андреевна, не езжай! Он женится и всё! Ты никому будешь, не нужна, а здесь у тебя домик свой». Так и уговаривали её, а Отто опять за своё. Народ – за своё!

– Мамочка, всё будет хорошо. И церковь там есть большая, здесь вы без церкви живете, а там она рядышком.

Это её заинтересовало больше всего. Однажды мать пошла в центр станицы, далеко было, километра полтора. Отто остался дома один. Вдруг приходит какой-то человек с женой.

– Мы слышали, что вы продаёте дом?

Отто удивился, вроде бы, никакого объявления пока не вешал и особо никому не говорил, но люди своими языками уже разнесли известие далеко. Отто объяснил, что хотел бы продать дом и забрать мать к себе в Чимкент, но она, вроде бы, ещё не совсем согласна.

– Можно дом посмотреть? – спрашивает покупатель.

– Пожалуйста!

Посмотрели дом, летнюю кухню, огород, сарай, коровник, всё есть, дрова, колонка для воды своя. Всё по-немецки сделано, чисто, аккуратно, по уму. Им очень всё понравилось. Они говорят:

– Мы завтра ещё приедем с нашей матерью. А сколько вы хотите за дом? – задал он последний вопрос.

– Шесть тысяч чистыми, на руки, – ответил Отто. Оформление документов, ваши затраты, и никакой торговли не будет. Мы всё продумали. Цена реальная. Нравится берите, не нравится поворачивайтесь и уходите.

Они уехали.

Вскоре вернулась мать из центра. Отто ей говорит:

– Mamochka! А я дом продал!

– Да ты чё? – всплеснула руками мама.

– Да! Завтра придут уже с деньгами. Если их матери всё понравится, то сразу можно будет оформлять документы.

На другой день покупатели приехали втроем. Мать посмотрела, повеселела, оживилась вся. Понравилось.

– О! О! Вот это по душе! Именно такой дом мы и ищем.

Дом купили не торгуясь.

Бывшие хозяева сразу начали паковать вещи и переехали в Чимкент в благоустроенную двухкомнатную квартиру в панельном доме, с центральным отоплением, с холодной и горячей водой, с ванной, с газовой плитой на кухне, с телефоном. У мамы на старость лет была своя отдельная, уютная комнатка.

ВЕРА

Мама была очень верующая женщина, ей надо было непременно ходить на все собрания. По воскресениям Отто возил её на автобусе в церковь. Потом ждал мать, сидя на собраниях у самого выхода. Посидит, и после служения отвозил её опять домой на автобусе. Несколько раз ездил с ней, чтоб дорогу запомнила. Как она дорогу выучила, стала ездить сама, а Отто перестал ходить на собрания и занимался своими делами, но в душе его всё-таки туда тянуло. Отто ещё несколько раз сходил, послушал, о чём там говорят, потом уже ходил на собрания постоянно, но был неверующий и сомневался во всём, как Фома из библии, но зато он познакомился там с очень интересными людьми. Сблизился со своими ровесниками, с пресвитерами и подружился с баптистом Колей Левиным.

Отто начал многим интересоваться и вычитал в книгах, что всем известная «Пизанская падающая башня» находится в Италии на территории неповторимого по красоте, прекрасного и величественного собора в городе Пиза. Христианский собор встречается на фотографиях чуть реже, и совсем редкостью считается фотография баптистерия. Весь архитектурный ансамбль состоит из трёх шедевров.

Во всей истории человечества каждый хоть раз задумывался над своей жизнью и искал смысл своего бытия, искал Бога. Многие паломники проходили полмира, чтоб склонить колени в Божьем храме, признаться в своём бессилии, очистить душу и принять верой Иисуса Христа, Бога Отца и Святого Духа. Но раньше не всех пускали в Божью церковь, а только покаянных, верных, преданных христиан. Для того чтобы войти в церковь, надо было принять присягу, дать клятву верности Христу, совершить водное крещение. Для этого построили огромный круглый баптистерий – бассейн, наполненный водой. Каждый, сознательно принявший в сердце Иисуса Христа, должен был умереть для мира, для общества, для земной жизни, для себя, и вновь родиться чистым – чистым для Иисуса. В баптистерии крестили, погружали человека лицом к небу в воду, пока она над ним не сомкнётся, символизируя могилу, смерть и конец грешной жизни.

Когда же верующий встаёт из-под воды, он – возрожденное дитя Божье, это начало новой верующей жизни. И Бог отныне в нём и с ним. Кто один раз родится, тот два раза умрёт, кто два раза родится, тот один раз умрёт, умрёт лишь телом. Из праха встал и прахом стал, а дух будет вечно с Богом.

Слово «баптист» происходит от греческого слова «баптизо» и обозначает крещение или омовение через полное погружение в воду. Идея связана с евангельским учением о крещении: «Кто будет веровать и креститься, спасен будет» (Маар. 16,15-16).

Баптисты отвергают крещение младенцев, признавая сознательное крещение людей в возрасте Иисуса Христа, по личной вере при наличии твёрдых христианских убеждений и отказа от греховного образа жизни. Баптисты признают Библию в составе Ветхого и Нового Завета. Священное Писание обладает исключительным авторитетом. Баптисты придерживаются принципа всеобщего священства, а также самостоятельности и независимости каждой отдельной церковной общины. Пресвитер (пастор) общины не обладает абсолютной властью, наиболее важные вопросы решаются на братских и церковных советах, общих собраниях верующих. Богослужения носят творческий характер и состоят из проповеди, пения в сопровождении инструментальной музыки, импровизированных молитв (своими словами), чтения духовных поэм и стихотворений, постановкой театральных сенок.

Первая община баптистов была основана в Амстердаме в 1609 году. Члены этой общины положили первый и главный «кирпич» в будущее баптистское вероучение: баптисты считают, что Христос искупил грехи всех людей без исключения. Частные баптисты утверждают, что Христос искупил грехи только избранной части человечества. Среди баптистов были умнейшие люди, такие как Чарльз Сперджен, английский проповедник, Джон Ролфеллер, меценат нефтяной промышленности США, Марин Лютер Кинг, негритянский лидер, Джон Картер – 39-й президент США, лауреат Нобелевский лауреат мира. Но главное будет, как написано: не видел того глаз, не слышало ухо и не приходило на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его. (1 коринфянам. Гл 2. 9 стих.)

Отто пытался фантазировать, представляя себе царство Божье, но человеческая фантазия перед Божьей – нищенка. Он понял, что смысл веры не в том, чтобы поселиться на небесах, а в том, чтобы поселить небеса в себе. «Мудрость мира сего есть безумие перед Богом», – говорил апостол Павел. (1-послание к коринфянам. 3. 19.) В мыслях Отто стал появляться Божественный интерес. Однажды к нему подошёл Володя Фрезе и говорит:

– Слушай, Отто! У меня есть идея! У тебя время есть, а у меня времени нету. Надо переписать начисто всю историю христианства. Материал есть в журнале «Братский вестник», который издаётся баптистским братством в Москве. Там пишут известные проповедники Карев и Сомов. Я тебе буду доставать христианскую

литературу, а ты переписывай и сортируй по векам: от рождения Христа и до наших дней.

«Рискованно! А не посадят? По почерку найти не трудно?» – подумал Отто, но согласился. Плохо в тюрьме инвалиду будет, но Бог важнее.

– Давай! Я буду переписывать, потом переплету и будет у нас своя дорогая книга.

Сказано-сделано.

Не прошло и полгода, как история христианства была переписана. И как она пошла по рукам и где только ни была: и в Джамбуле, и в Ташкенте, и в других городах и сёлах, где её только ни читали, Отто её вообще не видел, наконец, она вернулась, и видно было, что побывала она во многих руках, что её читали. Потом он подарил её своему другу Виталику Стефановичу.

Затем к Отто подошёл другой друг Володя Шестаков, у него книг было дома целая библиотека. Он говорит:

– Есть такая интересная книга профессора Бетекса «Как Бог научно творил мир», 400 страниц. Давай сделаем так. Ты её перепишешь, я сделаю копии, и у каждого из нас будет своя книга. Отто переписал её за три месяца, потом красиво всё переплёл, и получилась замечательная вещь. Эта книга произвела на Отто такое сильное впечатление, что он перед своим неверием на лопатках лежал. Теперь Отто был верующим, ему не надо было доказывать, что Бог есть. Он это знал точно! Он был в этом уверен.

И вдруг ему опять начал сниться один и тот же сон. Отто летал во сне. Ну прямо как птица – летал высоко-высоко в облаках и чувствовал, что его тянет ещё выше, выше облаков, а сам думал, что мне там делать? Ведь я – житель земли. Ему становилось страшно. Он старался лететь вниз к земле, но на землю никак не может опуститься, так и парил над землёй. Красиво и хорошо становилось на душе. Стал в церкви рассказывать о своих снах, чтоб разъяснили. Его все спрашивают, как ты летаешь?

– Очень просто! – отвечает. – Разбегусь, машу руками и лечу как птица, куда хочу, как хочу и сколько хочу.

В воскресенье должна была состояться Пасха, Отто читал писание, и в это время попалась ему на глаза «Деяния апостолов. 2 гл. Стих 17». Там стояло:

«И будет в последние дни, говорит Бог, излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши, и юноши ваши будут видеть видения, и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут».

– Ах, вот в чём дело? Вот мне Бог и открыл значение моих снов, – обрадовался Отто.

«Ты должен идти и каяться, – как будто кто ему сказал изнутри, – не опоздай!»

Отто встал перед окном и ясно увидел за стеклом перед собой совсем близко – смерть. Он понял, всё можно пережить, кроме смерти. От испуга Отто стал молиться:

– Господи! Ну, помоги мне дожить до вечера, я сегодня же пойду на собрание и покаюсь.

Он загорелся желанием.

Из магазина вернулась мама, положила сумки на стол и сказала, что хочет поехать на собрание. Отто говорит:

– Мама, я тоже поеду!

Мама удивилась, обрадовалась и призналась, что давно ждала этого момента, что давно просила Бога, чтоб он устроил так, чтобы любыми путями, но чтоб Отто пришёл к Господу.

– Любыми путями? – вздрогнул Отто.

Была среда, Отто с мамой пошёл на собрание. В церкви было трое проповедников и много народа. Боль в душе была сильнее боли в теле. Дятлом стучала в висках кровь. Что было в тот день в церкви, он вспомнить не мог, но на него очень сильно повлияли тогда две песни:

Страшно бушует житейское море,
Сильные волны качают ладью,
В ужасе смертном, в отчаянном горе,
Боже мой, Боже, к тебе вопию!

И второй гимн:

Научи меня Боже молиться,
Твой священный закон соблюдать.
Научи с гордым сердцем смириться,
Твою волю во всём исполнять.

Вот эти две вещи очень сильно на него подействовали, прямо как соль на рану. Потом вышел проповедовать Бережной Иван Андреевич. Он работал инженером на заводе, был грамотным и интересным человеком. И Отто вдруг захотел непременно сейчас покаяться, но не смог. После второй проповеди тоже не смог. Настало время молитвы. Все уже помолились, а Отто не может, хочет молиться, но не может, а в зале тишина такая, что слышно, как пролетит муха. Отто думает: «Ну что это такое? Я ведь хотел покаяться, почему не могу? Сейчас они начнут дальше молиться, и я опять останусь?» Так он сам с собой размышлял, и вдруг подумал попросить помощи у Бога, и он обратился.

– Ну, Господи. Ну, помоги мне!

Вдруг как толчок какой-то ему в спину, и как будто нарыв лопнул, он начал громко молиться. Просил у Бога прощенья, защиты, чтоб приняли в церковь, всё рассказал, что в душе болело. Молился как мог. Когда собрание окончилось, подошла к нему сестра из первых рядов и спрашивает:

– А кто покаялся сегодня? Кто это так громко и так искренне молился?

– Я покаялся, и я молился! – отвечает Отто.

Вдруг с кафедры объявили: «Брат, который покаялся, выйдите вперёд».

Отто пошёл вперёд, и мама тоже подошла радостная. Братья стали расспрашивать Отто обо всём, что-то записывали. Спросили про образование. Неполные 11 классов. «Это хорошо, – обрадовались братья, – сможешь быть проповедником». Отто очень удивился, зная, что разговорная речь у него не вязалась, очень уж был косноязычным. За всю жизнь прочитал только три книги: «Сержант милиции», «Хижина дяди Тома» и «Сатурн почти не виден». И он подумал: «Нет, проповедником я никогда не смогу быть».

Братья посоветовали читать слово Божье, а у Отто его нет. Нет библии, и достать её в СССР было невозможно. Вдруг дед Данил протягивает свою Библию на русском языке и говорит: «Даю на время, у меня ещё одна есть, на немецком».

Отто обрадовался, посмотрел, сколько в ней листов и подумал: «1150 страниц разделить на 365 дней, это будет по три с небольшим страницы в день. Я её за год перепису, и будет у меня своя библия. По три листа в день это для меня ничего не стоит». И взялся за дело. Переписал все книги Моисея, а потом подумал, а зачем я начал с Ветхого завета? Мне надо Новый завет переписать! Благодать же Иисуса Христа спасает нас! И он начал воодушевлённо переписывать Новый завет библии.

Вдруг из Германии, из Хемница, какая-то незнакомка, Юта Альбрехт, прислала на его адрес посылку со стиральным порошком, а в порошке была завёрнутая в целлофан маленькая библия на русском языке. Отто ещё больше обрадовался, переписанные листы красиво переплёл в книгу и отдал её в церкви одной знакомой тётке Иде. Она такая радостная была, что у неё теперь тоже своя библия есть.

Затем Отто стал брать у братьев разные христианские книги, и читал. Потом каждый день вечером включал радиоприёмник и слушал христианские проповеди из-за границы и всё записывал на магнитофон. Эти радиостанции глушили советские глушители. Порой ничего не было слышно, он уставал и засыпал в наушниках, а на другой день с утра Отто тщательно разбирал каждое слово и переписывал в тетрадь, чтобы вечером донести истину до братьев. Завёл он также ещё одну тетрадку, куда записывал разные изречения, умные мысли, хорошие афоризмы. Он раньше думал, что инвалид ничего делать не может, но ему действительно необходимо было трудиться для Господа, проповедовать надо было научиться. И Отто начал много читать и потихоньку его язык начал работать, появился запас нужных слов, Мысли были уже не такие сбивчивые, а предложения становились доходчивые и убедительные. Его начали приглашать выступить с речью или в какую-то деревню поехать, на тихую евангелизацию, или бабушкам Божье слово сказать. Он начал усиленно тренировать память, учить наизусть стихи и библейские изречения.

Однажды умерла одна сестра, было очень много народа, и Отто говорил на похоронах Божье слово. Один дед очень внимательно всё выслушал и, когда Отто закончил, подошёл к нему и строго сказал:

– Брат! Ты должен в церкви говорить.

Потом подходили ещё братья, сёстры, служители, и все просили проповедовать, но Отто боялся и отказывался: «Нет! Нет! Нет! Это не так просто проповедовать!» А сам начал присматриваться к остальным выступающим. Иногда выйдет какой-нибудь проповедник послабже, а Отто про себя думает: «Ну так и я смог бы». А когда выходил сильный проповедник да говорил, так что волосы дыбом становились, Отто сам себе говорил: «Эге! Вот как надо! Так что сиди, Отто, сиди молча на своей лавочке и молчи в тряпочку».

Сравнение – мерило ценностей.

Но однажды к нему домой пришли пресвитер, его помощник, рукоположённые братья и говорят:

– Всё брат, хватит молчать, пора проповедовать!

– Да я же не вполне здоров. Иногда боль так скрутит, что только и остаётся как зубами скрипеть.

– Кто занимается делом, тот забывает о страданиях, – ответили они. – Больному нужна хоть маленькая радость, чтоб забыть свою боль, надо ощутить общественную. Ты не беспомощный инвалид, ты можешь служить Богу не хуже других!

И Отто начал говорить. Он забыл о себе. Он был с братьями везде и даже ездил на Дальний восток, был в Биробиджане. Месяц проповедовал каждый день на разных собраниях.

Вернулись в Чимкент. Отдохнув и отдышавшись, Отто приступил к местной евангелизации. Отто уже всю проповедовал, но одному это делать было не всегда удобно. Хотелось, чтоб всё красиво было, чтоб кто-то что-то спел. И тогда Отто пришёл в гости к пожилой и одинокой сестре Раисе Васильевне. У неё всегда жили квартиранты – молодые девчата, которые приехали в город обучаться профессии.

– Ну что, девчонки? Поедем в село? Я буду проповедовать, а вы песни петь! – спросил Отто.

– Поедем! – отвечали они.

Выучили песни, и все вместе ездили.

Потом приехала Кооп Елена учиться на закройщика и поселилась у Раисы Васильевны. Отто пришёл как обычно. Познакомился с новенькой, посмотрел на неё с любопытством. Она была жгучая брюнетка, глаза чёрные, высокая, худая – весила шестьдесят три килограмма при росте метр восемьдесят. И Отто про себя подумал: «И кто на ней только женится? Просвечивает насквозь». В то время ценились девчата не стройные, а пышные, сильные, работающие.

Как-то Отто зашёл к Раисе Васильевне по делам, а она с квартирантами сидела за столом и смотрела фотографии. Лены не было. Отто понравилась фотокарточка, на которой Лена держала утюг и чего-то гладила, и подруги рассказали парню интересную историю о ней.

Лена старший ребёнок из большой дружной семьи. У её родителей всегда было много забот, и старшая дочь помогала им как могла. Она шила брюки, платья, костюмы, пальто и одевала всех с большим удовольствием и со вкусом. Шила из новой ткани и перешивала старые вещи на новый лад так, что не догадаешься. Особенно Лена любила шить одежду в подарок, и, чтобы малыши не догадывались на примерке, она завязывала им глаза. Зато как они радовались, получая такой подарок на день рождения. Знакомые и соседи тоже шли к ней приодеться. Она никому не отказывала, и её все любили, всегда кто-нибудь подвозил на работу: то на машине, то на мотоцикле. Однажды Лену подвёз на работу отец подруги, и Лена рассказала ей об этом. «С моим отцом? – удивилась та. – Это ты ему с брюками очень угодила! Он же когда едет – никого не видит, даже меня!» Подружки весело посмеялись, а Лене было очень приятно, ведь это была семья, с которой дружила их семья: и дети, и родители.

После этого Отто пристально присматривался к Лене и удивлялся, как профессионально, красиво и со вкусом Лена умела творить чудеса. Как-то девчата захотели сшить себе новые платья. Чтобы показать им, как это будет выглядеть, Лена, развернув ткань, набросила её на себя, и струящийся шёлк мгновенно превратил её в настоящую королеву. Отто перестал дышать, и что-то щёлкнуло у него в сердце. Он слышал, как по-доброму, умно и просто она разговаривала с заказчицами. Как приводила очень убедительные примеры, как в ней светилась духовная красота и внутренняя культура. Позже он увидел результат её благородного труда, девчонки преобразились, и все люди любовались их молодостью и подчёркнутой красотой.

Отто стал оказывать Лене особое внимание. Потом Лена тоже стала с ними ездить. Девчата красиво играли на гитарах и звонко пели на разные голоса. Были они молоды, с румянцем на щеках, свежи и красивы. Всё в них дышало весёлым задором, отменным здоровьем и преданностью к делу Божьему. От их присутствия сразу кругом становилось светлей, а от слова Божьего торжественно и празднично. В общем, проблем с прославлением не было. Отто проповедовал. Хорошо было. Замечательно!

Однажды Отто пришёл пригласить девчат в очередной рейд, а они отказались. И Отто догадался почему: они учились, и у них были проблемы с деньгами. А Отто пенсию по тем временам неплохую получал: 145 рублей, инженерская зарплата была 120. За один рубль три марки давали, но здоровье не купишь, боль не отстаёт, надо было проявлять истинное мужество, чтобы никто не видел его страданий. У кого когда-нибудь болела спина, тот может себе это отдал ё ё ё н н н о представить.

– Что, девчата, денег нету? – спросил Отто.

Они молчат. Отто говорит:

– Всё! Чтоб завтра в полвосьмого все были на вокзале, я на всех билеты возьму, – и строго так посмотрел.

Утром все были в полном составе, но вскоре девчонки закончили учёбу и уехали, осталась одна Лена. Одну её приглашать было как-то неудобно, люди говорить начнут, чего и не было припишут, как-то некрасиво получалось. В церкви законы строгие были, но душа уже начала тянуться к Леночке, если долго не увидит, вроде

скачает. Какое-то трепетное чувство возникло неожиданно для самого себя. Её стройный и гибкий стан, высокий рост уже нравились ему безоговорочно. Её тёмный непокорный волос вился и не давал ему покоя. Ему нравился её слегка длинноватый, но благородного покроя нос. Её тёмные прямые, склонные к серьёзности Христовы брови. У неё был красивый со свежими губами рот и, что особенно её украшало, большие печальные внимательно смотрящие тебе прямо в душу чёрные глаза, но самой выдающейся чертой её характера, пожалуй, была простота в общении. Отто осознал, что красота женщины не в красивых платьях, что она носит, не в её изящной фигуре, не в пышной причёске и маникюре. Красоту женщины можно увидеть в её глазах, потому что глаза – есть зеркало души, а душа – это место жительства любви. Любовь загорелась, запылала в душе Отто, чувства возникли, мечты разные.

Он часто заходил к Раисе Васильевне поговорить, приносил Леночке шоколадки, которые она никогда не ела, а отвозила домой своим младшим братьям, а те радовались и всегда ждали её, и об Отто уже давно все знали. Со временем Лена стала настоящей портнихой, мастером хорошего настроения с особым вкусом, красиво шила и одевалась скромно и элегантно.

Вскоре и Лена закончила свои курсы, сдала экзамены и уехала домой, а перед отъездом попросила Отто, чтоб он к ней не приезжал, и если будет в Джетысае, чтоб к ним не заходил! Мало ли чего люди придумают. Чтоб лишних разговоров не было, они писали друг другу письма. Еле-еле выдержал он полгода и на её день рождения приехал к ней домой, чтоб сосватать. Андрей – его зять – здоровый такой парень, неверующий, но уважал Отто и успокаивал шутя.

– Не бойсь! – говорит. – Если она соглашаться не будет, мы её в мешок и утащим.

Был день рождения, накрыли стол, пришла молодёжь, которая ни о чём не догадывалась. Пили чай, пели песни, попросили Отто сказать слово. Он всем понравился, умный, симпатичный, ну и что – что инвалид, он любому здоровому фору даст! Главное, он живёт с Господом. Тут Отто не выдержал и объявил цель своего приезда.

Отец Лены выслушал всё и говорит.

– Сегодня у неё день рождения, ей 27 и тебе 42. Вы не маленькие, решайте сами как вам быть.

Когда посватались, то у немцев был такой негласный закон, что молодые уже имели право ходить под ручку и вместе посещать собрание, а у русских до свадьбы даже целоваться было нельзя.

7 апреля расписались, а 13 апреля 1980 году была в церкви свадьба. Москва готовилась к олимпиаде.

После свадьбы Лена переехала к нему в Чимкент, и зажили хорошо, как будто всегда вместе были. Всё шло как по маслу. Жена устроилась швейей в ателье «Люкс». Она умела шить всё: и свадебные платья, и костюмы, и женские брюки и верхнюю одежду. Сама была и закройщик, и швея, и кассир, и приёмщик. Через год жена забеременела и подарила мужу дочь Ирину, а ещё через год Риту, 9 и 12 января – погодки. Потом Лена выучилась на шофёра и получила водительские права.

Как-то в Газалкенте вместе с пресвитером Виталиком Стефановичем шёл Отто тогда ещё с палочкой вдоль дома. Было скользко, Отто поскользнулся и упал на землю. Виталик схватился помочь другу. Поднимает, поднимает, ну никак не может друга на ноги поставить. А Лена, как почувствовала, прибежала, со стороны спины руки под мышки сунула, раз и на ноги поставила. Сильная была, хоть на олимпиаду посылай. Хорошая жена – спасенье жизни, а несчастье, разделённое на двоих, – это уже семейное счастье. Жена – слава мужа.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

30 апреля 1989 года семья Шульц переехала в Германию. Катя, родная сестра Лены, сделала им вызов. Самолёт приземлился во Франкфурте-на-Майне. Когда прилетели, все пассажиры покинули салон, а Отто переживал, как он будет с трапа сходить. Трап такой крутой – не удержать коляску. В Чимкенте Коля Левин с братьями его на руках в самолёт занесли, а здесь даже знакомых нет, кого попросить можно. Стал пробовать и суетиться сам, а стюардесса говорит:

– Не дёргайтесь! Вы приехали в цивилизованную страну. За вами приедет «Красный крест», вас обслужат и спустят, и отвезут куда надо. Наберитесь терпения. Гедульд! Гедульд!

Уже все пассажиры вышли, а Отто с семьёй сидел в самолёте и ждал пока приедет этот «красный крест». Вдруг в салон зашли двое крепких мужчин, вынесли Отто из самолёта на руках, посадили в специальный микроавтобус, пристегнули ремнями и повезли одного как Царя-батюшку в «Красный крест», а семья уехала вместе со всеми приехавшими переселенцами. В семье все беспокоились за Отто, но потом все снова собрались вместе.

А в это время встречать их из Детмольда приехал двоюродный брат Лены – Пётр Пенер. Все пассажиры уже вышли из самолёта, а его родственников всё нет и нет. Стал он спрашивать выходящих с рейса пассажиров:

– Все люди уже вышли? В самолёте никого нет?

– Нет, – отвечают ему последние пассажиры.

Он всем объясняет, что должен прилететь родственник с семьёй, а переселенцы отвечают, что, наверное, не все поместились в один самолёт и следом должен прилететь другой, но когда – никто не знал. Братишка ждал, ждал, а потом развернулся и уехал домой в Детмольд.

Семью Шульц привезли во Фридлинд, но там не оказалось свободных мест, и их отвезли в воинскую часть. Всем досталось по солдатской койке. Там они прожили три недели. Потом их привезли опять во Фридлинд, затем поселили в Унамассен, а оттуда направили в Детмольд.

Наконец, вечером Лене объяснили, что завтра надо будет ехать в Детмольд. Лена напомнила, что у неё муж-инвалид в коляске и им будет трудно туда самостоятельно добираться.

– Не беспокойтесь, мы за вами приедем!

Она подумала, что доведут до рейсового автобуса или до ЖД вокзала, и оттуда они вместе с другими переселенцами поедут дальше, но на другое утро, ровно в 7 часов, к ним подъехал совершенно новый, специально оборудованный для перевозки инвалидов, японский «Булик». Вышли солидные шофера и спрашивают:

– Гер Шульц здесь живёт?

– Здесь! – отвечает Отто.

– Мы приехали за Вами. Где ваши вещи?

Всё аккуратно погрузили, рассадили всю семью – жену, детей, маму и Отто вместе с коляской, всех пристегнули ремнями безопасности, как самую дорогую ценность страны, и тут по селектору, по громкой связи, позвонили из диспетчерской и спрашивают:

– Как дела у гер Шульца?

– Погрузились, – отвечают. – Сейчас поедем.

Прошло ещё минут двадцать, опять звонят:

– Как дела у гер Шульца?

– Мы уже в пути! – отвечают.

Отто отвернулся к окну, и мужские слёзы тихо выкатывались из его глаз, он первый раз в жизни услышал к себе такое уважительное обращение «Герр Шульц» – Господин Шульц! Господин! Персона! Господь отец, он сын Божий! Господень человек – господин!!

Едут, едут довольно долго, и они стали догадываться, что их везут не на вокзал и не к рейсовому автобусу, а напрямик – в такую даль, в город Детмольд, везут как господ, по-барски.

«Какие льготы в этой стране?» – удивлялся Отто. В России никто не заботился об инвалидах, Отто прожил много лет в хрущёвке, и участковый даже не знал, что на его участке жил инвалид. Власть о нём забыла.

А тут везут прямо в Детмольд, на новой машине и постоянно интересуются, как дела у Гер Шульца. Отто отвернулся к окну и всю дорогу молча плакал.

«Вот это да! Вот это да!» – восхищался Отто.

А за окном проплывала невероятно ухоженная, красивая, вежливая и приятная страна.

ДЕТМОЛЬД оказался большим городом. Всех поселили в нотвоунуг в Пифицайду на территорию фирмы «Пап маер». Там проживало 53 семьи переселенцев. Семье Отто дали комнату побольше – бывший кабинет начальника. Пожили они там день, два, приходит к ним один человек, Классен Бернгард, он тоже там жил, и спрашивает:

– Слушай! Ты не верующий?

– Верующий! – отвечает Отто.

– Ну, хорошо! – и убежал.

Прошло несколько часов, он опять приходит.

– Слушай! А ты случайно не баптист?

– Баптист!

– Замечательно! – и ушёл.

А Отто не знает, что он хочет. Оказалось, он тоже верующий. Потом он пришёл ещё вечером и говорит:

– Слушай! А ты случайно не проповедуешь? Не проповедник?

– Проповедую! ДА! – отвечает Отто. – Ездил по Казахстану – проповедовал, трудился!

– Хорошо! – говорит он. – Ты знаешь, меня совесть берёт, я в Казахстане был пресвитером. Вижу и тут есть верующие, а мы ещё ни разу собрания не проводили, это же ненормально. Надо же как-то организовать служение.

– Хорошо! Надо! – отвечает Отто.

– Ну, давай завтра же соберёмся все у тебя в большой комнате. Ты помолишься и скажешь слово, – предложил брат.

– Ну, хорошо! – отвечает Отто. – Почему нет, надо же общение иметь. Познакомиться.

На другой день собралось из лагеря человек 20. Все приезжие, друг другу еще не знакомые.

Бернгард проповедовал на немецком, Отто – на русском. Собрание прошло хорошо, все объединились, подружились. Бернгард объявил, что теперь по средам и субботам будем проводить собрания.

А наверху, над комнатой Отто, была ещё одна очень большая комната, она была предназначена для детей и как красный уголок. Попросили у хаусмайстера разрешения проводить там собрания, он дал ключи. Там такие хорошие собрания проходили, многие – стихи рассказывали, песни пели, проповедовали. Один из переселенцев оказался музыкантом. Его сынишка Давид очень хорошо играл на скрипке, он и сейчас

в Германии, в своих кругах, высоко цениться. Ему тогда многие предсказали большое будущее. Начали приглашать местных немцев, даже из Красного креста приходили, интересовались и другие люди. Мы привезли с собой живую веру. Осенью справили праздник жатвы, и даже пригласили из социаламта кого-то. Прожили там, наверное, месяцев 7 или 8. Потом на собрание стали ездить на автобусе в большую местную церковь. Дети пошли в школу. Рита – в первый, а Ирина – сразу во второй класс. Лена днём ходила на шпрах курсы, а маме и Отто шпрах курсы не дали, всё равно им не работать, объяснили в амте.

Вскоре семье Отто дали нотвоунуг. Прямо напротив молитвенного дома построили новый жилой дом, и Шульцам дали три комнаты. Теперь у детей была своя комната – у мамы своя и у Отто с Леной. После двухкомнатной квартиры в СССР это казалось роскошью. В квартире были кухня, три комнаты, ванная, два туалета, – всё новенькое.

В это время в России открыли границу, и на Запад поехали все, кто мог. Всё стало свободно. К Отто из Чимкента стали приезжать гости, каждую неделю новые. В доме было полно людей, в детской всегда гости. Дети учились в школе по-немецки читать и писать, а дома на полу делали уроки. Со временем все переселенцы уже выехали из нотвоунуга, а семья Отто, хотя и приехала самая первая, всё ещё жила в общежитии.

ТОТ, КТО СТРОИТ, ТОТ ЧЕГО-ТО СТОИТ

Поговорив в семье о будущем, Отто послал жену на разведку в город, в амт узнать, как быть дальше. А там ей кто-то посоветовал, что надо строиться. Строиться-то – строиться, а где деньги взять? Лена разочаровалась и пришла домой.

«Дом, то дом, а за чей счёт строить?» – думал всю ночь Отто. На другой день он снова послал жену в город, чтоб всё подробно разузнала. Там её направляли из одного места в другое, всё чего-то объясняли и, в конце концов, она стала разбираться в строительных делах не хуже специалистов: где, как, под какие проценты можно строиться. Она позвонила в организацию, откуда Отто пенсию назначили, объяснила ситуацию и планы на строительство. Шеф раскашлялся и, наверное, подумал «Дизе фрау шпинт!». Но Лена спросила: «Когда он будет в их краях?» Он ответил, что не планировал, но через три дня сам к ним приехал, и все вместе обсудили положение дел. Он расспросил, какими средствами семья располагает? Отто и мама как раз получили комендатурские, а потом и Лена получила, причём больше всех, потому что её родители во время войны были в Германии. Пока деньги не разошлись, решили строиться. Весь район был сплошная новостройка. Им предложили пустующий угловой участок, кто-то его взял, но строиться не стал, или не смог и отказался. Участок был почти на ровном месте, а за ним шла уже гористая местность, и Отто решил, что туда на инвалидной коляске ему будет не подняться. Стали советоваться с родственниками, одни советовали брать, другие отговаривали, говорили, что участок угловой, шумно будет, да и дети маленькие – могут, играя, на дорогу выскочить. Но, в конце концов, решили брать – лучшего места не предвиделось, участок в 699 квадратных метров, или семь соток, стоил тогда пятьдесят тысяч марок. Стали думать, как осилить финансирование. Пригласили специалиста, обговорили все детали. Лена устроилась на работу в дом престарелых, без специального образования, и теперь её от фирмы собирались послать на учёбу, соответственно стипендия была намного меньше зарплаты, и тогда строительство становилось бы неосуществимым. Но бератор сказал: «Хорошо! Я никому ничего не буду говорить, делайте бумаги. Успеете до учёбы оформить все бумаги, – ваше счастье, не успеете – я не виноват».

Все бумаги оформили вовремя, собрали все свои накопления, киндергельд, пенсию мамы, взяли наиболее выгодный кредит в банке. Отто выдали половину его пенсии на десять лет вперёд, без всяких процентов, и стройка закрутилась. Лена пошла учиться, Отто проводил на строительстве общее руководство. Строили всё сами, помогали родственники. Начальником строительства назначили младшего брата Лены, Кооп Якова. План дома архитектор специально перевернул в зеркальное исполнение, потому что для инвалидов в Германии особые требования при строительстве. Надо чтобы и двери шире были, и чтоб порогов не было – на коляске ездить, и туалеты больше, и всякие другие тонкости. Домик получился в три этажа, из красного кирпича с встроенным гаражом, верхний этаж назвали «Апштел раум», на него денег не хватило, решили позже достроить хозспособом.

Лена была из большой семьи – 10 детей: 6 братьев и 4 сестры – Ваня, Вася, Андрей, Петя, Эдик, Яша, Катя, Гертруда, Ирина. Да и у Отто родственники позаботились. Вырыли котлован, привезли бетон, стройматериалы. Отто по семь раз в день приезжал на своей коляске – согласовывать и руководить. Появлялся архитектор, проводил авторский контроль. Строили легко и быстро. Местные только удивлялись, как быстро выросстал домик.

Переехали ровно через год 9 августа 1993 г. Все помощники тащили кто что мог, хорошо, что недалеко – наискосок по улице 300 метров.

Затем занялись благоустройством. На участке оказались одни камни, пришлось нанимать маленький трактор, всё перепахали, камни убрали, завезли хорошую землю. Всё разровняли, сделали бордюр, выложили двор, посадили траву, фруктовые деревья, цветы. С краю посадили малину, красную и чёрную смородину, клубничку. Картошечку посадили, и лучок не забыли. Летний домик в огороде поставили. Лена очень любит цветы. Много денег «зарыла» она в землю – цветы-то в магазине дорогие. Мама тоже помогала чем могла, она уже в возрасте была. Дом стоит на углу, и все люди из церкви мимо проходят, каждый смотрит, любитесь и все говорят:

– Это не только вы радуетесь цветам, это и мы радуемся оттого, что тут всё это так ухожено, так все красиво цветёт.

– Красиво жить не запретишь! – смеялся Отто, и был очень благодарен своей Леночке.

ГОСТИ

Строительные заботы кончились, Отто чувствовал себя хорошо. Как-то поехали всей семьёй в Бюнде. Там для молодёжи было расширенное служение. Приехала христианская группа «Ковчег» из Донецка, пели они с утра до вечера. Всем полюбились музыканты, очень понравилась песня:

Поднимайте взоры к небесам,
О, какая радость будет там.

Потом было слово, а ближе к вечеру старший церкви попросил взять, кто может, гостей к себе на ночлег, по два-три человека. Отто тоже дал согласие, но попросил, чтоб ему дали музыкантов, желательно скрипачей, потому что дочка Рита училась в музыкальной школе на этом инструменте. Ребёнку из-за детской неусидчивости хотелось преподать живой пример красивой музыки. Отто часто говорил дочери: «У тебя талант. Было бы ещё терпение, ты могла бы стать Моцартом, а так у тебя всё в мгновение ока происходит. Музыкае надо посвящать не минуты, а жизнь. Музыка – самое поэтичное, самое могучее, самое живое из всех искусств. Влюблённая душа исторгает гимны. Музыка – это разговор Бога с людьми!»

В новом доме заночевало полгруппы, вечером устроили целый домашний концерт. Когда уезжали, Отто щедро пожертвовал им на дорогу. Мир живёт добрыми сердцами. Так и подружились на многие годы. Каждый год, бывая в Германии, они непременно заезжали к Шульцам в гости. Потом музыканты попросили пригласить в Германию талантливую христианскую певицу из Донецка Аллу Кирсанову, затем у него жили верующий киноактёр, известный артист Украины певец Юрий Павлович Богачёв, автор книги «Из ада вырвала меня, рука Твоя», и его жена – актриса Валентина Борисовна, очень красиво играла на виолончели. Позже приехали их дети, лауреаты международного конкурса, Валентин и Лилия Богачёвы. Потом была певица Оксана Полищук из Сан-Франциско, проповедник из Сакраменто Пётр Андреевич Семерюк, ночевал тогда там и Владимир Эйснер, писатель и полярник. Многие знают Отто и его гостеприимный дом. Все его знают, и он за всех в ответе.

Отто возил гостей на выступления по всем церквям Германии и даже в Голландию заскочил рыбкай угостить и мир людям показать. Соседи удивлялись, откуда ты всех артистов знаешь, а Отто смеётся:

– Возьмите и вы на ночлег одного и тоже будете всех знать!

Однажды как-то раздался в его доме звонок из далёкой Америки. Звонили из сотого телефона знакомые братья, приехавшие туда евангелизировать. Они взяли напрокат жилой автомобиль, и в дороге поломались. Что делать не знают, местный язык не понимают. Отто расспросил, где они и что случилось, сказал: «Ждите! К вам приедут». Потом позвонил в церковь того города и передал сигнал SOS. Через некоторое время к потерпевшим подъехали братья из местной церкви и оказали действенную помощь. Долго ещё вспоминали все тот случай, как Отто на другом конце земли помощь оказал терпящим бедствие братьям. В Америке у Отто столько же друзей, сколько и в Германии или в Казахстане.

Раньше в СССР зажимали церковь, а верующих постоянно преследовали, многих сажали за решётку или определяли в психбольницы и делали их там дураками при помощи специальных лекарств. Некоторых лишали родительских прав и отнимали детей. Многие семьи верующих, спасавшихся от религиозных преследований при Советской власти, отпускали под давлением западных политиков только по религиозным мотивам в США и Канаду, где верующие основали богослужение в церквях на русском языке. Потом, когда свободу дали и с границы сорвали замок, родственники стали вызывать родственников, и ручеёк превратился в речку. Многие утекли за океан. Отто поддерживал связь со всеми членами своей Чимкентской церкви. И вот из-за океана пригласили его в гости. Дочери ехать не хотели: «Вы там будете говорить только по-русски, а мы уже почти ничего не понимаем, и нам там будет скучно и не интересно», – протестовали они, но поехали. Вместе с ними поехала семья Левиных – Коля, Галя и их дочери Лида с Ритой. Две семьи давно между собой дружили. А когда они приехали в Америку и всех там так хорошо встретили, у них был шок. Их возили – то на океан, то в прерии, то в музей, на всякие игры. Посетили Вашингтон, Нью-Йорк, были в Пенсильвании, в Виржинии, ездили на границу с Канадой на Ниагарский водопад. Каждый день ночевали у знакомых: сегодня у одних, завтра у других. Русскоязычные церкви там от трёхсот до пятисот человек, дети у всех выросли – не узнать. Молодёжи там так понравилось, что дети назад не хотели ехать, они плакали в аэропорту и говорили, хоть бы самолёт сломался и никуда бы не полетел, – они бы с радостью остались здесь ещё! Но в гостях хорошо, а домой надо! Потом всей семьёй на своей машине съездили в Швейцарию и в Париж – любоваться историческими достопримечательностями и красотой.

Телевизора у Отто в доме нет, и смотреть его ему некогда – он весь в делах. Он всегда в пути, у него столько книг и столько аудиокассет, как в хорошей радиостудии

или библиотеке. Он всегда в курсе всех дел. У него дома с утра до вечера, как на телефонной станции, раздаются требовательные звонки. Все хотят посоветоваться и поделиться с ним, обменяться мыслями или исповедоваться.

Отто весёлый, мужественный и добрый человек, с ним легко. Любит пошутить сам, и рассмешить других.

«Весёлое сердце благотворно, как врачество, а унылый дух сушит кости. (Притчи Соломона 17гл.22стих.), – поясняет он. У меня судьба какая-то весёлая, то улыбается мне, то надо мной смеётся!» – шутит Отто.

Собрались Отто с Леной куда-то съездить, а погода нелётная была, мокрая: дождь льёт, холодно. Поздняя осень. Дорожка у них к гаражу наклонная, хоть и брусчаткой выложена, но в такую погоду скользкой становится. Отто решил, что пока Лена собирается, машину из гаража выгнать. Выехал из дома на коляске, и его понесло как на коньках под горку юзом. Отто за обода схватился, тормозить стал, а резина мокрая, гладкая – не держит, скользит в руке, ничего невозможно: ни тормозить, ни рулить – понесло. А там, где дорожка кончается, за бордюром трава растёт. Коляска об бордюр стукнулась, Отто, как военный лётчик, катапультировался. Выкинуло его на асфальт, коляска через голову перелетела и в мокрой траве успокоилась. Ангел-хранитель, видно, не дремал – ничего с ним не случилось. Отто благополучно приземлился посреди большой лужи. Достал палочку, подтащил коляску, а перебраться в неё уже был не в состоянии, сил нет. Сидит в луже, Бога молит, чтоб Лена, скорее из дома вышла и помогла. Мимо идёт сосед и спрашивает:

– Что, Отто, свалился?

– Да, вот скорость превысил, а резина летняя, тормоза не выдержали, и свалился в лужу. Сижу вот, дождевую ванну принимаю. Хорошо! – и рассмеялся так весело и заразительно, что дети в окно выглянули и ужаснулись. Выбежали, все вместе опять его в коляску посадили, и поехал Отто назад в дом настоящую ванную принимать и в сухое переодеваться. Весь вечер в окно на то место смотрел и хохотал над своей комедией.

СОСТРАДАНИЕ

В часы досуга Отто просматривал газеты. Была в то время в Германии в русскоязычной газете «Земляки» христианская страница, которую вела талантливая христианская поэтесса, бывший редактор газеты «Вечерняя Алма-Ата» Галина (Колесникова) Вольф. Грамотная, умная, сильная женщина, пережила в жизни немало потрясений, покаялась она ещё там, в Казахстане, и здесь тянулась к строгой вере, всей душой стремилась к Господу своему – Иисусу Христу.

Решила она для верующих свою газету издавать, потому что люди звонили ей отовсюду, и одна страничка в мирской газете уже никого не устраивала. Подобрала верующих, творческих людей, дизайнеров Виктора Шнайдера и Петю Пенера, который хорошо пел и играл на гитаре. У него были уже свои «цедешки» с хорошими христианскими песнями, музыку и слова к которым в большинстве своём он сочинил сам.

Стали думать над новой идеей.

А тут, по просьбам читателей, пригласили Галину в одну церковь на русском языке евангелизацию провести. Стала она искать помощников, которые могли бы евангелизацию провести и поддержать её в этом деле. Позвонила одному – не может, позвонила другому – отказывается, третьему – работает. Много людей обзвонила и никого не нашла, у каждого дела на эти дни. Все заняты!

Лида Квасм, её подруга, ей и говорит, что в церкви, в Детмольде, тоже есть братья, которые по-русски могут говорить, пресвитер Траугот, Францевич, Квириг и Шульц Отто. Только Отто инвалид в коляске.

Галина всех обзвонила. Позвонила Квиригу, а он говорит:

– Я уже в годах, здоровье не то и мне такой далёкий путь в 600 километров к самому морю у польской границы не выдержать.

Она позвонила пресвитеру, и тот ответил, что у него с русским уже проблемы, не очень хорошо говорит и за такое дело, пожалуй, не возьмётся. Всем перезвонила, все отказали. Галина посмотрела – в длинном списке остался один Отто Шульц, но она решила про себя, что инвалиду она не позвонит, да только деваться было некуда, и позвонила. Извинилась и призналась сразу, что боится, аж руки дрожат, но объяснила что хотела.

– Никаких проблем! – ответил Отто. – Если надо, – поедем.

– Ну, спасибо! – обрадовалась она. – Только как мы вас повезём? Куда инвалидную коляску положим? Машинка у нас маленькая и старенькая уже, что если в дороге поломаётся?

– А мне не надо никакую машину, – отвечает Отто, – у меня машина новая, с ручным управлением, я сам за рулём поеду.

Взял Отто тогда свою жену Лену, Галину Вольф, поэтессу Ирину Гартвих и поехали.

Сначала было собрание на немецком языке, а потом на русском, переселенцев пришло много. Галина была ведущей, все красиво пели, читали стихи и в заключении слово предоставили Отто Шульцу. Когда Отто закончил говорить и посмотрел в зал, у многих на глазах стояли слёзы. Собрание закончилось, и люди стали подходить к Отто, к Галине, к остальным гостям. Начались вопросы, разговоры, со многими познакомились, подружились. Потом был общий обед. На обратном пути Галина Вольф всё переживала, что всё, вроде, хорошо было, только никто не покаялся. А Отто спрашивает:

– Галина! А ты что, с первого раза покаялась? Ты сразу хочешь, чтоб люди каялись, а это не наше дело. За это отвечает Бог! Мы посеяли, и я видел, что люди были в слезах, значит, слово Божье касалось сердца. Наше дело теперь молиться, поддерживать общение. Вернулись назад и стали с Галиной настоящими друзьями. Долго ещё Отто переписывался и много разговаривал по телефону, часто получал с тех мест поздравительные открытки к праздникам, ко дню рождения и приглашения приехать в гости.

ЗАБЫТЫЙ АЛТАРЬ

Вернувшись, Галина решила самостоятельно выпускать для переселенцев евангелизационную газету на русском языке с названием из её стихотворения «Забывтый Алтарь».

– У тебя, Отто, нет знакомых братьев, которые могли бы посоветовать, или поддержать словом, делом и молитвой евангелизационную газету? – спросила она.

Отто сказал, что у них есть пастор Петер Гамм, он в Германии известный человек, и его все очень уважают, что, поговорив с ним, мы приедем к Вам посоветоваться. На другой день они приехали. Галина познакомила гостей со своим мужем Гарри и дочкой Аннушкой, всё им показала, рассказала, и на обратном пути в машине пастор говорит:

– Хорошее дело задумала Галина, только не знаю, по-русски пойдёт это или не пойдёт?

– Ещё как пойдёт! – ответил Отто. – Вот ей бы только материально как-нибудь помочь с места сдвинуться, я имею в виду с финансами, а потом она и сама дальше потянет. Грамотная она, верующая и целеустремлённая, и за других у неё сердце болит больше, чем за себя.

Поговорили в церкви с братьями, Гарри пожертвовал газете свои сбережения. Отто дал, другие помогли. В общем три тысячи экземпляров первого номера газеты «Забытый Алтарь» вышли в свет. Все христиане Германии очень радовались. А первый экземпляр этой газеты с напечатанным там рассказом «Мама Шульц», с памятной надписью, вручили автору этого рассказа Галине Вольф вместе с Петером Пенером по пути из типографии Франкфурта-на-Майне. С груженной машиной новеньких газет специально заехали к нему домой в город Гиссен. Познакомились, поговорили; Петер Пенер прихватил гитару, красиво пел христианские песни и даже подарил свои диски. Как могли поддержали находившегося в отчаянии человека. Потом были телефонные разговоры, тревожные звонки, откровения и паденье духом. Как могли поддерживали друг друга. Газету тоже надо было поддержать и довести до читателя. Многие разносили газету по церквям и давали лично в руки нуждающимся в Боге. Отто часто повторял:

– Ты, Галина, не переживай, У меня есть знакомые в церквях, я многих знаю, поможем!

Взял Отто пятьсот газет и поехал по церквям, к народу. Первый экземпляр давал бесплатно, и напоминал, как можно подписаться самому и выписать другим. Отто сразу предупреждал верующих, что эта газета не для вас. Для вас есть духовная литература, библия, которую вы принимаете, а неверующие от них отворачиваются. Для них это мостик спасения – евангелизационная газета «Забытый Алтарь». Любой из них возьмёт её и почитает. Говорил: «Если у вас есть друзья, которые выпивают, находятся в депрессии, в тюрьмах сидят, пошлите им эту газету». Люди начали брать. Если понравится, можно выписать: адрес, цена, условия – всё напечатано в газете. На следующий номер «Забытого алтаря» деньги были почти собраны, и так пошло, пошло и пошло. Много труда это стоило Галине и её помощникам. Отто тоже стал иногда статеечки писать.

Со временем в редакции подобрались интересные авторы: Борис Найданов, Альфред Анзельм, Виктор Зимон, Александр Шмидт, Валентина Шнайдер, Валентина Везнер, Валентина Кайль, Лидия Розин, Елена Савенюк, Лиля Шихов, Вера Шульц, Отто Шульц, Райнгольд Шульц, поэтессы Анна Вельк и Любовь Бледных из Владикавказа и многие-многие другие. Газета была полезная и интересная, её полюбили, она встала на ноги, её выписывали в 37 странах мира, сегодня она любима и знакома многим.

Однажды, когда только что вышел первый номер газеты, к Отто позвонила Галина:

– Живёт в одном городе хороший человек, большой друг нашей газеты, если ты можешь, позвони ему, поговори! У него в семье катастрофа, ушла жена.

Отто немедленно перезвонил, разговорились, и оказалось, что они однофамильцы и земляки. Оба из Коми АССР, у них много общих знакомых: и Федя Вазенмиллер, и Гена Гинтнер из Сыктывкарского аэропорта, и Яшка Брейт из Тимшера, с которым Отто вместе учился в школе. Отто вспомнил босоногое детство и как Яшка подбил его угнать велосипед у Эрвина Шоль, их соседа. Всю ночь друзья катались, а ночи на севере белые и длинные. Утром поставили велосипед на место, но родители всё равно узнали об этом, и Отто тогда от отца здорово влетело. Долго говорили, подружились заочно.

Через некоторое время Галина снова позвонила Отто и сказала, что у его нового знакомого страшная депрессия. Одиноко и горько человеку, которого оставила семья,

ушли жена и дочка. Мечется он между жизнью и смертью... И снова Отто со своей женой через всю страну помчался, как и раньше, на «Скорой помощи» к завязшему в беде человеку, чтоб поддержать его в трудную минуту. Когда в квартиру к физически здоровому, но находившемуся в критической духовной ситуации человеку закатилась инвалидная коляска с сидящим в ней физически немощным, но духовно бодрым человеком, у хозяина был шок! Ему стало стыдно за себя. Произошла переоценка ценностей. Так познакомились в Германии ещё два Шульца.

БУДЬ ЗДОРОВ

– Ой, а у моего в голове такая каша! Такая каша! Он по-немецки всё путает. Я чихнула. Так он мне не «Гезунхайт», а «Гезундайт» пожелал, – жаловалась Отто одна знакомая.

Удивительно дело: пожелать здоровье можно, а купить здоровье нельзя, зато расплачиваться им можно сколько угодно. Пока у Отто было здоровье, он ездил по всем церквям проповедовал и распространял газету «Забывший алтарь». Потом здоровье стало подводить. Ещё когда Отто приехал в Германию со страшными болями в спине, он долго не получал пенсию, потому что не знал, к кому и как надо обратиться. Никто не хотел его брать. В АОК не брали, в Ганновере не захотели, в Гамбург посылали бумаги, но и там отказали, потом вдруг в декабре из Вуперталя приехал прямо к ним домой вежливый представитель больничной кассы и говорит:

– Вы попали в хорошие руки. Теперь Вам никуда больше не надо обращаться, по всем вопросам звоните только нам, – и оставил все необходимые документы и свою визитную карточку. Сразу выдали пенсию за все прошедшие месяцы и послали на обследование. Отто приехал в больницу к врачу-ортопеду, тот смотрит на инвалида и говорит:

– Я не понимаю, что вы от меня хотите?

– Ну, как что, – отвечает Отто. – Я из России приехал. Я хочу, чтоб вы сделали заключение. Если я здоровый, значит, на работу отправляйте, если больной, то определите степень инвалидности.

Врач попросил акт о производственной травме, послал Отто к невропатологу на обследование, и оба сразу дали стопроцентную инвалидность. Затем позвонили в ортопедическую клинику, в Мюнстер, где позже лечилась Раиса Максимовна, жена Михаила Горбачёва, посоветовались с хирургами и предложили Отто сделать операцию. Немецкие врачи хотели убрать боль в спине и поставить инвалида на ноги.

В марте 1990 г. положили его в Бохум в клинику Бергмансхайл, в одну из лучших клиник по проблемам позвоночника. Месяц обследовали, потом в апреле сделали операцию. В Ташкенте когда профессор Тишин сделал две первые операции, он на позвонки положил пластиковые шайбы – это всё выкинули из позвоночника, так как шайбы уже сошли с места. Немецкие хирурги из бедренной кости Отто взяли часть костной массы, вместо изношенных шайб выточили новые, всё вставили со стороны разрезанной спины в позвоночник, крепко закрутили всё по резьбе нержавеющей стали болтами. Затем больного перевернули на спину, распорол живот, снова добрались до позвоночника и закрепили на болтах пластины с другой стороны, крепко стянули все позвонки хомутиками. Теперь не страшно, что что-то сойдёт с места. Так что теперь Отто стал железным человеком, стопроцентным мужиком, на резьбе с болтами! А самое главное – боли в спине исчезли. Но от долгого употребления всяких лекарств, по двадцать таблеток в день, ослаб желудок, и Отто попал на четвёртую операцию. Случился заворот кишок, вырезали полметра толстой кишки, затем было воспаление кишечника и полная непроходимость. Через месяц сделали ещё одну операцию,

вырезали часть тонкого кишечника, потом была урологическая операция и, в конце концов, его поставили на ноги.

После этого десять лет Отто радовался жизни и даже гриппом не болел. Он всё шутил, шесть перенесённых операций – это не конец, шестёрка – несчастливое число, и он как бы не против, чтоб у него была полнота Божья и число семь.

В 2000 году произошёл инфаркт. Отто был дома один, решил помыться в ванне. Искупался, сам вылез, вытерся, оделся, лёг на кровать отдохнуть, и вдруг стало плохо. Дома никого нет, потом пришла дочка младшая, испугалась и спрашивает:

– Папа, тебе что? Плохо? – и стала отцу растирать руки.

– Да ничего, доченька, пройдёт! – говорит Отто, а сам почти сознание теряет. Стал вертеться: то на живот, то на бок, то на спину повернётся – всё одно плохо! Туманит.

Потом пришёл Кооп Иван Васильевич, отец Лены, – а сама Лена тогда на работе была.

– Может в больницу поедешь? Давай позвоню? – говорит тесть.

– Да так пройдёт! – отвечает Отто. – Не хочу я в больницу.

Вечером в полдесятого пришла Лена с работы. Она сразу измерила давление, осмотрела всего и говорит:

– Надо срочно вызывать скорую!

Тут же позвонила, а там ответили, что машины нет и, если можете, привозите сами. Отто оделся, сел в коляску, выехал к машине, потом сел за руль сам. Лена говорит:

– Да не садись ты, я сама поеду!

– Да нет! Я сам сяду как-нибудь! – отвечает Отто. – Ты же знаешь, какой я настырный!

Приехали к дежурному по городу врачу, его сразу положили, сняли кардиограмму и говорят:

– Не шевелитесь. Вам нельзя! Сердце! Инфаркт! Сейчас скорая придёт, и вас сразу отвезут больницу.

– Так больница тут рядом, всего триста метров, чего скорую ждать, давайте я его на коляске отвезу, – говорит Лена.

– Ну, хорошо! – ответил врач. – Только чтоб он не шевелился, не крутился и ничего не делал.

В больнице Отто сразу положили в реанимацию, там он пролежал несколько дней, потом его перевели в обычную палату. Через двадцать дней его выписали и сказали:

– Вам нужна операция на сердце.

– Нет! На сердце я операцию делать не буду! – отрезал Отто.

А врач говорит:

– А я бы на вашем месте на эту операцию согласился.

– Почему? – спрашивает Отто.

– У вас сердце ещё очень хорошее, а это последствие инфаркта можно поправить.

– Ну, хорошо! – отвечает Отто. – Жена придёт, мы посоветуемся.

Когда Лена пришла, Отто рассказал, что вот так и так, предлагают делать операцию на сердце.

– Будем делать! – сразу сказала она уверенно, до конца выслушав своего мужа.

– Ты так легко соглашаешься! – удивился Отто.

– Да! – отвечает Лена. – Другого выхода у нас нет! Я хочу, чтоб ты долго жил! Мне врач в коридоре уже всё рассказал.

В ноябре 2000 года Отто снова положили в больницу, на 6 декабря назначили операцию. Там каждый день делали много операций. После операции врач сразу позвонил домой и сказал Лене, что операция прошла благополучно, очень легко и хорошо. На другой день с утра до вечера были у Отто гости. Пришли все родственники, друзья, пресвитер из Бад Эссена, Эдик Рупель, пресвитер Коля Винс. Все шутили, разговаривали. Одни уходили, другие приходили, как у турков. Так хорошо было, принесли кушать, покушал. Отто съел целых две шайбы хлеба, а потом через несколько дней ему стало плохо. Через неделю врачи отправили больного в Детмольд, а ему всё хуже и хуже. Левая нога, откуда взяли вену для сердца, сильно воспалилась, стала толстой и красной. Пропал аппетит. Две недели Отто ничего в рот не брал, а врачи говорят: «Это нормально, у некоторых пациентов так выражается послеоперационный стресс». Никто и не догадался, что на ноге образовалась «Рожа», а нога не болит потому, что у Отто ниже поясицы тело омертвело, атрофировалось, и чувство боли не имеет. Отто исхудал, ослаб и стал жаловаться ночному дежурному врачу. Ему выписали антибиотики, но почему-то не дали. Врач перепроверил, распорядился, немедленно принесли лекарство, на ногу наложили реванол, и всё сразу отошло. Самочувствие стало намного лучше, через несколько дней ему стало совсем хорошо. Врач подошёл и шутя так спросил:

– Ну, Гер Шульдц! Как мы будем Вас домой отправлять? На такси или на скорой помощи?

– Поглядим! – отвечает Отто. – Может, я сам за рулём поеду, соскучился по дороге.

Врач так на Отто посмотрел и, наверное, подумал: «Этот из России – какой-то ненормальный мужик, что ли? Ещё шевелиться не может, а уже сам за рулём домой ехать собрался».

Но Отто опять начал заниматься аутотренингом, гимнастикой, принимать массажи, всю силу воли выложил, и так хорошо стал поправляться, что его вскоре выписали. Забирать Отто приехала жена.

– Леночка! Давай я поеду, – попросился Отто.

– Что-то я боюсь за тебя! – ответила Лена.

– Не бойся! Я же старый шоферюга – профессионал! – засмеялся Отто и перелез из инвалидной коляски за руль. Домой сам приехал и жену привёз.

В 2006 начались проблемы с глазом. Выскочила под глазом шишка с какими-то бактериями. Три раза в Мюнстере лежал, врачи всё боялись операцию делать, потому что эти бактерии могли попасть в мозг и совершить непоправимое. Выписали домой выжидать. Вдруг неожиданно позвонили и сказали: «Завтра в 8 00 вы должны быть в глазной клинике Мюнстера, пришёл ваш положительный анализ».

Не успел Отто раздеться, а его уже вызывали по громкоговорящей связи. Сразу положили на операционный стол, дали наркоз. Глаза сомкнулись.

Очнулся Отто в послеоперационной палате. Рядом стояли врачи и внимательно на него смотрели. Как прошла трёхчасовая операция, Отто не помнил. Нос был забит ватными тампонами, через три дня, вытащив тампоны, его выписали домой. Дома открылось обильное кровотечение. Кровь шла через нос и даже через глаза. Лена стала звонить в больницу, в гостях как раз оказался друг Отто, Ваня Пожаренко, со своей женой Аней. Она только успевала вытирать кровь. Тампонов понакидала полный таз. Приехал глазной врач, сразу вызвал скорую, поднял всех врачей в Клинике, остановили кровотечение и на «скорой» отвезли в Бад-Липпшпринге в Клинику «ухо, горло, нос». Хотели ещё ночью оперировать, вызвали глазного врача, он посмотрел и говорит:

– Нет, не будем его здесь оперировать.

На другой день Отто на скорой помощи опять отвезли в Клинику, в Мюнстер. Профессор, который оперировал, посмотрел и говорит:

– Не надо его оперировать, да и мест свободных в клинике нет. Везите его назад. Снова повезли в Бад-Липпшпринге. Прооперировали. Через неделю вытащили все тампоны, сняли послеоперационные швы и выписали домой. Ещё несколько дней дома всё отхаркивалось кровью, но со временем всё прошло. Теперь Отто чувствовал себя хорошо, зрение прекрасное и даже читать без очков стал. А сколько было боли, молитв и страданий, знает только Бог и Отто.

ДРУЖБА

Как в стихах Маяковского «Партия и Ленин» говорится: «Мы говорим партия, подразумеваем Ленин. Мы говорим Ленин, подразумеваем партия», – так и с Пожаренко. Если говорят Отто, то рядом где-то Пожаренко, если говорят Пожаренко, значит, где-то рядом Отто.

В 1978 году отмечали юбилей, 70 лет чимкентской церкви. (ЕХБ). Из Душанбе приехал в гости церковный хор, Пожаренко был в том хоре регентом. После собрания все вместе сфотографировались.

Они друг друга не знали, но на фотографии оказались рядом. Прошли годы, и в Германии в русскоязычной церкви Отто говорил однажды слово. После собрания подошёл человек, представился и говорит:

– Приветствую тебя, брат! Мы здесь в Германии должны учиться немецкой точности и не забывать русской простоты!

– Хороший совет! – согласился Отто. – Будем стараться исполнять.

Познакомились по новой, подружились, как-то за столом Отто говорит:

– Ваня, а я тебя давным-давно знаю!

– Откуда ты меня знаешь? – удивился Пожаренко.

– А помнишь, в Чимкенте на юбилее церкви мы рядом с тобой сфотографировались!

– Не может быть! – удивился Пожаренко.

Отто показал фотографию. Ваня был сражён. С тех пор они – не разлей вода. Всюду вместе. Когда Лена была на работе, Ваня ездил с Отто повсюду. Потом выяснилось, что он замечательный художник, красиво читает стихи, знает их наизусть огромное количество и поёт как профессиональный оперный певец. От природы настоящий талант, прирождённый артист с хорошей внешностью. Ещё Ваня заядлый путешественник и любящий дед. У него три дочери, четыре сына и внуки. Уже несколько раз ездил к старшей дочке в Австралию, в гости к внукам, вторая дочь с семьёй живёт и работает по договору в Шанхае, третья дочь живёт в Ванкувере в Канаде, двое сыновей в Ветцларе и один с родителями. Пожаренко для Отто как брат родной и брат во Христе, они всюду вместе служили Богу. Если говорят Пожаренко, то подразумевают Отто.

РОДНЯ

Младший брат Отто – Володя Шульц, единственный и родной – тоже построил дом рядышком, часто заходит в гости. Его судьба сложилась по-другому. Родился, как и Отто, в Коми АССР в селе Лопью Вад.

Уже с четвёртого класса интересовался он деревом и столярным делом. Сам сделал себе инструменты, рубанок, фуганок, разные стамески, потом стал мастерить скворечники и табуретки. После отмены комендатуры семья Шульцев переехала на Кавказ. Володя устроился плотником в Майкопском районе, вскоре он был уже бригадиром и участвовал в строительстве моста через местную речку.

В армию его взяли в автодорожные войска в Тульскую область в город Плаускес, в сержантскую школу, но он заболел «свинкой», был госпитализирован и отстал от учёбы. После выздоровления его перевели в стройбат и отправили в Тюротан, старое название Байконура, на строительство космодрома. Когда точку построили, их перебросили в Оренбургскую область, в Домбровский район, потом в Кострому, где после войны жили родители Лены Кооп. В армию к Володе пришло страшное известие, что Отто попал в аварию. Володя сильно переживал за брата. Отслужил два с половиной года и вернулся к родителям на Кавказ. Но ещё в Сыктывкаре ждала его любимая и любящая девушка Тамара Гинтнер. Тамара работала закройщиком в доме быта и была известным специалистом, попасть к ней считалось счастьем. Исключительно шила, модно, красиво, качественно!

Ещё когда жили в Инден, мама Володи принимала роды, когда родилась Тамара, и знала её буквально с первых минут жизни. Володя поехал к своей любимой на север, но она его непустила. Поженившись, они стали жить в столице Коми АССР. Володя устроился на мебельную фирму «Север» в экспериментальный цех и поступил учиться в Сыктывкарский филиал Ленинградской лесотехнической академии, но после третьего курса бросил. Семь лет прошло незаметно, родились доченька и сын. Но надоели снега и морозы, семья переехала на юг, к старшему брату в Чимкент. Тамара устроилась по своей специальности в Дом быта, а Володя пошёл на мебельную фабрику. Проработал там два года, но зарплата никого не устраивала, и он перешёл на другую фабрику в «Чимкентский обл. Быт. Мебель», где платили в два раза больше. Там он опять попал на экспериментальный участок. Несколько раз Володю с мебелью отправляли даже в Алма-Ату на выставку. За занятое там первое место по республике его мебель отправили в Москву, на ВДНХ СССР.

Вскоре из Москвы мебельщикам прислали награды. Владимиру Отговичу Шульцу начальство вручило бронзовую медаль ВДНХ СССР; более высокие награды были вручены местным кадрам и вышестоящим руководителям, косвенно попавшим в большой список соавторов, но не знавших как правильно держать в руках стамеску или рубанок.

Вскоре семья по вызову Отто Шульца уехала в Германию. Теперь Володя и Тамара на пенсии нянчат внуков, старшая дочка Жанна вышла замуж за Володю, приехавшего тоже из Чимкента, у них чудные детки – Маркус, Денис и Жаклин. У младшего сына Андрея, женившегося на Наташе из Джамбула, тоже прелестные детки – Жанет и Джастин. Всё в семье хорошо, все ходят в церковь, вот со здоровьем пенсионеров было бы лучше.

Самую старшую сестру Отто Шульц Лиду в начале войны в 1941 году в 17 летнем возрасте в Крыму забрали копать окопы, больше её никто не видел. Пропала без вести.

Вторая сестра Шульц, Мария, с детства жила у сестры отца Виде Лиды в Караганде, у которой муж Heinrich умер, а своих детей у них не было. Мария там вышла замуж за Александра Унгефуга, родила много детей, но выжило четверо. Теперь она живёт в Германии, в 35 километрах от Отто – в Калетале. Недавно стала вдовой.

Фрида родилась 10.03.1937 г. в Лопьюваде. Работала бухгалтером, а на Кавказе всю жизнь до самой пенсии просидела в больничной бухгалтерии, потом приехали в Германию, живёт в 300 метрах от Отто.

Ира на Кавказе вышла замуж и вернулась в Сыктывкар, у неё двое детей. Они первые переехали к Отто в Чимкент. Работала всю жизнь в домостроительном

комбинате, в плановом отделе, инженером по труду и заработной плате. Её все очень уважали за коммуникабельность. У неё пол-Израиля друзья, пол-Греции – друзья и, наверное, в Турции найдутся. Все когда-то вместе работали в многонациональном СССР. В Германии она устроилась в Дом престарелых, а у мужа её была одна профессия – шофёр. У них уже 3 внука и 2 внучки.

Самая младшая сестра Лида живёт с мужем в Германии, работали на фирме «Брикманн», делали детали для электроники. Всех детей воспитала Маргарита Генриховна Шульц, родная сестра умершей мамы, человек очень верующий, ставшая для них настоящей мамой.

В Германии неожиданно нашлись местные родственники. Родной брат отца Отто, Шульц Густав Фридрихович, который в первую мировую войну был на фронте и попал в плен в Румынию, потом попал в Пруссию и, в конце концов, остался в Германии. Переписывалась с ним только тётя Лида из Караганды, остальные боялись. В Германии отыскался его старый адрес, и Володя с Тamarой поехали в далёкий Баден-Вюртенберг.

Позвонили в дверь, за дверями сонно отозвались.

– Густав Шульц здесь живёт? – спросил Володя.

– Он умер, – ответил за дверями мужской голос.

Потом отозвался женский голос, дверь открылась, но в дом не пустили, поговорили, как принято, у порога.

Затем женщина сходила наверх и принесла старые фотографии, на одной стоял Володин отец Отто Фридрихович с женой и братьями. Она ткнула в него пальцем и спросила:

– Кто это?

– Это мой отец и моя мама, – ответил Володя.

– Ну, заходите! – пригласили хозяева.

Гости вошли, присели. Володя стал показывать свои фотографии, на них женщина узнала своего отца.

Лоренц оказалась двоюродной сестрой. Местные признали их родственниками.

МАМА

Отто очень любил свою настоящую маму, помнил её, как изумительно красивую женщину – она умерла, когда Отто шёл 14 год, а её старшую сестру, которая всех детей воспитала, берёт как родную и звал мамой. Это была очень скромная и работающая женщина. Даже когда ей было уже за 90, она была всегда шустрая и бодрая, никогда ни что не жаловалась, ещё часто варила обед. Ходила с кастрюлями в подвал, подолгу стояла в молитве на коленях, по вечерам оставалась одна в своей комнате и всегда допоздна читала библию. Дети и внучки заглядывали к ней в комнату, желали спокойной ночи, целовали и уходили спать.

В тот вечер домашняя группа христиан ушла поздно. Мама стояла у дверей и каждому подавала на прощанье руку. Оставшись дома одна, ещё читала до полуночи Божье слово. Потом Отто вместе с мамой молились, она встала на колени, Отто поцеловал мать, пожелал спокойной ночи и укатил спать.

Утром, как всегда, все собрались на завтрак, а мама не пришла. Лена встала из-за стола и говорит:

– Я сейчас! Если мама проснулась, приглашу её на завтрак.

Открыла дверь в её комнату, свет горит, постель застелена, всё чисто и не ложилась ещё.

Мама сидела в кресле с библией в руках. Так за словом Божьим и умерла.

Маргарита Генриховна (Франс) Шульц ушла в Царство Небесное 14 марта 2001 года, в возрасте 98 лет и 15 дней.

Погода тогда была отвратительной, сильный дождь, порывистый ветер. Мерзопакостно и сыро. Холод страшный. Но в день похорон светило солнце, было тепло, безветренно, такой тёплый и на удивление хороший день. Было так тихо, что это просто не передать. На похороны пришло человек триста. Красиво проводили её в последний путь. На другой день, после похорон, стало опять холодно, снег выпал сантиметров на двадцать, на улицах – слякоть, на автобанах – хаос. Один брат потом как-то сказал:

– Ну! Фрау Шульц, наверно, у Бога бласт имела!

Потом в «Забытом Алтаре» была статья, посвящённая её светлой памяти.

САМАЯ ЛУЧШАЯ ЖЕНА ГЕРМАНИИ

Лена по характеру «декабристка» и относится к тому числу женщин, которые с возрастом не отцветают, а наоборот – расцветают, становятся лучше, краше, нежней. «Она красивая, трудолюбивая, скромная и самая лучшая в Германии жена», – часто при всех с любовью повторяет Отто. И это правда. С доброй женой горе – полгоря, а радость всегда вдвойне, вдвойне и нагрузка, с которой Лена всю жизнь справляется мастерски.

– Ты голова, а я шея, на мне хомут-то семейный, – весело смеётся самая лучшая в Германии жена.

Настоящая любовь – талант любящих. Отто очень любит и ценит свою Елену Прекрасную.

О Лене можно написать отдельную повесть.

Лена Кооп родилась в ссылке 24 ноября 1952 г. в Костромской области, в Мантуровском р-не, в селе Старка. Там прошло её детство до 6 лет.

Дед Лены, Вильгельм Кооп, родился 22.02.1902 г. на Украине в немецкой колонии Альтанау. В 1937 году его забрали в НКВД, умер в застенках 15.11.1943 г.

Жена дедушки Гертруда Кооп (урождённая Voth) тоже родилась в колонии Альтенау – 22.02. 1902 г. После ареста мужа она осталась одна с пятью детьми: Кооп Иван Васильевич – 10.08.1930 г. (Отец Лены), Лена – 15.09.1931 г., умерла от голода в 16 лет в Костроме, Катарина – 05.09.1933 г., Мария – 05.01.1935 г. (Гертруда и Вильгельм – 24.09.1936 г., близняшки, умерли на первом году жизни.) Кооп Вильгельм – 23.12.1937 г.-18.06.1976 г. – похоронен в Джатысае.

По материнской линии у Лены был дедушка Хайнрих Дюк. Он родился 01.06.1904 г. на Украине, в селе Молочная, возле Днепропетровска. В 1937 г. его тоже забрали прямо с работы, и бабушка больше никогда ничего о нём не слышала.

Его жена Dück Елена, урожденная Брауер, родилась в Крыму 23.01.1910 г. в немецком хуторе Токмак. У них было четверо детей: Dück Елена (мама Лены), Мария, Хайнрих и Ирина.

Во время войны крымские немцы-колонисты жили под оккупацией, потом отступающие немецкие войска велели всем собираться, они забирали с собой бесконечные обозы с немецкими колонистами. Пешком люди пришли в Германию. В городе Потсдам беженцам дали немецкое гражданство, а после войны всех вернули на Родину, и они очутились в Костромском лесу, как спецпереселенцы и предатели. Бабушка Елена оставалась незамужней и жила вместе со своим отцом и старшей сестрой. Вскоре отец Петер Брауер там умер, и две сестры одни подняли четверых детей.

Все работали на лесоразработках. Вскоре Елена Dück познакомилась с Иваном Васильевичем Коопом. Бывшие колонисты из Украины тоже всей родней были в Германии и попали в Кострому. Одна сестра Елена в Костроме умерла от голода, остальные выжили. Вскоре Кооп Иоган и Dück Елена расписались, у них было 10 детей, старшая – Елена Кооп. Немецкая семья была верующая; в доме, где они жили, по воскресениям отодвигали в сторону мебель и стулья, проводили собрания. Молодёжь организовала хор, говорили слово, молились и трудились.

После отмены комендатуры семья сразу уехала в Казахстан, в Пахтаральский район, в Джетысай. Это 120 км от Ташкента и от Чимкента километров 250. Лене исполнилось 6 лет.

Церкви в их селе не было, и верующие собирались по домам. Потом на собрании решили строить свою церковь. Об этом услышала соседка Лена Шмидт, прибежала к подружке Лене Кооп и сообщила о хорошей новости. Четырнадцатилетние девчужки сели на велосипед и поехали помогать строить церковь.

На стройплощадке была большая гора глины, которую велено было убрать с дороги. Транспорта не было, и кто-то из братьев предложил использовать глину при производстве самана. Закипела работа, трудолюбивые верующие работали как муравьи и убили сразу двух зайцев. Убрали гору и построили церковь. Лена перезнакомилась там с верующей молодёжью и осталась в новой церкви навсегда, а подружка, которая привела её к Богу, так и осталась на всю жизнь неверующей.

Однажды на собрании Лена подумала: «Если Господь придёт, а я не буду готова? Что тогда?» Очень хотелось, чтоб Христос с любовью вошёл в её сердце, но выйти вперёд и покаяться она стеснялась.

Однажды к ним в Джатысай приехал из далёкой северной Воркуты сильный проповедник-евангелист Герард Гамм. На этом собрании Лена решила, она вышла вперёд, покалась и отдала своё сердце Богу. С тех пор они всегда вместе, иногда в жизни было трудно, очень трудно, но Господь хранил её и давал силы. Лена часто молилась и думала: «Я большого ничего не требую, но одно я хочу – всегда хочу знать и чувствовать, что Ты, Боже, всегда со мной! Тогда я пойду за Тобой как тень, любым путем, куда угодно».

И Лена ни разу в жизни не пожалела, что стала верующей, Лене в церкви было хорошо. Вместе с молодёжью они часто ходили на собрания, репетиции, ездили в горы. Это были самые счастливые люди на земле. В горах душа как с цепи срывалась, девчата скакали по скалам и бегали, как молодые горные козочки. Всюду была опьяняющая красота. Всё цело, запахи кружили голову. Непонятная радость наполняла сердце, они смеялись. Смех без причины – признак прекрасного настроения. Они падали на колени и молились над каждым цветком, благодарили Бога за жизнь, за счастье, за красоту. Больше сотни молодых девушек и ребят выезжали в горы на природу. Два больших автобуса весь день стояли на дороге и ждали христианскую молодёжь. Нина Бус, Гарик Бус, Оля Фиц, Лида Редикоп, Лена Кооп, стоя на головокружительно высоте, вместе с горным эхом пели христианские гимны, и на самом деле общались друг с другом в небесах, ну в облаках – это в прямом смысле.

Однажды в церкви хотели провести молодёжный вечер, и все к нему очень старательно готовились. Лена хорошо пела и решила посвятить Богу свою песню. Стихи она уже и раньше писала, позже они даже были опубликованы в печати. Лена взяла бумагу, и вскоре на ней были написаны слова, музыку подобрали из старой немецкой песни, и получился красивый христианский гимн, который попал под номером семьсот двадцать шесть в сборник христианских песен на страницу сто пятьдесят семь. Хор до сих пор поёт эту песню в церкви во многих городах.

Утром, когда встаёт рассвет,
Боже, тебе пою,
За благодать Твою ко мне,
И за любовь Твою.

Припев.
Славу тебе пою
За благодать твою.
Силы дай мне всегда,
Прославлять тебя.

Окончив среднюю школу, Лена поехала в Чимкент учиться на закройщика и там случайно познакомилась с Шульцем Отто. Дружили долго.

После свадьбы мама Лены очень переживала, что у дочери не будет детей. Молодёжь об этом не задумывалась, а родители беспрестанно за них молились. Однажды, когда Лена пришла в гости к родителям, мама сказала:

– Мне приснился сон, как будто вы с Отто сидели в белом цветущем саду на скамеечке, а сзади вас стоял сияющий ангел и держал в руках ребёночка.

Лена смутилась и ответила:

– Это правда, мама. У нас будет ребёночек!

Это была для всех оглушительная новость и очень большая радость. Отто очень ждал сына. Но когда родилась девочка, Отто сразу сказал, что назовёт её Ирина, в честь его младшей сестры.

Ирина оказалась замечательная помощница, она всё умела, ей учиться было не надо. Отто от неё был без ума, он так радовался, что у него есть дочь. Ему больше ничего не надо было, но Бог послал вторую дочку, её назвали Маргарита в честь его мамы. Но Лене это имя не очень нравилось, потому что по-плат дойч оно сухо звучит – Грета. И Отто при всех за столом об этом сказал, а рядом сидела его мама Маргарита, Лене стало как-то неловко перед свекровью, и она покорила.

Когда Маргаритку принесли домой и Лена заглянула ей в глаза, ей показалось, как будто её мама посмотрела на неё, глазами малышки, такое было родное, тёплое и сладкое чувство. И Лена подумала, вот теперь ты не одна, потому что Отто не выпускал старшую дочь из рук. Потом малышка подросла и однажды как прыгнула! на Отто, как обезьянка, и как бы сказала «Вот она я!» И Отто влюбился в неё по уши и зацеловал, назвал «сладкой», «роднулечкой». Маргаритка оказалась на удивление чуткой и хорошей собеседницей, всё расспросит, успокоит, приласкает родителей. Ирина тоже хорошенькая, но она стеснительнее.

Жили они в то время в Чимкенте, в хрущёвке на третьем этаже. На плите что-то варилось, а Лена чистила на кухне картошку. Младшая дочка, полтора годика, сидела за столом рядом, старшая расшалилась и бегала по квартире. Лена решила её припугнуть, чтобы слушалась и сказала, что уйдёт из дома, если баловство не прекратится. Положила нож на стол и, не подумав, вышла в коридор, а сквозняк за ней так быстро дверь захлопнул, что мама и опомниться не успела, как оказалась за дверями. Английский замок громко щёлкнул и дети остались в квартире одни. Нож на столе, горячее на плите. Лена перепугалась.

В это время проходил мимо сосед сверху, и Лена попросила его о помощи, залезть на балкон третьего этажа и открыть дверь изнутри.

– Нет, спасибо! – ответил сосед.

Лена слышала, что он был лунатиком и недавно ночью вывалился из своей квартиры, с пятого этажа, но отделался переломом ноги, упав на дерево. Лена побежала вниз к соседке.

– Тётя Валя! Дайте вашу лестницу на свой балкон залезть. Я детей замкнула.

Соседка говорит:

– Подожди Лена, сейчас Юра придёт!

Да какой там ждать! Лена схватила лестницу и побежала вокруг дома. А под ними, на втором этаже, жила соседка. У неё всегда были новые мужья. Последний недавно прикрепил к стене металлические каркасы из уголка для цветочных полок. Лена приставила к ним лестницу, быстро залезла на второй этаж, по этим полочкам перебралась на соседний балкон, дотянулась рукой до балкона третьего этажа, подтянулась как акробат в цирке, перекинулась через перила и упала на родной балкон. Хорошо окно на балкон было открытое, а дочка, ни о чём не подозревая, бегаёт с ключами по квартире и весело смеётся. Лена залезла в окно, села на подоконник и глянула на улицу. Внизу стояла большая толпа зевак, и слышно было, как кто-то восхищённо сказал:

– Вот это мать! Это только мать так рисковать может ради своих детей!

Лена упала на диван и её начало трясти...

Пришли с собрания Отто с мамой, выслушали сбивчивый рассказ Лены, и все вместе благодарили Бога, за то, что всё обошлось и ничего плохого не случилось. Материнское счастье – это когда все дома и все спят.

Дети учились хорошо, в Детмольде обе дочери с пятого класса пошли в специальную христианскую школу, закончили гимназию. После школы Ирина ездила от миссии «Логос» на полгода в Украину, в Кутузовку. Это между Днепропетровском и Бердянском. Там раньше жили немцы-менониты, и у Лены родилась там мама, их бабушка. Ребята из Германии восстанавливали полуразрушенные церкви, потом Ира съездила в Крым посмотреть, где родилась другая её бабушка, Маргарита. Ирина любила путешествовать. Она была в Италии, несколько раз в Англии. Когда Ирина получила водительские права, она с христианской миссией поехала в Таиланд. Свою машину оставили на стоянке Франкфуртского аэропорта. В Таиланде помогали строить деревенские шалаши. Местные люди ходили там чуть ли не голышом. Мясом там не кормили, пришлось привыкать к местной пище: к рыбе, к рису, к каким-то листьям. Природа в Таиланде красивая, но дорог нет. Ирина на своей машине застряла в какой-то речушке, кругом грязь, глина, машину вытаскивали слонами. Три недели пролетели быстро, назад возвращаться не хотелось. В самолёте ребятам из её группы стало плохо, и Иринка сама привезла всех домой, в Детмольд. Потом она поступила в Билефельде в университет, на факультет лингвистики, это вроде логопеда в России. После окончания ВУЗа вышла замуж за Классена Виктора, приехавшего в Германию из Киргизии, со станции Ивановка. Её муж тоже заканчивал физмат Билефельдского университета. Свадебное путешествие совершили по Шотландии. Виктор просто бредил это страной. Вскоре у них родилась дочка Иоганна! Потом молодая семья уехала в Австрию учиться в библейской школе.

Младшая Маргаритка училась очень легко и закончила гимназию с памятным подарком. Она хорошо знает языки: английский, русский, немецкий, французский. Во время каникул с христианской миссией поехала в Африку в бывшую французскую колонию, ныне Сенегал. Очень полюбила там маленьких ребят-негритят. После школы ездила от миссии «Логос» в Белоруссию, в город Братцлав, к друзьям, которые раньше приезжали к ним в Германию. Полгода помогала там строить церковь, оттуда съездила от миссии «Лихт им Остен» в Ленинград на строительство школы-интерната. Была в Англии, в Италии. Вышла замуж за Виктора Нойфельда из Оренбурга. Свадебное путешествие совершили на воунмобиле, накатали по Франции 4 000 километров. Вскоре родилась у них дочка Анна-Лена. Живут в Падеборне – она учиться на учителя английского языка, он работает спасателем.

Счастье всегда внутри нас, а не вокруг нас. Отто доволен – теперь у него уже две внучки, обе очень любят бабушку и дедушку. Как только внучки научились ходить, они подходили к коляске, гладили деда по коленке и хвалили: «Ай, опа! Ай, опа!» А потом кулачок сожмут и говорят: «Зо штарк ист Опа!» (Вот такой сильный дедушка!)

Отто хватал внучек, сажал на коленки и катал по комнате на своей коляске. Счастье – это когда ты кому-то нужен, а Отто нужен всем, его знают и любят всюду, с ним дружат люди многих континентов. В здании человеческого счастья дружба возводит стены, а любовь образует купол. У Отто внутри христианское влюблённое сердце, он любит

Бога, церковь, жену,
Детей, внуков, луну,
Людей – братьев, сестёр,
Радость, библейский хор.
Отто любит как мать,
Библию часто читать.

ПОЧТА

Говорят если скрестить почтового голубя с дятлом, то получится отличный почтальон, авиапочта будет доставлять письма и сама стучаться в дверь. В Германии почтовые ящики у всех всегда полные, от рекламы, счетов и предложений, но бывают в них и интересные послания. Как-то, после того как Отто говорил на одной свадьбе Божье слово, к ним домой пришло письмо со стихами Александра Гулина. Назывались они «**СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА С ОТТО ШУЛЬЦЕМ**».

Во что бы мысль свою облечь,
В поэзию хоть что ли?
Вы поздравительную речь
На свадьбе говорили.

Невеста чудная была,
Жених (племянник вроде),
А свадьба та как раз прошла.
На стыке полугодий (30 Июня)

В субботу в утренний тот час,
Как раз перед июлем,
Сидел я, слушая там Вас,
И думал: «Уж не сплю ли?»

Ведь это Отто говорит,
В Ролл-штуле восседает (Инвалидная коляска),
У Христиан он знаменит,
Германия вся знает...

К нему потом я подошёл,
Так, как бы незаметно,
Чтоб адрес взять бы у него,
И стих послать вот этот.

А он фамилию спросил.
И даже моё имя.
Наверно он меня забыл,
Себя сравню ли с ним я?

Ваша речь на свадьбе – Сила!
Даже с Библией в руке,
Что меня в Вас поразило? –
Речь на русском языке.

Я всегда считал Вас, Отто,
Местным немцем коренным.
Было встретиться охота
Не в газете, а с живым.

Думал местный он, но странно,
Оказалось всё не так.
Он приехал из Казахстана.
И такой, как я, «русак»

Но и вот передо мною
Отто Шульц живой стоит.
Не стоит, сидит, спокоен –
Он в коляске, инвалид.

Хоть к коляске он прикован
И не может сам ходить,
В мир несёт он Божье слово,
Чтоб кого-то исцелить.

Очень часто так бывает,
Где случается беда,
Всем он помощь предлагает,
Устремляется туда.

Отто всем помочь настроен,
Прост как все, как чародей.
Он всегда обеспокоен,
Если горе у людей.

И ещё сказать здесь что-то,
Я, конечно, бы желал,
Всё, что знаю я об Отто,
Я в газете прочитал.

Как газету основали,
Подошло к годам уж трём.
Что? Газету как назвали?
Да «Забытым Алтарём».

Пусть три года срок не длинный,

Между нами говоря,
Был я дома у Галины,
То – редактор «Алтаря»

Цели здесь совсем простые,
Чтоб читала божья тварь,
Мы во все концы земные.
Высылаем всем «Алтарь».

Христиане чтут газету,
Говорят все без прикрас:
Где про Отто Шульца нету
Нечего читать для нас.

Раз тревогу там забили,
Сердце Отто барахлит.
Операция, лечили
Бодрый он теперь на вид.

И, конечно, братья, сёстры,
Пожелать ему хотят.
Чтоб служил он словом Божьим
Много лет ещё подряд.

Ну а мы, как Христиане,
Кто Христа уже познал,
Все о нём молиться станем,
Чтоб Господь здоровья дал.

С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ

18 мая 2008 года Отто Шульцу исполнилось 70 лет. Поздравить его с днём рождения в церковь собралось сто двадцать человек. Всем понравилась еда, в том числе духовная. Были люди из других церквей, и даже гости из Москвы. Все сердечно поздравляли юбиляра, было красивое собрание, звучало много прекрасных слов, и христианская поэтесса Аня Тюфанова даже посвятила имениннику стихи.

Я расскажу про жизнь твою,
Про то, как Бог по жизни вёл.
Как ты украсил жизнь мою,
И как ты Господа нашёл.

Несчастный случай, вот беда,
Ты вмиг лишаешься здоровья,
Как молод был ты, брат, тогда,
Но Бог стоял у изголовья.

Один, придавленный плитой,
Ты первый раз, взывая к Богу,
Пошёл невидимой тропой,

И Бог пришёл к тебе в подмогу.

Скорейшей смерти ты просил,
Просил у Господа прощенья.
А Бог тебя в тот миг любил,
Ведь был тот миг твой день рожденья.

Уже полвека инвалид,
Но сколько смог ты сделать, брат,
Душа твоя за всех болит,
Помочь ты всем на свете рад.

Ты первым к Господу воззвал,
Что Бог всех любит, рассказал.
К Христу помог прийти и нам,
Ты многих часто выручал.

Господь тебя от бед хранил,
Хоть нет возможности ходить.
Но он женою наградил,
Она – связующая нить.

Сестрою Лена стала нам,
Родив двух чудных дочерей.
Делила горе пополам,
Нет женщин Леночки добрей.

Она – помощница и друг,
Она любима всеми нами,
Трудолюбивость добрых рук
Свершало милость над сердцами.

Ты много жертвуешь,
Она не скажет против даже слово.
Благословенная жена –
Не заслужил ты, брат, другого.

Судьба сюда нас привела,
Ты сделал всё, чтоб нам помочь.
Мы оставляли на тебя
Сперва свою родную дочь.

Авто в подарок не забыть...
С приходом вашим мир светлей,
Ведь вы умеете любить,
Уча и нас всех быть добрей.

«Алтарь» забытый поднимал,
С Галиной вместе, Божий труд.
Ни разу в жизни не роптал,
Газету любят все и ждут.

Давно в Америке ты свой,
Где трудность есть, всегда ты там.
Проблем вокруг витает рой,
Примером служишь всем ты, брат.

Принять крещение других
Ты помогаешь каждый раз,
Хоть тяжело для лет твоих,
Но пыл твой, видно, не угас.

За то, что сделал ты для нас,
Не хватит слов, чтоб перечесть,
И никогда из уст твоих
Мы не слышали ложь или лесть.

Мы очень рады, что Бог дал
Такого брата и отца,
Ты в годы детства голодал,
Не видел трудностям конца.

Но Бог дал всё преодолеть
Невзгоды, горе и беду.
Хоть тяжело всю жизнь болеть
И быть самим с собой в ладу.

Ты добротой своей берёшь,
Ты указатель к Богу ввысь.
Ты верность Господу хранишь.
За нас и дальше, брат, молись.

Мы пожелать тебе хотим,
Здоровья, счастья и удачи.
И нами всеми ты любим,
Благословен ты, не иначе.

Автор писал очерк, частично стоя, частично сидя, лёжа в постели на животе, со страшными болями в спине, будучи почти три недели на больничном, с нехорошим диагнозом «Hexsen Schuss», по-русски – радикулит. Так что прочувствовал он страшную боль героя своего достаточно остро, но, несмотря на это, писал из чувства сострадания, большого уважения и любви к ближнему.

PS: Для чего я пишу? Чтобы у людей камни превратились в трепетное и любвеобильное сердце.
Чтоб о «немцах из России» знали другие народы и знали правду, знали и уважали мой народ!

Автор и однофамилец Райнгольд Шульц от всей души присоединяется ко всем поздравлениям и желает дорогому земляку и однофамильцу ДОЛГИЕ ЛЕТА...

ЛЮБИ И ВЕРЬ, И БУДЬ СЧАСТЛИВЫМ!

ПРОЩАНИЕ

Когда телефонный звонок рассёк домашний покой, душа почувствовала тревогу и отторгала от себя ещё не озвученную новость. Даже когда человек смертельно болен, весть о его смерти является полной неожиданностью для окружающих. Лена, жена Отто Шульца, известного христианского проповедника из Детмольда, обзванивала всех по списку.

Отто Шульц, родившийся в Коми АССР, проживавший в Чимкенте, инвалид после перенесённой в молодости автокатастрофы, в последнее время чувствовал себя плохо, но очень не хотел в больницу. Утром он сам попросил вызвать скорую. В больнице ему сделали укол, дали кислород, ему полегчало, стало свободней дышать. К вечеру он сказал жене, чтобы она шла домой.

В 22 часа к Отто заходила медсестра, он беззаботно шутил и разговаривал. Приехав домой, Лена плакала, молилась и читала Библию. В сердце запал стих:

Господь благ, Он прибежище в скорбный день.
Он заботится о тех, кто надеется на него.
(Наум 1,7)

Она отметила стих, поставила дату 28.06.2013 г. и время – 23 часа. В это мгновение зазвонил телефон. Из больницы сообщили, что Отто больше не дышит. Бронхит и вода в лёгких были причиной его смерти во сне. Жена с родственником поехали в больницу.

Утром новость опечалила весь Детмольд, всю Германию, все церкви России, Казахстана, Канады. Телефон звонил весь день. Из Америки звонили уже ночью, передали соболезнования, сказали, что собрали пожертвования и перечислят как можно быстрее. Помощь шла отовсюду, местные верующие поделились на команды: кто организовывал похороны, кто готовил программу, кто трудился над текстом биографии, кто составлял видеофильм из его семейных фотографий, кто готовил зал для поминок. Человек 20 расставляли столы, стулья, посуду, другие были задействованы на кухне. По предварительным подсчётам предполагалось, что на похороны прибудет человек 700.

В Детмольде, как в прошлом веке на Волге, чудесным образом создана дружная христианская самоуправляемая «немецкая республика» русскоговорящих немцев. Там сильные многочисленные церкви, своя большая христианская школа, которая по праву считается одной из лучших в Германии, создан музей российских немцев, строится пансионат для престарелых переселенцев. Все верующие работают, у большинства – свои дома, престижные машины, много детей, отличное воспитание.

В день похорон, за час до назначенного времени траурной службы, в церкви открыли доступ к телу покойного. Проститься с братом Отто приехали люди отовсюду. Церковь уверенно наполнялась сестрами и братьями, друзьями и родственниками, приехали инвалиды. Красиво пел хор, проповедовалось Божье слово, показали

фотофильм, зачитали биографию Отто Шульца. Взрослые дочери Ирина и Рита со своими мужьями и детьми стояли у гроба.

Остается только удивляться силе духа и веры, с которой Отто шёл по жизни, а также выразить огромную благодарность его жене Лене Шульц за то, что она так самоотверженно ухаживала за своим супругом. Она буквально носила его на руках. Он так любил жизнь, свою жену, детей, семью, церковь, безмерно верил в Бога. Бог давал силу, любовь, нужные слова, средства и обаятельную энергию в общении. Его знали в Европе, в Азии, в Америке. Он всё успел – построил дом, посадил сад, вырастил детей (они стали христианами-миссионерами), служил людям, был предан Богу. Он стоял у истоков создания христианской газеты «Забытый алтарь». О нём написана книга – повесть о настоящем Шульце.

На кладбище всё цвело и зеленело, птицы пели, порхали бабочки. В начале июля жизнь бьёт ключом, только печальные люди, провожая своего брата в последний путь, бросали в могилу прекрасные розы.

Весь мир как будто стал иначе:
Европа в трауре молчит.
И вся Россия будто плачет,
И вся Германии скорбит.

Земля вокруг нас опустела...
В цепи не достаёт звена....
Разорван круг. Прости нас Отто,
Что мы не сберегли тебя.

Пока мы доживать здесь будем
Отпущенный нам Богом век,
Твой образ светлый не забудем,
Родной и близкий человек.

После поминального обеда в церкви было ещё одно богослужение, посвящённое памяти дорогого человека, мужа, отца, бабушки, друга и брата.

Скорбит и плачет моё сердце – Отто Шульц ушёл от нас. В связи с тяжёлой утратой выражаю своё искреннее соболезнование жене, детям, сёстрам и братьям и всем, кто знал и любил брата Отто. Царствие ему небесное!

Райнгольд Шульц.
Гиссен. Германия.
03.07.2013.

**ДОРОГИЕ, МНОГОУВАЖАЕМЫЕ ДРУЗЬЯ, ТОВАРИЩИ, ЗЕМЛЯКИ,
СЕСТРЫ И БРАТЯ!**

С ГЛУБОКИМ ПРИСКОРБИЕМ СООБЩАЮ

28.06.2013. в 23 часа в клинике города Детмольда

ушёл из жизни хороший человек, христианин, пастор **ОТТО ОТОВИЧ ШУЛЬЦ**.

Прощание и похороны состояться в Детмольде 03.07.2013. в 10 ч.

СУДЬБА АДАМА

Судьба прокладывает путь по личной жизни человека.

Я, гражданин Федеративной Республики Германии, Адам Иванович Руль, бывший советский немец, родился на Украине 20 декабря 1930 года в городе Константиновка Сталинской области, ныне это Донецк.

Отец мой Иоганес, по-русски его звали Иван, родился на Волге в 1907 году в Саратовской области в селе Кейлер, недалеко от Камышино. Мать – Екатерина Ивановна – родилась в том же году, в этом же селе. В семье было четверо детей: одна дочка (умерла в младенчестве) и три сына: Иоганес, я – Адам, и Петер.

Из родных мест родителям пришлось рано уехать, потому что на Волге обострённо полыхала классовая борьба, шла продразвёрстка, были голод и гонения на инакомыслящих. Мужчины боялись засыпать в своём доме и спали на сеновале, в сарае или во дворе, чтобы в случае появления непрошенных ночных гостей можно было незаметно исчезнуть в темноте.

На новом месте отец работал на хлебопекарне возчиком. На лошадях развозил хлеб по торговым точкам. За это ему ежедневно вместо зарплаты выдавали одну буханку хлеба. Однажды в городе он встретил свою голодную сестру и отдал ей заработанную буханку. Это увидела одна женщина, которая решила, что отец ворует у государства хлеб, и заявила в милицию, на что те быстро оформили дело и передали в прокуратуру.

Отца приговорили к трём годам тюремного заключения. Ужасные условия для заключённых и это несправедливое наказание не давали ему покоя. Он совершил из тюрьмы побег, за который был добавлен срок – ещё два года, с отбыванием наказания в исправительно-трудовых лагерях Дальнего Востока.

В 1940 году он вернулся домой, мать его еле узнала – кожа да кости. Мама старалась его откормить, поставить на ноги. Бывало, он сядет за стол, покушает и молча плачет. Перепало ему, видно, там, с горочкой. На работу он устроился в горпромхоз грузчиком. Вскоре началась война. Отца забрали в трудармию на Урал, в Нижний Тагил Свердловской области. Моя мать с тремя детьми опять осталась одна.

В октябре 1941 года нам сообщили, что всех немцев будут выселять. Мы должны были в течение 24 часов подготовиться к высылке. На другой день всех людей в одночасье выбили из насиженных мест, как скот, загнали в товарные вагоны, в которых раньше перевозили скотину, и с рёвом отправили в неизвестность. Всё было брошено как во время пожара. Взять с собой разрешили только то, что можно было надеть на себя и унести в руках. Не немцы – соседи, со страхом смотрели на кошмар из-за завешанных шторам окон. Было холодно, морозы к этому времени доходили уже до минус 15 градусов.

На станции Пухово, примерно в двухстах километрах от родного дома, была первая стоянка поезда. Был солнечный день, народ высыпал из вагонов, стал разводить костры и готовить себе обед, но вдруг в небе появились немецкие самолёты и начали бомбить. От страха волосы вставали дыбом, от грохота лопались ушные перепонки. Земля тоннами улетала в чёрное небо, вокруг всё горело: деревья, дома, вагоны. Всюду огонь, дым, паника, окровавленные части человеческих тел, стоны, грязь, хаос. Слабонервные от увиденного теряли сознание. Страшная война сразу показала своё ужасное лицо. В этой бомбежке погибло около 500 человек наших российских немцев.

Пока эшелон дошёл до места назначения, а это длилось примерно один месяц, нас ещё не раз настигал немецкий самолёт. После каждой бомбёжки люди с плачем хоронили погибших, где придётся. Железнодорожные рабочие день и ночь восстанавливали пути сообщения, так как рельсы были искорёжены, насыпь разбита. В ожидании проходило несколько суток, а народ в холоде и в голоде страдал. Многие простудились, заболели и умерли. Особенно вымирали старики и дети. Тогда я понял, что самое дорогое в жизни человека – его последний вздох.

Под перестук колёс живые оплакивали мёртвых. На пустынных разъездах охрана позволяла выгружать из вагонов трупы. В дверной проём вагона закидывали несколько буханок непропечённой

черняшки и ставили на пол пару вёдер холодной сырой воды. После этого раздвижную вагонную дверь запирали снаружи.

Моя мать, с девятимесячным ребёнком на руках, приложила все усилия, чтобы сохранить ему жизнь, но не смогла. Петер получил дизентерию, сильную простуду и умер. На одной из станций мать отдала ребёнка охране, чтобы те похоронили, и, опухшая от слёз, вернулась в вагон. Мать была очень религиозная католичка, не выпускала из рук свою любимую христианскую книгу «Лебен ляйде». Библии у всех изъяли. Она научила нас молитве «Отче наш», и мы все свои проблемы, со слезами на глазах, усердно рассказывали Богу на нашем родном немецком языке.

6 октября 1941 мы оказались в Казахстане, на будущем атомном полигоне, под Семипалатинском, откуда нас в трюмах барж по Иртышу доставили в Майский район Павлодарской области. Половина ссыльных не доехала до места назначения. Добравшихся пересаживали на сани, запряжённые волами, и повезли к месту нашей постоянной ссылки, в колхоз Кызыл-Энбек.

Поселили нас в заброшенные саманные хибары, где раньше от непогоды укрывались овцы. Кошарни были без окон, без дверей – полна горница людей. Засучив рукава, женщины, старики и дети стали обустривать жильё так, чтобы можно было бы перезимовать и не замерзнуть. Всю зиму нас кормили только одним просом.

Весной стали организовывать полеводческие бригады. Моя мать и старший брат Иоганес, которому уже было 14 лет, попали в одну бригаду. Они пахали на волах, а я с малолетками ходил с торбой по полям и собирал прошлогодние колоски. С пяти лет научился варить кашу и, когда взрослые приходили с работы, на столе их ждал горячий ужин.

Когда мне исполнилось 12 лет, меня тоже стали привлекать к колхозной работе, но тут моя мать стала за меня заступаться, доказывала, что я ещё ребёнок и мне рано работать. Вскоре вышел указ о том, что немецкие дети имеют право на обучение в казахских школах.

В школу я пошёл сразу в 4 класс, так как три класса уже закончил на Украине. Учебный год окончил с отличием и поэтому был принят в интернат.

Попад в интернат, я почувствовал себя как в раю. У меня была своя койка. Нам сразу бесплатно выдали новую школьную форму. Досыта кормили разными кашами, иногда даже давали конфеты к чаю. В интернате все уроки шли на казахском языке, и я научился хорошо говорить по-казахски, а русским владею как родным. Хоть в образовании нас немцев нещадно ограничивали, но тремя языками в совершенстве не каждый выпускник ВУЗа может похвастаться, а мы были ещё детьми, и таких как я было много.

В 1943 году нам сообщили страшную весть о том, что нашего отца и его младшего брата, тоже Адама, в трудармии расстреляли за то, что они там заступились за одного парня, которого избивал солдат. Мать моя в 36 лет осталась вдовой. Эту весть нам привёз один наш знакомый, который приехал из трудармии на похороны своей жены. Истинную причину смерти нашего отца и его брата мы до сих пор не знаем, а всю жизнь так хотелось узнать все мельчайшие подробности.

В 1944 году нашу мать забрали в трудармию. Мой старший брат стал инвалидом и с плачем долго преследовал повозку, а я молча бежал рядом. Наконец извозчик сжалился, остановился и усадил меня и брата на повозку рядом с мамой. Так мы попали в город Павлодар. Затем нас отправили в город Темиртау, это в 60 километрах от Караганды. Везли под конвоем, как заключённых. В Темиртау всех распределили по палаткам и на следующий день оформили на работу. Из нашей местности прибыло три немецкие семьи, и нас, пацанов, сразу определили учениками плотника.

В один из дней вновь прибывших немцев вызвали в комендатуру. Комендант Деревягин – грубый, не очень приветливый человек, – начал расспрашивать, есть ли у нас разрешение на выезд за пределы той области, куда нас выслали на вечные времена. На что мы ответили, что нас никто ни с каким решением не знакомил. Все делалось под руководством милиции, и сюда нас доставили под вооружённым конвоем.

Комендант тут же выписал распоряжение, вручил его нам и разгневанно приказал в течение 24 часов покинуть город и возвратиться к прежнему месту проживания. На следующий день мы пешком отправились в дорогу.

До Караганды мы шли два дня. На железнодорожном вокзале приобрели билеты и отправились в Павлодар. В Павлодаре жила тетя Роза, старшая сестра моей матери, которая нас приютила и обогрела. Моя мать сразу кинулась на поиски работы, но, к сожалению, без прописки её никто не брал. Мы понимали, что наша тетя, имея своих четверых детей, воспитывая их одна, без мужа, не в состоянии и не обязана нас кормить.

Мы собрались идти обратно туда, куда нас определили на поселение. Это было в 250 километрах от Павлодара. Была весна. Иртыш шириной с полкилометра ещё стоял подо льдом, но талые воды уже текли сверху. Чтобы перейти на ту сторону нам пришлось раздеться и босиком, рискуя провалиться, в ледяной воде, мы перешли вброд на ту сторону. На берегу насухо вытерлись, оделись и побежали, пока не согрелись окончательно. Дорогу до села мы преодолели за 12 дней. В день мы в среднем проходили до 20 километров. По дороге собирали дровишки, чтобы можно было бы вечером разжечь костёр, но разве

много дров на себе унесёшь, если сам еле ноги переставляешь. Две недели по ночам клацали зубами от холода, ночевали под открытым небом, так как немцев никто не пускал переночевать к себе домой.

Прибыв в село Майск, мы в первую очередь отметились в органах НКВД, после чего приходилось ежедневно там отмечаться, пока нас не определили. Жильё нашли у одной старой вдовы, Эмили Гофман, которая нас приютила.

Добрый старый председатель колхоза Кызыл-Энбек товарищ Жеманготов ушёл на пенсию, а новый, тоже казах, узнав о том, что мы вернулись, стал обивать пороги НКВД, добиваясь нашего возвращения в колхоз. Он нас постоянно запугивал и грозился найти на нас управу. Мой старший брат тихо говорил мне, что готов на любую работу, но в колхозное рабство обратно не вернётся. Мы не хотели возвращаться в колхоз и просили работу в районном центре, т.е. в селе Майск.

Начальник НКВД оказался добрейшим человеком и помог нам с устройством на работу. Он договорился с начальником рудоуправления, и на следующий день нас уже оформили на работу. Работа была тяжёлая, но мы ей были рады и бесконечно благодарны начальнику НКВД Кудайбергенову.

Жили мы в землянке на пятнадцати квадратных метрах, три семьи. За хорошую работу нам вскоре выделили общежитие, а затем дали жильё в двухквартирном стандартном финском домике. Работа была физически очень тяжёлая. Мы грузили руду. Кроме того, в течение целого рабочего дня мы должны были поднимать вагонетки, которые постоянно сходили с рельс, а мне было всего 17 лет. Через некоторое время я понял, что долго на такой работе не выдержу и очень скоро тоже могу стать инвалидом. Я стал подумывать о том, что для того, чтоб сохранить здоровье, надо осваивать другую профессию.

В 1952 году к нам в село приехал преподаватель по автоделу, который набирал курсантов на курсы водителей 3 класса. Я сразу записался и, отучившись 6 месяцев, успешно сдал экзамены, приобрёл профессию водителя 3 класса. После этого проработал там шофёром два года. Друзья шутили: смотрите, Адам Руль сел за руль!

Когда в 1955 году отменили комендантуру, все немцы старались куда-нибудь уехать из мест подневольной ссылки. Долго не думая, мы тоже уехали жить в город Павлодар, где вновь всё начали с нуля.

В то время нас так воспитывали, что в жёны мы должны были брать только немку, и мне пришлось ехать в дальние края к знакомым. Из Тюмени привёз я себе жену из наших. Лида устроилась на стройку маляром, родились дети, Мария и Виктор.

Мы начали строиться. Я работал шофёром на почте, затем перешёл в областное управление сельского хозяйства, возил начальника, потом меня взяли в обкомовский гараж, возил Моргуна – второго секретаря обкома. Но, как говорится, служить бы рад, прислуживаться тошно. Там надо было быть слугой и нянькой. Днём возить начальника, его родню, друзей, вечером развозить по домам партийных собутыльников, утром – детей в школу, тещу на базар. Потом надо было в качестве носильщика сопровождать по магазинам его жену, которая по благу закупалась всегда с чёрного входа, а мы, простые люди, только с парадного. Охота, рыбалка, разные мероприятия, от зари до зари был на службе. Уходил на работу рано, приходил поздно, бывало, работал без выходов, и мне, и жене это надоело.

Я уволился с работы и поступил на курсы в торговлю, потом устроился в ресторан барменом, а затем переучился на продавца мясного отдела и спокойно проработал там до самой пенсии. Мы с женой прожили вместе 36 лет, но она на малярной работе имела дело с красками, с ацетоном и растворителями, там она заработала болезнь лёгких и после продолжительной болезни в 1995 году переселилась в царство небесное. Я через год с дочерью и внуком переехал в Германию, а сын так и застрял в России. Муж дочери, белорус, переезжать отказался, семья распалась. У сына жена – хохлушка, сама ушла, когда у него инсульт случился. Теперь он на инвалидности, живёт один, перебивается как может, но к нам его не пускают. Воссоединение семьи больше не происходит, ворота в Германию крепко закрыты на замок "шпрах теста" Старость наступила, а покоя нет.

Как-то в разговоре собеседники меня поддели, мол, первого Адама из рая выселили за то, что он запрет нарушил, жену в этом не пресек, а наоборот – был даже её соучастником в совершении греха. Вроде как виноват был. А тебя за что выселили из родных мест? Ты вроде бы закон не нарушал, против власти не шёл, врагу не пособничал, за что проклят был? Без вины виноватый на каторге оказался? За что жизнь покалечили, детства, юности лишили, здоровье отобрали, в старости с детьми разлучили? ЗА ЧТО???

Вот и получается, что совесть у советских немцев как стекло: и чистая, и прозрачная, и блестит. А судьба у всех разбита вдребезги, и справедливость восстановить нет никакой возможности. Всё равно спасибо никто не скажет, а за причинённые убытки, лишения и моральный ущерб компенсации не предвидится. Прощения власти не попросят, ни с той, ни с этой стороны.

Да! Перепало нам тогда со всех сторон, за всех и ото всех. Немцы бомбили, красные давили, да и сейчас тут всех перекарасили, там страдали за немцев, здесь – за русских. Там были фашистами, здесь стали «Ди Руссе!» Мы здесь – дети там. Всю жизнь тяжело работали, лишь полпенсии заработали. Старейшинам нашего народа узаконили нищенское существование. Как родились с плачем, мокрые,

голые и голодные, так и жизнь прожили, ничего не нажили. За что нам такая доля??? Греха-то на нас НЕТ!!!

Вот и получается, что местным фортуна улыбается, а над нами смеётся.

Адам тяжело вздохнул, и я почувствовал в его голосе всю тяжесть его воспоминаний.

– Тяжело вспоминать, но надо! – сказал он.

– Надо, чтобы дети и внуки знали, какое у нас было детство и как трудно мы прожили свою жизнь.

Это хорошо, что в печати вы задумали такую замечательную рубрику «Воспоминания». Вот я с Вашей помощью снова окунулся в своё прошлое, словно ещё раз свою жизнь прожил. Ну ладно, об этом! На сегодня, пожалуй, всё! Чус!

– Спасибо за звонок! – успел я поблагодарить Адама, прежде чем в трубке раздались телефонные гудки.

СВИДЕТЕЛЬ АДАМА

Прочитал в журнале рассказ «Судьба Адама» и расчувствовался, всплыли воспоминания, подробности, голоса, – так меня это зацепило. Это же всё правда, что вы написали, я тому живой свидетель. Я тоже был в том поезде спец переселенцев, который разбомбили немецкие самолёты, всё это ясно предстало передо мной после прочитанного. У немцев России непростая судьба, тяжёлая судьба была у Адама, да и моя судьба была не из лёгких.

Герман Александрович Шрам.

В 1809 году Наполеон напал на Германию, он захватил Эденкобен, что возле Вормса. Французы праздновали победу, ловили женщин, грабили и жгли усадьбы. Мои предки остались без жилья и без хозяйства. Деньги удалось сохранить, и они решились на переезд в Россию. Переправившись на правый берег Рейна, ещё не захваченный врагом, они гужевым транспортом подались в Баварию, оттуда по Дунаю прибыли в Одессу.

После карантина переселенцы получили Российское гражданство и, выбрав за городом красивое место, основали ещё один Вормс, нынче село Виноградное. На сходке выбрали дорфшульца – деревенского старосту, распределили земельные наделы и приступили к работе. Так началась судьба моего рода в России.

Мой отец получил учительское образование, воевал на турецком фронте в первую мировую войну, а после революции работал ректором немецкой школы в Харькове, потом стал редактором издательства, которое печатало книги для немецких национальных школ на Украине. Мама была из Керлеута – центральной немецкой общины Крыма, она красиво играла на пианино и работала концертмейстером в Харьковской филармонии. В этом городе в 1930 году я и родился.

Хорошо помню, как малышом смотрел в окно, и каждое утро видел, как по бульжной мостовой цокала копытами лошадка и тащила за собой страшную телегу, из которой свисали руки и ноги мертвецов. На Украине был страшный голод. У крестьян по продразвёрстке отобрали всё, и они деревнями шли в город, чтобы добыть что-нибудь покушать. Но никто ничего не давал, и люди умирали прямо на дороге. А по утрам по улицам ехала телега и в неё грузили трупы, которые штабелями лежали на кошмарной повозке. Судьба страны зависит от питания. В 1933 году столицу Украины из Харькова перевели в Киев, переехало издательство, а с ним и мы.

В Киеве мы жили на улице Андреевский спуск, рядом с Владимирской горкой, папа продолжал работать в издательстве, мама была со мной. Папу арестовали в феврале 1936 года. Арестовали всё издательство целиком. Закрыты были немецкие школы. Мы с мамой остались одни, а поздней осенью того же года арестовали маму. Меня, шестилетнего, поместили в детприёмник НКВД.

Потом маме тюрьму заменили ссылкой и до особого распоряжения отправили на Урал. Мама сумела добиться, чтобы меня нашли, хотя из детприёмника меня уже перевезли в какой-то женский лагерь с детским отделением и переименовали, отобрав даже собственное имя.

Мы с мамой оказались в ссылке, в глухой деревне Бутка Свердловской области. В этих дебрях в 17 веке стали возникать первые слободы. Там осели беглые люди из казацких земель, которые бежали в Сибирь от «хорошей» жизни. С тех пор жизнь в ней почти не изменилась. В деревне не было электричества, неизвестны были даже туалеты типа «Сортир», люди ходили на двор. Но преимущество было в том, что она находилась далеко от железной дороги, и поэтому было более-менее хорошо с продуктами. Все держали скот, резали свиней, были мясо, картошка и вечнозелёные помидоры.

Половина населения деревни были ссыльные, среди них много российских немцев. Эта деревня известна ещё и тем, что там 1 февраля 1931 года родился Ельцин.

Перед самой войной военный комендант вызвал к себе всех ссыльных немцев и объявил, что они теперь свободны и могут ехать, куда хотят.

Но домой нельзя, своё имущество требовать назад нельзя, в областных городах селиться нельзя, в столицы нельзя, нельзя в города, находящиеся в особом списке.

В Киеве у нас осталась квартира, полная мебели, одежды и хорошей посуды. Там осталась мамина гордость – концертный рояль. Мама при аресте взяла с собой только маленький узелочек, меня забрали вообще ни с чем.

После войны, когда я уже работал инженером и приехал в Киев в командировку, я нашёл наш дом, своих соседей, нашёл друга детства, который пережил там всю оккупацию.

Он рассказал, что в нашу квартиру сразу въехал большой начальник НКВД, а когда началась война, он погрузил всю нашу мебель, картины, посуду, домашние вещи в грузовик и вместе с семьёй отправил на восток. Сам переоделся в рабочую фуфайку и остался жить в этой квартире, оставив себе только стол и табуретку. Буквально на второй день оккупации немцы его арестовали, и он исчез.

Из деревни Бутка мы поехали к бабушке, в немецкую колонию «Нойхофнунг», что у самого Азовского моря. Дедушку убили махновцы. Мама оставила меня у бабушки и поехала к родне искать работу. Многие родственники жили в Республике Немцев Поволжья. Там, в деревне Константиновка, жила её сестра, она помогла с работой, и вскоре мама забрала меня к себе.

В 1941 году осенью, когда уже слышна была канонада, к нам домой пришли уличком с нквдешником. Он переписал всех жильцов, отобрал документы и сказал, чтобы завтра были готовыми к отправке на Восток:

– Вы теперь спецпереселенцы, никуда не имеете права уезжать самостоятельно. Приготовьте продукты на 10 дней, можно взять с собой 25 килограмм домашних вещей.

Когда нквдешник ушёл, мама велела мне срочно бежать в магазин, получить продукты. В Константиновке тогда уже была импровизированная карточная система. У всех жителей были две сумочки с вышитой надписью: адрес, имя и фамилия. Одну пустую сумочку сдаёшь в магазин, другую полную получаешь. В ней был набор положенных продуктов на неделю, потом платишь деньги и продавщица отмечала в специальном журнале получение продуктов. Такая система была не везде, без неё в других местах снабжение было намного хуже.

Я схватил сумку и выбежал на улицу, но там уже стоял часовой и никого не пропускал, тогда я вернулся во двор, пошёл в огород, перемахнул через соседский забор и вышел на другую улицу. Там часового ещё не было. Скоро я принёс домой сумку с продуктами на всю неделю.

На следующий день по улице двигалась большая толпа, гнали её солдаты НКВД. Когда они подошли к нашему дому, зашла уличком со списком. Нас выгнали на улицу, и мы тоже попали в эту толпу. Всех погнали дальше, но не на пассажирский железнодорожный вокзал, а на товарную станцию. Там все сидели двое суток, ждали, пока отправят. Людей было много, целое поле. Потом подали под погрузку длинный эшелон с маленькими двухосными вагонами. В первом и последнем вагоне была охрана НКВД, а посередине поезда был вагон начальника поезда, у которого хранились все наши документы.

Всех высланных построили вдоль вагонов, в наш вагон вместо положенных 30 человек распределили 59. Назначили старшего, он должен был следить за порядком, решал все всплывающие вопросы и отвечал за то, чтоб никто не убежал. Потом дали команду на погрузку, и все кинулись захватывать лучшие места на нарах и под ними. Залезть в вагон было трудно, потому что высоко, надо было взобраться по маленькой железной лестнице с двумя ступеньками. Нам места достались только в проходе. Солдаты снаружи задвинули дверь, и мы поехали.

Ехали очень медленно и долго, с большими остановками. Подолгу стояли на запасных путях, пропуская эшелоны, которые шли на фронт. Потом добрались до станции Пухово. Паровоз затянул состав на один из боковых путей, и конвой открыл двери переполненных вагонов. Всем объявили, что можно приготовить горячую пищу.

Люди выскочили из вагонов, вытащили свои кирпичики, положили на землю, два кирпичика на ребро, на кирпичики – кастрюльку, внизу огонь, и вари – что получится. Люди торопились, никто не знал, как долго будет стоять поезд, кроме того, на горизонте собирались чёрные тучи, грозившие дождём. У нас кирпичиков не было, и мама заняла очередь, у которых уже что-то варилось. Я насобирал дровишек, но тут из-за туч вынырнули несколько немецких самолётов и, развернувшись на небольшой высоте, стремительно приближались к станции. Кто-то закричал: «Воздух!!!» Все кинулись в кукурузу, которая росла рядом со станцией, и этим многие спаслись. Хорошо, что у всех вагонов двери были открытыми и почти все люди были на улице.

Самолёты один за другим заваливались на крыло и высыпали из себя крупные бомбы, попадавшие точно в наши вагоны. Паровоз отцепился, изрыгая чёрный дым, клубы пара и, отчаянно

завывая, умчался со станции. Всюду огонь, дым, паника, окровавленные части человеческих тел, стоны, грязь, хаос. Земля тоннами улетала в чёрное небо, вокруг всё горело: деревья, дома, вагоны. Слабонервные от увиденного теряли сознание. От страха волосы вставали дыбом, от грохота лопались ушные перепонки. Одна бомба попала в водопроводную колонку, где заправлялись водой паровозы, и в небо забил высокий, мощный фонтан, он бил довольно долго, пока вся вода не вылилась из разбитой водонапорной башни. Вся станция, все пути были полностью залиты водой. Там, где была станция, образовалось озеро. В воде, которая залила все рельсы, отражалось пламя войны, плавали мёртвые, их вещи и разные предметы из разбитых вагонов. Все произошло в считанные минуты: станция Пухово была разрушена, эшелон разбит. Лётчики, конечно, не могли знать, что мы тоже немцы, но они прекрасно видели, что это не военные, а гражданские лица, в основном, женщины, старики и дети.

Когда бомбёжка кончилась, все, не сговариваясь, пошли прочь от этой станции. Мы дошли до какой-то деревни, люди просились в дома к жителям, а мы с мамой оказались в каком-то сарае. Утром пришли солдаты НКВД, но не наши, а чужие. Они прочесали местность и погнали людей назад на станцию. Там ссыльных стали подсаживать на проходящие составы. Мы попали на открытую платформу, и нас повезли на восток, на станцию Листки Воронежской области.

В Листках мы пошли на привокзальный базар, купили кое-что покушать. Потом посадили нас в проходящий эшелон с такими же высланными немцами, и с ними мы доехали до Алма-Аты, а оттуда повезли на север, в Семипалатинск. Там всех пересадили на баржу из-под угля и повезли в Павлодар. Мы выглядели как трубочисты. Буксир тянул баржу бесконечно долго. Холод был собачий, снег уже лежал на берегах, но Иртыш ещё был не замёрзшим. В Павлодаре мы попали в совхоз, а весной маму забрали в трудармию.

Я снова остался один, жил как сирота. Беспризорных детей было много, маленьких забрали чужие люди, а меня к себе никто не взял. Беспризорник – выкидыш государства. Мы ютились в подвале разрушенного дома и образовали коммуну. Меня в 11 лет взяли разнорабочим в овцеводческий совхоз, и я получал продукты по рабочей карточке, но этого не хватало. Мы ловили зайцев, сусликов, рыбу, иногда воровали овец. С нами кормился один старичок-немец. Он очень плохо ходил, но был мудрым и нас многому научил. Он сделал деревянную ручную мельницу из двух срезов бревна. На ней мы мололи просо, иногда пшеницу. Он научил нас выживать, ставить силки, разделять добычу, разводить огонь, делать лапшу, варить. Так все вместе мы спасались как могли. Потом поступил приказ – всех овец сдать на полушубки для фронта, и наступил голод. Не было работы, перестали давать хлебные карточки, и мы с приятелем ушли в Павлодар. Ходили по домам, предлагали услуги: кому крышу починить, кому дрова напилить, кому огород вскопать, в хозяйстве помочь. Делали всё, что придётся, отирались на базаре, вели бродяжно-нищенское существование.

После войны мама получила разрешение приехать за мной. Как она разыскала меня – непонятно, но нашла и увезла к себе в Краснокамск. Там, в посёлке Веета, за колючей проволокой, в зоне стояли бараки. В них жили немки-трудармейки, которые работали на лесоповале, а потом строили нефтеперегонный завод. Мую маму освободили от физических работ, и она учила музыку детей всяких начальников, хотя по штату числилась разнорабочей. Когда мы туда приехали, меня сразу поставили на учёт в комендатуру и мобилизовали в трудармию, определили в механический цех учеником токаря. Через две недели я уже самостоятельно выполнял норму на станке ДИП 200. (ДИП – догнать и перегнать). Моя мама очень хотела, чтоб я учился, и добилась этого. Я попал в школу сразу в 6 класс, хотя в пятом никогда в жизни не учился и вообще с 41 по 46 год в школу не ходил. Сначала я вообще не понимал, что происходило на уроках, особенно по математике. Что такое дроби, не имел понятия, но со временем догнал всех и закончил семь классов, получив свидетельство об окончании неполной средней школы.

Потом я пошёл в другую школу, уже в среднюю, поступать в 8 класс, но учительница, прочитав мою фамилию, спросила:

– Немец?

– Да! – сказал я.

– Только через гороно!

Пошли мы с мамой в гороно. Там сидел толстый дядя, который, выслушав нашу просьбу, картавым голосом прогундосил:

– Ваше место на лесоповале!

У мамы учились дети высокопоставленных начальников, и среди них была дочка уполномоченного НКВД по Краснокамскому району. Это был очень большой начальник. Мама пошла к нему и буквально через несколько дней мне пришло разрешение учиться в 8 классе.

В нашем классе было только три немца из 50 желающих. В школе нас называли «блатные немцы», потому что нас приняли по блату. Со мной сидел сын личного шофёра директора завода, у

другого – сестра была личной секретаршей этого директора, и меня приняли по музыкальной линии. Остальные немцы – выпускники семилетки – остались за бортом и пошли работать на производство.

После окончания школы, благодаря маминому ходатайству, я получил разрешение коменданта и поехал поступать в Свердловский Политехнический Институт.

Когда я был студентом, то не помню ни одного случая, чтобы на меня кто-то косо посмотрел из-за моей неправильной национальности. На параллельном курсе с нами учился неизвестный тогда Борис Ельцин по кличке «пельмень». Друзьями мы не были, но встречались часто, он отвечал за футбольную секцию, а я – за туристическую. С будущим заместителем Ельцина мы вместе учились и четыре года прожили в одной комнате студенческого общежития. Я чувствовал там себя нормальным советским человеком.

Позже, когда я уже работал, особенно когда стал писать диссертацию, а именно когда я её защищал, то почувствовал особенность своей национальности особенно остро. Ронежский отраслевой научно-исследовательский институт, в который я попал по распределению, при мне только организовывался, и я был почти первым сотрудником, приехавшим туда на работу.

В 1962 году, через 7 лет работы, вызвал меня директор института и сказал:

– Мы тут посоветовались и решили отправить вас учиться заочно в аспирантуру. Вы не против?

– Я не против, – был мой ответ.

А потом партком меня не пропустил. Всех пропустил, а меня нет. Я стал спрашивать:

– В чём дело?

Секретарь парткома ответил, что они не обязаны передо мной отчитываться в своих решениях и добавил: – У нас для аспирантуры есть люди с русскими фамилиями, а вы – беспартийный!

Тогда мне пришлось стать просто соискателем. Это те, кто не состоит ни в какой аспирантуре, то есть я сам на себя беру всю ответственность, но, как потом выяснилось, это имело и свои преимущества. Мне не надо было сдавать вступительные экзамены, я должен был только сдать кандидатский экзамен, который я успешно сдал. Когда на работе я доложил об изменении своего статуса, то сразу почувствовал, насколько там вспыхнула зависть и злоба. Все начали выступать и возмущаться, критиковать меня и мои работы, что там слишком много ненужных материалов. Я понял, что такая злоба на национальной основе будет вспыхивать всегда. Пришлось перейти работать в Политехнический институт и стать преподавателем.

В начале перестройки мы с приятелем, доцентом нашего института, организовали «Малое предприятие». Разрабатывали, изготовляли и монтировали автоматические линии производства. У меня была зарплата как у Горбачёва – 2000 рублей в месяц. А министр МВД в Москве получал лишь 850 рублей. Жили мы прекрасно, нам лучшие продукты по заказу привозили прямо домой, но я всё равно решил уехать из СССР. Прошлое постоянно всплывало в памяти. Не слышно было, чтобы свежий ветер перестройки принёс публичное осуждение тех несправедливостей, которые творились над нами, кто сделал нас гражданами второго сорта. Никто не покаялся, всё могло повториться.

Моя мама часто повторяла: «Жить надо на своей земле! Будет возможность, уезжай без сомнения!» Я помнил всё, что случилось с моим отцом, с моей мамой и со мной. Чувство опасности, которое подстерегало меня и будет подстерегать моих потомков, носителей моей фамилии, не покидало меня никогда.

Советский Союз по идеологии тоже был нацистским государством, которое не приемлело людей с неподходящей национальностью. Нет ни одной семьи российских немцев, в которой нет погибших по национальному признаку. Все те беды, которые свалились на мою голову, произошли только за счёт национальности. Никакие преступления против государства я не совершал. Моё преступление – моя национальность. Потому я и решил, что надо уезжать на историческую родину. Германия – страна немецкого народа, и там наше место.

Я внимательно слежу за новостями и нутром чувствую, что там, в России, это мнение сохранилось до сих пор, хотя высшее руководство стремится взять позитивную линию по отношению равноправия в национальном вопросе страны, но в целом обстановка сохраняется и обостряется. Повсюду горячие точки... Умом кремлёвцев не понять, мозги рулеткой не измерить.

Нет никакой гарантии, что там не появится новый вождь с новыми прорабами перестройки, строителями светлого будущего, и снова кто-то не захочет загнать «железной рукой человечество во всемирный ГУЛАГ». Россия – родина идей и вечно будущего счастья!

– Вот такими мыслями могу я с вами поделиться, – закончил свой рассказ читатель.

Да, воспоминания – это главное богатство старости, – согласился с ним я и написал рассказ от первого лица, как будто от его имени. Потомки должны знать историю своего народа, а история народа состоит из судьбы каждого из нас.

Райнгольд Шульц. Гиссен.

Адольфина Литке, урождённая Retmann, ищет своего брата Альберта Крон 1937 года рождения, потерявшегося во время бомбёжки на станции Пуховово 1941 году.

Всем, кому что-либо известно о его судьбе, просьба позвонить по телефону 9238-1541372

ДИССИДЕНТ

Диссидент по-латински – несогласный. Инакомыслящий. Мыслящий иначе, чем существующее господствующее мнение. Сов. Энциклопедия.

Я бы сказал короче: смело говорящий правду в глаза.

An der Wolga will ich bleiben, an der Wolga will ich sein!

На Волге я хочу остаться, на Волге я хочу пожить!

Эту песню часто со слезами на глазах пела моя мать в сталинской ссылке, потом когда её не стало, мамину песню пел я, и очень хотел вернуться в нашу Немецкую Республику на Волге.

Хотел быть немцем, но чтоб меня за это не призирали и не обзывали. Хотел жить как немец среди немцев, как равный среди равных. Хотел быть культурным, вежливым человеком, иметь высокий уровень жизни, хорошее жильё, машину, хозяйство, не нуждаться в средствах. Хотел гордиться своими делами, детьми, родными, своей родиной. Образцово-показательной родиной, с самым лучшим общественно-политическим строем. Хотел чувствовать себя счастливым, свободным и говорить по-немецки. Хотел искренне любить, ходить в церковь, благодарить Бога, радоваться жизни, делать любимую работу и пользоваться результатами своего труда, а умирая, оставить детям прекрасное образование, чистую христианскую мораль, хорошее наследство и солидную заначку. Чтоб мои дети были уверены в завтрашнем дне, и внуки моих внуков были счастливы и свободны как я сам, как все вокруг. Мы, немцы России, устали слоняться по чужим углам, давно хотим жить по-человечески и иметь свою автономию, свою Родину.

Слышал, что многие, как и я, мечтают о том же и вспоминают, как жили наши деды. Это всё уже было.

Но одному осуществить свою мечту мне было не под силу. Счастье народа – задача общая. Борьба за счастье – святое дело! И я начал это дело. Одним ухом слышал, что вроде бы есть по этому вопросу какое-то немецкое движение и даже создана какая-то организация. Говорили, что в наших местах была делегатка какого-то немецкого съезда. Что они побывали в Москве у самого председателя Президиума Верховного совета страны Анастаса Микояна.

Я работал шофёром и несколько месяцев упорно искал и осторожно расспрашивал наших немцев, пока не наткнулся на того к кому она приезжала. Этого печника я знал давно, у него было очень много детей и мало денег. Полная противоположность моей мечте.

– Да это моя племянница, – сразу признался он и пообещал познакомить, хотя жила она в столице республики, а мы в глуши.

Поехали на мои деньги, встретились, обговорили проблемы, выработали требования немцев России.

С этим документом я ходил по сёлам, где жили немцы, от дома к дому, проводил беседы, люди кивали, соглашались, плакали, подписывали воззвание, но не все. Многие уклонялись – говорили: мы не с Волги, мы украинские, крымские, с Кавказа, из Сибири, из Казахстана. У нас не было автономии, зачем я буду подписывать?

Я объяснял, что это так и не так. Раньше если немцы хотели своих детей чему-нибудь научить, дать им хорошее образование, они посылали их только на Волгу. Потому что там были немецкие техникумы, университеты, институты, там была наша душа, наш цвет, наше правительство, там решались общие для всех вопросы, отстаивались наши интересы, ковалось будущее.

Люди были очень пугливые, подписывали осторожно и не все, за долгое время я собрал всего 113 подписей и 69 рублей пожертвований, из них 20 рублей были мои собственные. Много раз было так, что днём люди подписывали, а ночью приходили тайком и осторожно стучали в окно. Я выходил, а там чуть не плачут мужчины и женщины, умоляют просто на коленях.

– Вычеркни меня из списка. Я ничего не хочу. Я боюсь!

– Хорошо, – говорил я, и рвал на глазах их бумаги. – Ну и гнилой вы народ, – злился я, – за своё счастье бороться не хотите, так и согласны провести всю жизнь в тихом омуте.

Земля слухами полна, и слухи о моей деятельности дошли до властей. Сотни смелых немцев сидело в то время в советских тюрьмах за эту мечту, посадили и меня. В Павлодаре судил меня всё знающий «Адамчик». Придумали обвинительное заключение: «Ложные измышления, порочащие общественно государственный строй», статья 108 – политическая агитация. Хорошо ещё, что в психушку не уехали. Об этом процессе передавали западные радиостанции «Голос Америки», «Немецкая волна», радио «Свобода». Я протестовал, объявлял голодовку, за меня заступился тогда лично академик Сахаров. Но два года тюрьмы я всё-таки схлопотал и отсидел в Перми, за то, что сказал вслух правду о правах человека, рассказал суду о нашей мечте и о нас бездомных и бесправных немцах. Устал наш народ жить без Родины, быть людьми второго, а то и третьего сорта.

В своём Казахстане в советское время лидирующей нацией были не казахи, а русские, затем казахи, а потом остальные. А уж мы, выселенные из родных мест, шли в графе прочие. Нас, вроде, и на свете нет, и нет проблем. Нас не слышали, с нами не считались. Немцев раскидали по деревням, и занимались они тем, что убирали навоз и кормили страну. В возвращении на родину и в восстановлении Республики немцев на Волге власти отказали. Реабилитации не произошло. Моральный и физический ущерб не возместили. Конфискованное имущество не возвращено и не компенсировано. Дискриминация после стакана самогона жива повсюду. Нашу молодёжь не брали в армию. Советские немцы не могли получить образование, в вузы приём был ограничен, а в некоторые – запрещен. Всюду для нас были шлагбаумы и запретные зоны. Мы боролись, а нас сажали.

Но время менялось, смелых и недовольных становилось всё больше. Запад боролся за права человека. Пришло время, вопрос коснулся всех и стал ребром: или немецкая республика здесь, или мы там – в федеративной республике! Вечно это продолжаться не могло. Встретились главы государств, и хлынула на запад переселенческая волна. Нет, нас никто насильно не гнал, но обстоятельства сложились так, что этот путь был нам запрограммирован. Когда начался массовый выезд в Германию, я удивлялся. Эти люди, которые вчера дрожали от страха и боялись подписывать воззвание об автономии, теперь издали шли ко мне косяками, и просили, запишите нас в Германию. Я смотрел и думал про себя, наконец-то все поняли, что здесь, у нас будущего нет. Мы были «свои-чужие».

В Германию наши люди приехали, отдышались и опять ничего не хотят знать. Они молчат. Немые немцы остались немцами. О правах человека забыли политики, замолчали радиостанции, и никто о них больше не вспоминает. О человеческих правах в родном отечестве забыли напрочь. Оказалось, это не та страна, из которой вышли наши деды, которой так гордились наши отцы. Некоторые переселенцы, чтобы спасти мораль детей, уехали обратно или подались в Канаду и даже в Парагвай. Другие думали привыкнуть.

На государственном флаге Германии цвета означают лозунг парижской революции: свобода равенство и братство. Но у свободы оказался чёрный цвет. Все говорят об интеграции, чтоб мы были равными, но нас, как гедезовцев, сразу поставили в неравные условия. Всех разделили по параграфам и также, как в России, принудительно направили в разные стороны, без права выбора места жительства и своеговольного выезда оттуда, свобода как под комендатурой. Лозунг «Объединение семей» на самом деле превратился в дело разъединения семей. Раньше все жили на одной улице и виделись каждый день, теперь живут в одной стране, в разных углах, видятся только на свадьбах и похоронах, и то не каждый год. А многие члены семей вообще остались за границей в местах вечной ссылки.

Германии нужны дети, желательно свои. Переселенцы привезли кучу детей и много молодёжи, а права старого человека урезали почти наполовину и пенсию определили только 60% от местных, хотя у всех наших рабочий стаж зашкаливает и в пенсионную кассу отчисления идут именно от нашей молодёжи, которой хватило бы нашим старикам с лихвой. Но нашим дают мизер, остальное идёт местным. Молчат наши старики, сами почти нищенствуют, но делятся своей крохотной подачкой с теми детьми, которых лишили вообще права человека на право жить вместе с родителями и не пустили в Германию вообще. Не всем даётся немецкий язык, который в стране Советов был презрён, запрещен, которого стыдились. Теперь он не даётся, и покоряется не всем. В семье разноязычье. Старики говорят по-русски с большим акцентом, их дети говорят по-немецки с русским акцентом, внуки говорят только по-немецки и не понимают русский. Бабушки, а то и мамы, потеряли общий язык с детьми. Дети стыдятся родителей. Немецкий амтский язык вообще никто не понимает, даже местные.

У многих переселенцев унылый пессимизм, ностальгическое настроение. Многие имели там всё – дом, машину, работу, почёт, уважение, здесь – не имеют ничего, сидят на социале и не имеют права даже на средство передвижения. Без языка они в положении дебилов и нахлебников, не живут, а тлеют. Читают русские газеты, смотрят кошмарики по русскому телевидению и надеются, что завтра само собой будет лучше. В итоге стареют и тупеют без общения, без профессионального совершенства, без настоящего дела. Они как бы никому не нужны. Лишние люди. Вот некоторые и наглеют. На улице в автобусах по-русски вызывающе громко разговаривают все национальности приехавшие из бывшего союза. Немцы осуждающе оглядываются, и их недовольство всегда идёт на счёт немцев-переселенцев. Для них все переселенцы – русские, все русские в Германии – немцы-переселенцы. Эта отторженность

вызывает ностальгию – болезнь неизлечимую, они – телом тут, а душой там, в прошлом. Ностальгия – болезнь всех эмигрантов, но назад в современную Россию никто не хочет, там ещё хуже.

Ещё сложнее приходится людям молодого и среднего возраста. Молодые люди не могут планировать свою жизнь, своё будущее, нет уверенности в завтрашнем дне. Нет работы, нет денег, без денег они не могут создать семью, завести детей. Материальные ценности здесь значат всё, духовные – ничего. Люди опускаются, живут одним днём, а это не правильно.

И уж совсем нелёгкой оказалась реэмиграция интеллигенции, людей творческого труда. Для многих рухнул мир. Создалось впечатление, что все обречены на самое примитивное существование.

Многих лишили права на труд, права на профессию. Дипломы нашей интеллигенции не признаются. Умные образованные люди работают на грязных малооплачиваемых работах и молчат. Наши учителя – цвет и культура нации – в массовом порядке превратились в уборщиц, опытные руководители молча дежурят в туалетах на автобане.

Есть от чего впасть в уныние. Мы мечтали жить как немцы среди немцев, как равные среди равных, но оказалось это очередная утопия. Мы опять оказались «свои-чужие». Хотя встретили нас хорошо!

В начале крепко помогли, и доброту эту мы никогда не забудем. На первых порах каждый почувствовал сильную и заботливую руку государства. Мы за это очень благодарны Колло. Средний уровень благосостояния у западных немцев ещё недавно был на уровне советских министров. Здесь за год переселенцы занимали больше, чем там за всю жизнь. В Германии много хорошего, но к хорошему быстро привыкаешь и не замечаешь, а плохое мешает жить каждый день. Зачастую чувствуется не совсем доброжелательное отношение местных политиков, СМИ и местных немцев. Устал наш народ жить без прав, быть как в России людьми третьего сорта – сначала западные, потом восточные немцы и мы третьего сорта, бывшие советские, а некоторые ставят нас даже за африканцами, и это открытая политика сытых Лафонтепов, но, как говорится, кто добро не творит, к тому беда с бедой спешит. Местных немцев уже перековали в европейцев. Это совершенно другие люди. Они просто инопланетяне. Многие не видят и не понимают проблемы исчезновения своей национальности. Старики умерли, а новое поколение ни к чему не стремится, никто не смыслит в национальной политике вплоть до верхних эшелонов власти. Кому после войны было 16, сейчас им 80, в правительстве все моложе. Местным тоже не сладко, население нищает, в богатой стране многие живут за чертой бедности.

Государство живёт в долг, который каждую секунду, только по процентам увеличивается на огромную сумму, без него наверно был бы голод, но кто и когда этот долг сможет отдать, никто не думает. Местным ещё хорошо живётся – они молчат, они говорят, будет плохо, беда объединит. Если бы люди были голодными, с ними было бы легче говорить. Беда не объединит, беда погубит! Турецкая Германия растёт с каждым днём.

Местные немцы в основном идеалисты и политические мечтатели. Но тут всё делится на две доли – одни говорят о политике, другие делают политику. Говорить о политике может каждый дурак и даже слабоумный, а делать политику полезную своему народу и своему государству на пользу своим детям и внукам – это надо уметь, и для этого надо быть мудрым. Мудрость – сестра опыта. За одного битого двух небитых дают. Мудрых и битых людей сегодня наверху нет. Поэтому сегодня Германией уже никто не гордится, сегодня за Германию очень стыдно – тем, у кого ещё стыд есть. А те, у кого стыда нет, руководят нами, и по телевидению на весь мир заявляют о своей греховной аморальности и заявляют, что это есть – хорошо! Им не стыдно, что над когда-то сильной и культурной Германией смеются сейчас все африканские и мусульманские страны, гомосексуализм там презируют, также смотрят на страну, которой руководят позорящие её кадры. Большинство лидеров продались за кусок колбасы, ведут антинародную политику не в пользу бедных, да ещё пропагандируют свой образ жизни. На голубой экран телевизора плюют в каждом доме. Мне за них стыдно, очень стыдно и чувство это во мне есть, а они его потеряли. В этом наша разница. Лучше красный, чем голубой – это лозунг современной России. Что красные наделали, всем известно, но если они лучше, то стоит глубоко задуматься. Это наша страна, и мы хотим ею гордиться и дышать свободно. Что останется внукам зависит от нас. Прогнозы обещают, что численность населения страны с каждым поколением сокращается на треть. В будущем будут пустые автобаны, пустые школы, пустые дома и даже города, на каждого молодого человека придётся куча стариков. Так что ответственность перед будущим у нас сегодня общая.

Единственное, что могло бы спасти отечество, – это крутой рассол немцев из России. Верующие говорят, что мы привезли в остывающую страну сильную веру в Бога, наши церкви самые горячие и морально устойчивые. Мы можем и должны бороться за христианскую мораль и чистоту нравов, было бы отрадно, если бы и местные служители тоже подали свой голос. Мы ещё сохранили чувство выстраданной гордости за свою семью, за своих детей, за свою национальность, за своё отчество. Были случаи, когда верующие родители не пускали детей в школу на аморальные занятия. Дело доходило до суда.

Управленцы-марионетки это поняли и увидели угрозу, что если дальше запускать немцев из России с крутым рассолом в Германию, то может не произойти опреснение общества, может не

состоится процесс мульти-культу. Процесс дистиллированной воды, из которой испаряют все полезные вещества и соли, только на первый взгляд делает её лучше, чище и прозрачнее. Но дистиллированная вода становится безвкусной и бесполезной для поддержания жизни. Это мёртвая вода, даже рыбы в ней жить не могут.

Это поняли и испугались наверху, сразу опустили шлагбаум, ввели шпрахтест. Если раньше антракт при большом наплыве рассматривали за несколько месяцев, теперь эта процедура искусственно тянется 5-6 лет. Оставшимся в России немцам пообещали поддержать борьбу за автономию и поддержку немецких районов на местах. Выделили средства, кинули кость, и отвлекли от основной проблемы. А проблем в Германии выше крыши, и их надо решать сегодня, решать срочно, засучив рукава, – завтра будет поздно. Страна потеряла свой экономический и моральный авторитет. Именно поэтому в Германию приехать уже не стремятся.

Наша беда в том, что мы не нахальные, мы – скромные и немые, и не можем о себе громко заявить и укрепиться, отстаивать свои права, права человека. Наши общественные организации борются не за нас, а между собой. У российских немцев сегодня национальной жизни и национальной политики практически нет, но мы ищем правду. Быть правым не тяжело, если человек прав, и это видно сразу – за правду люди шли на смерть, и тут без жертв не обходилось, а жертвовать собой сегодня никто не хочет, все хотят колбасу и спокойствие.

Мы, как любой народ, имеем недостатки, но мы не хуже всех. Есть, конечно, и такие, которые подрывают своим поведением наш авторитет, но это единицы.

Я правдолюб! Я мечтатель! Я диссидент, политический солдат одиночка. Я удивлён! Неужели среди наших трёх миллионов немцев из России нет грамотных, честных, хорошо говорящих по-немецки людей, которых можно и нужно выбрать в парламент, которые готовы представлять и отстаивать интересы нашего затравленного народа.

Неужели у нас нет ни одного достойного лидера, нет единого лидера. Почему до сих пор не поставлены цели, не обнародованы программы, не представлены организации. Народ ещё забитый, гнилой, неорганизованный, разрозненный, разобщённый, расслоённый, единоличный, нет коллективизации. Первые переселенцы не хотят даже знать последних. Они хорошо устроились и считают себя уже местными, последние не знают ни языка, ни местных правил – у них жизненные трагедии вплоть до самоубийств. Многие тухнут, болеют, нервы рвутся как струны, семьи рассыпаются как горох, дети опускаются и, не имея цели, садятся на иглу. Слава Богу, пока все сыты. Голодным в Германии никто спать не ложиться. Спасибо ей за это, но проблем много и вопрос, как видно, не в деньгах.

Я очень люблю Германию и очень хочу, чтоб немецкий народ имел светлое будущее и уверенность в завтрашнем дне. Мы ещё помним, как жили наши предки, мы можем научить! Если будут продолжаться нынешняя политика, мы все исчезнем как народ. Многие от меня шарахаются, оттого, что я вслух говорю то, о чём каждый думает про себя, но я имею право на своё мнение, на свои взгляды на жизнь. Государство – друг человека, так должно быть. Оно должно делать жизнь проще и лучше, а не хуже, безрадостнее, бесперспективнее, то, что происходит сегодня, видно невооруженным глазом. Если благосостояние народа падает, значит – руководство не справилось со своим делом, зря ело хлеб, и его надо привлечь к ответственности и судить. Служить надо не себе, не мамоне, а Богу и народу. Мамона ни к чему хорошему не приведёт. Во многих странах нынче похожая картина. Весь мир ползёт к катастрофе, тёмные силы упорно тащат его в пропасть, ибо сценарий этот давно уже написан в Библии и его автор всем верующим хорошо известен. Противостоять этому может только вера, надежда, любовь, чистота и истина! Да прославится в этом БОГ!

– Ну, извините, заговорил я вас. Я вам позвонил, потому, что прочитал в журнале заметку о том, что вам поручили вести рубрику для представителей старшего поколения «ВОСПОМИНАНИЯ». Вот я и вспомнил, как на Волге жили наши предки, как жили мы, поразмышлял, будут ли у нас потомки? Если сможете, напишите об этом, – сказал бодрый ещё голос в телефонной трубке. – Мне уже за 80, я устал бороться, но с высоты своих лет, со своим опытом, вижу всё далеко вперёд, почти как Ленин. Ну что, напишете?

– Ага! – кивнул я головой, и в телефонной трубке раздались короткие гудки.

Райнгольд Шульц, Гиссен.

КАМИКАДЗЕ

По-японски Кама означает – Бог! Кадзе – ветер. Камикадзе это «Божественный ветер».

Это слово использовалось для обозначения японских пилотов-смертников. Но это не правда, что движение камикадзе родилось в Японии. Движение самопожертвования ради победы не является японской, над этой идеей намного раньше уже работали конструкторы Германии, Италии, Англии. Именно немцы разработали проект человека-торпеды, но массового героизма и известности в этом деле, конечно, достигли японцы, хотя у немцев тоже были эскадрильи *смертников* (Rammjager) и пилоты зельбстопфер.

Камикадзе – это люди, которые ради блага общего дела, готовы были погибать за идею. За родину, за свой народ!

Это как же надо любить других, чтобы добровольно пойти на смерть и отдать за них свою драгоценную, одну-единственную жизнь. За будущее благополучие своих людей пойти на верную смерть. Первым камикадзе, по-моему, был Иисус Христос. Он пошёл на смерть, чтобы уничтожить грех, чтобы жила любовь!

На миру и смерть красна – хорошо, когда она мгновенна. В неизвестности медленная смерть намного страшнее, это ежеминутные, ежесекундные, вечные физические и духовные страдания, муки, унижение, бесперспективность и полная безнадежность за колючей проволокой в лагерях строгого режима.

– Ты решился на борьбу? Хочешь протаранить непробиваемую кремлёвскую стену? Ты камикадзе! Смертник. Тебе – век воли не видать. Подумай об этом! Хорошенько подумай! – уговаривал Георга его лучший друг. – Не езжай в Москву. Ты назад не вернёшься!

– Нет, друг мой! Так жить нельзя! Я должен это сделать! Понимаешь? ДОЛЖЕН!

Кто-то же должен пробить этот вопрос, разрушить стену нерешительности и страха. Должна же быть на свете справедливость! Борьба за права человека – святое дело. Мы, советские немцы, лишились всего. У нас нет никаких прав, нет дома, нет родины. Нас обзывают и презирают, а вины-то на нас нет! Мы страдаем за чужие грехи. За отечество, которого никогда не видели. Нам нужна своя родина. Надо попробовать восстановить Республику немцев Поволжья. Участвовать в этом проломе историческая миссия!

– Друг ты мой дорогой! В СССР живёт много разных немцев: московские, петербургские, прибалтийские, молдавские, житомирские, одесские, николаевские, запорожские, поволжские, калмыцкие, кавказские, казахстанские, сибирские, алтайские, – как с ними будет? Почему они молчат? Почему только поволжские должны бороться за права немцев?

Так спорили два закадычных друга.

Один из них был Георг Михель – симпатичный молодой человек, который родился на Волге 12 октября 1934 года. Его предки в 1767 году приехали из села Лойне, что под Ветцларом в земле Гессен, и поселились на правом берегу Волги в селе Kratze, а в 1857 году переселились они на левую сторону реки в село Neu Kratze, нынче – Чкалово.

В сорок первом, малолетним пацаном, он был выслан вместе с родителями из Республики Поволжских немцев в Алтайский край, в Бурлинский район, в село Устьянка. Там Георг окончил семь классов сельской школы. Можно было бы учиться дальше в районной школе, но ходить туда было запрещено из-за комендатуры. После школы, окончив в селе трёхмесячные курсы, работал трактористом. Постоянно ремонтировал тракторный мотор, возил навоз, пахал ночи напролёт, жил в поле, старался всё сделать по-немецки, так, как учил отец.

Однажды Георга пригласили в правление колхоза. Там директор МТС сказал, что у Георга самая лучшая выработка в округе. Он назвал ещё шесть знакомых фамилий и объявил, что его, как победителя в соцсоревновании, пригласили в Москву на всесоюзную выставку достижения сельского хозяйства.

– Приготовь паспорт, парадную одежду и хорошее настроение! Поздравляю!

Паспорта у Георга не было, и он направился к военному коменданту, у которого регулярно отмечался.

– У тебя есть свидетельство о рождении? – спросил Котов.

– Вы же сами его у меня забрали! – удивился его вопросу Георгий.

– Раз забрал, значит, так надо было! – отрезал комендант. – Раз у тебя нет свидетельства о рождении, значит, и паспорта тебе не будет!

– Как же так? – развёл руками работающий парень. – Мне же ехать надо! В Москву! Сам директор об этом сказал!

– Решения Советской власти выше желания директора! Я же тебе сказал! Раз у тебя свидетельства о рождении нет, – паспорта не будет!

В этот же вечер Георг срочно написал письмо на Волгу, в село, где он родился, с просьбой срочно выслать дубликат свидетельства о рождении. Из Чкаловского Загса ответа не было. Он написал ещё раз – тишина.

Так у него ничего и не получилось. Русские ребята уехали без него. Тогда настойчивый Георг написал на Волгу районному прокурору, и вскоре пришло письмо с драгоценным документом.

В селе люди болтали, что в Москву приезжал западногерманский канцлер Конрад Аденауэр и забрал с собой всех немецких военнопленных, хотел забрать и советских немцев, но ему отказали, тогда канцлер настоял, чтобы им отменили комендатуру, что и было сделано.

Как только отменили комендатуру, Георг сразу поехал в Славгород, сдал вступительные экзамены в агротехнический техникум, сдал на хорошо, но он не знал, что для немцев повсюду существовали ещё негласные ограничения, и его не приняли. Не понимая происходящего, он вернулся домой, его тут же забрали в армию – в стройбат, и увезли во Владивосток. На перевалочном пункте Георг пошёл к командиру и попросил перевести его в действующую армию. Он сказал, что может ремонтировать и обслуживать дизельный двигатель, а стройбат он уже прошёл в родном колхозе. Командир удовлетворил его просьбу и направил на тихоокеанский флот в артиллерию береговой охраны.

Однажды, когда он сдавал прочитанные книги, его отозвала в сторону библиотекарша и сообщила, что библиотека получила интересную книгу, в которой напечатана его фамилия. Георг посмотрел, там был список участников сельскохозяйственной выставки, и ещё было написано, что все они в Москве получили медали.

Георг понял, что он пролетел, как фанера над сараем. Работал лучше всех, а в Москву не поехал и медали не получил.

На праздник 7 ноября в воинской части, в гарнизонном клубе, было большое торжественное собрание. Георгу только что исполнилось 22 года. И тут после доклада командир с трибуны неожиданно сказал:

– Матрос Михель, поднимитесь на сцену!

Командир при всех пожал ему руку и повесил на грудь сразу две медали: одну бронзовую – «За успехи в сельском хозяйстве», и вторую – серебряную, «За поднятие целинных и залежных земель».

Друзья-товарищи Георга, молодые матросы, кидали его воздух и радовались от души. Награда нашла героя! Оказалось, что директор МТС, на которой работал Георг, переслал награды Москвы прямо в воинскую часть. Весной, на Первое Мая, матросу Михелю на грудь повесили третью медаль, которую прислал всё тот же директор МТС. Командир части относился к немцу хорошо, но особысты смотрели косо и званиями не разбрасывались.

Через три года, вернувшись со службы, Георг поступил в Барнаульский индустриальный техникум механизации сельского хозяйства с педагогическим уклоном. Окончил его в 1962 году и был принят в Устьянке в среднюю школу завучем по производственному обучению и по совместительству преподавателем физики.

Однажды на его уроке в классе возник шум, и один ученик сильно ударил книгой по голове впереди сидящего одноклассника. Георгий Адамович поднял обоих, сделал строгое замечание и велел на перемене обоим подойти к нему.

Оказалось, мальчишка – полунемец, ударил русского за то, что тот постоянно обзывал его фашистом.

Георгий Адамович серьёзно поговорил с ними, разъяснил проблему и помирил обоих, а в учительской поделился неожиданной новостью с учителями.

– А что тут особенного? – не удивились пожилые женщины-учителя. – Дети есть дети!

– Нет! – возмутился Георгий Адамович. – Фашист! Это обижает человека! Тем более, молодого человека! Это прямая дискриминация! Это вопиющее оскорбление! Это травма души и шрам в сердце на всю жизнь. Как вы не понимаете?

Георг пошёл к директору школы и рассказал все, что было на сердце. Решили собрать педсовет.

На педсовете Георгий Адамович выступал яростно и красноречиво. Он сказал, что это недопустимо, чтобы в СССР немецких детей обзывали фашистами. Молодые учителя его горячо поддержали, а старые учителя-мужчины ушли в оппозицию. Они говорили, что сами были на фронте и давили немцев собственными руками. То, что немцы натворили, никогда не забудется, и не раз ещё аукнется! Ярость русских оправдана! В каждой семье есть жертвы войны.

– Жертвы войны, а не жертвы российских немцев, – поправил Георгий Адамович. – Российские немцы сами жертвы этой войны, причём самые многочисленные и самые многострадальные.

В первые же выходные Георг поехал в село поговорить со своими немцами, со своим народом. Он рассказал все, что томило душу.

– Ты, конечно, всё правильно говоришь. Но кто хочет сейчас бороться. Хорошо, что есть хлеб на столе и хоть какая-то работа. Чего тебе ещё нужно?

Летом, когда начались каникулы, Георг поехал в столицу Киргизии, в город Фрунзе. Нашёл там работу и в оставшееся время решил съездить на Волгу, в село, где он родился. Какая-то невидимая нить тянула его в эти места. Он мало чего узнал в своём селе, потому что мало что помнил, но родные края казались ему бальзамом. Он подыскал там работу в качестве механика. У него был диплом техникума, и

он решил остаться, но когда стал заполнять анкеты в паспортном столе, пришлось указать национальность и место рождения. Когда это прочитали, отношение властей к нему резко изменилось.

– Согласно указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года о переселении немцев, проживающих в районах Поволжья, вы не имеете права здесь находиться. В течение двадцати четырех часов чтоб духу вашего здесь не было, – заявил начальник. – Иначе будем применять силу, и тогда поедете уже под конвоем.

Оскорблённый Георг сел на поезд и поехал, но не домой, а в Москву воевать за справедливость. Он уже приезжал туда в 1959 году как турист и немного ориентировался в столице.

Теперь, в 1963 году, как раз было время, когда в газетах писали, что в Союзе был плохой урожай и Хрущев хотел установить хорошие отношения с Западной Германией, потому что там в те годы процветало изобилие. Зять Хрущева, Алексей Аджубей, главный редактор «Известий», только что вернулся из ФРГ, где он пытался наладить дружеские связи. Он был везунчик. «Не имей сто рублей, а женись как Аджубей», – была в народе поговорка.

В Москве Георг узнал, где находится ЦК КПСС, и с ходу поехал на площадь Ногина. Три секретаря ЦК вежливо говорили с ним, вокруг да около, но выше к руководству не пустили. Неудовлетворённый ответами Георг поехал в Верховный совет, высший орган государственной власти СССР. Там, в совете национальностей, Георг говорил о том, что настала пора создать равноправные условия советским немцам. Пора разрешить им учиться не только в техникумах сельхозмеханизации, но и в юридических и военных училищах. Он поднимал наболевшие вопросы, говорил со многими чиновниками, юристами, в конце концов, попал к заведующему Приемной Президиума Верховного Совета РСФСР, к товарищу Склярову М. П.

– Почему вы стучитесь во все двери? – спросил хозяин.

– Потому что я неравноправный! – ответил Георгий.

– Как не равноправный? Вы работаете завучем в школе! Это не каждому русскому даётся!

– Я работал и учился, но учился не там, где хотел, туда не пустили только потому, что я немец.

– Немцы сделали войну. Они преступники.

Георг вспыхнул и не удержался, о чём потом сильно жалел, но тогда он сказал:

– Русские тоже не лучше!

– Что? – опешил Скляров.

– Россия – есть владелец громадного количества украденной собственности угнетённых наций, которую ей придётся отдать назад в день расчёта, – потеряв голову, выпалил Георг.

Скляров покраснел, потом побледнел, ударил кулаком по столу и говорит:

– Я вас посажу! Вы навсегда останетесь за колючей проволокой!

– Извините! Я никогда не говорю то, что не могу подтвердить! – возразил Георг и протянул ему книгу Ленина «О национальном и о колониальном вопросе» (Политиздат. Москва. 1956 г.).

– Посмотрите на странице 333. Это Ленин написал и это слова Энгельса.

– Скляров прочитал и очень удивился.

– О!!! А я и не знал, – сказал он, в недоумении возвращая книгу. – И тем не менее, идите пока и держите язык за зубами.

Недовольный Георг пошёл в редакцию немецкой газеты «Нойес Лебен» и рассказал всё главному редактору Пшеницыну. Это потом он узнал, что немецкой газетой управлял добрый шестидесятирёхлетний еврей.

Пшеницын выслушал всё и спросил:

– Ну что тебе не хватает? Вот есть такой житомирский немец, пианист Святослав Рихтер. Смотри, сколько русских девушек вертится вокруг него. Он прославился, несмотря на национальность. Вы ещё молоды. Что вы ищете? Какая республика Вам нужна? У вас уже есть две! Зачем вам третья? Наслаждайся жизнью. Зачем тебе это всё нужно?

Ничего не добившись, огорчённый Георг вернулся в свою Устьянку, а там его уже ждало приглашение в район, в Комитет Государственной Безопасности. Георг, не распаковывая чемодан и никому не говоря ни слова, той же ночью тихо укатил в Киргизию.

Полгода проработал Георг во фрунзенской школе, а потом ему подвернулась должность старшего инженера с большим окладом в Киргиз Глав Нефте Снаб Сбыте. Работая там, он познакомился со многими интересными людьми и с немцами – с Отто Ивановичем Гертелем, Терезой Хромовой, урождённой Шильке, с Марией Штайнбах, с супругами Эмихами.

После его откровенных разговоров все они настроились на решительную борьбу за права немцев и стали активно готовиться к новой поездке в Москву. Вечером, после работы они шли к людям, которых

хорошо знали, объясняли положение дел и собирали подписи для своих воззваний. С выводами дискуссий соглашались все, подписывали из 10 человек один и объясняли так: «Если я подпишу, начнётся травля, меня выгонят с работы, нам нечего будет есть, а моя девчонка ходит в школу. Ей запретят туда ходить. Вырастет неграмотная, не получит образования, не получит хорошую специальность, и будет как я, всю жизнь горбатиться на дядю. Разве я враг своим детям?»

Люди боялись, многие помнили ещё трудармию, лагеря за колючей проволокой, голод, холод, унижения.

В 1964 году исполнилось 200 лет как немцы приехали в Поволжье, и они – инициативная группа – написали Хрущёву открытое письмо, а осенью генсека сняли.

В то далёкое время в СССР ещё не было никакого национального движения и не было организаций объединяющих советских немцев. Немецкие активисты во Фрунзе чувствовали за собой негласный надзор, но надо было как-то обмениваться мнением, и они записались в городской хор, регулярно ходили на репетиции и втихаря обсуждали создавшееся положение.

Им было очень обидно, что вымирает национальная культура немецкого народа. В Советском Союзе проживало около 2 миллионов граждан немецкой национальности. Они были рассеяны по всему Союзу среди других народов и ничего не знали о своём. Они не могли общаться между собой, язык уже был на стадии вымирания, на нём было запрещено общаться. Статистических данных о советских немцах нигде не было, они всегда подразумевались в графе прочие. Было очень обидно, что мордвины, башкиры имеют свою культуру, театры, своих писателей. А у них этого нет. В Бога нельзя верить, нельзя сохранять народные и религиозные традиции. За 23 года была выпущена всего одна книга с произведениями советско-немецких писателей. Если вопросы решены не будут, то погибнет одна из высоких культур.

В Киргизии среди тысячи человек, которые имели высшее образование, 90 человек были киргизами, 114 русскими, 48 узбеками, уйгуров 40, евреев 500 человек, немцев –37. Немцы работают лучше всех, а награждений и продвижений по службе у них не было. На хорошую должность их не допускали.

Бывая в других местах, в гостях у родственников, активисты делились добытой информацией, установили связь с другими. Посоветовавшись, решили все вместе ехать в Москву восстанавливать справедливость.

3 января 1965 г. в Москву в составе первой делегации российских немцев из разных мест приехало 11 человек. Все они были из немцев Поволжья.

1. *Варкентин Иоганн из Алма-Аты, школьный учитель.*
2. *Вормсбехер Гуго Густавович из Алма-Аты, школьный учитель.*
3. *Ольферт Яков из Алма-Аты, школьный учитель.*
4. *Гертель Отто Иванович из Фрунзе, школьный учитель, член партии.*
5. *Бруг Иван Карлович из Фрунзе, пенсионер и беспартийный.*
6. *Михель Георг Адамович из Фрунзе, старший инженер, беспартийный.*
7. *Кёльн Рейнгард из Краснодарского края, бывший партработник в АССР НП, член партии с 1924 года, прошедший 20 лет в лагерях, писатель;*
8. *Гольман Доминик, пенсионер из Красноярска, бывший педагог, член партии, известный впоследствии писатель.*
9. *Кайзер Генрих из Красноярского края, пенсионер, бывший экономист;*
10. *Борнеман Константин из Волгоградской области, самый старший по возрасту персональный пенсионер, член партии с 1918 года, участник гражданской войны;*
11. *Дельва Николай из Свердловской области, рабочий, член партии.*

(Позже присоединились ещё двое, всего стало 13 апостолов. 4 уехало, в Кремле было 9 человек)

Решили-постановили, что между новым и старым новым годом в России по традиции всё пьют водку, и милиция тоже, поэтому, возможно, бдительность будет не такая сильная, да и у начальства настроение праздничное, а самое главное – были зимние каникулы школьников, ведь в группе были учителя. В Москве устроились, кто где как сумел.

Первая общая встреча группы состоялась утром 4 января в редакции газеты «Нойес лебен», издававшейся в Москве для советских немцев.* В редакции они впервые ознакомились с новым Указом Президиума ВС СССР от 29 августа 1964 года, опубликованным на немецком языке в Берлинской газете «Нойес Дойчланд» и который частично отменял действие знаменитого указа от 28 августа 1941 года о выселении немцев Поволжья.

Прочитав указ, они заслушали и обсудили проект заявления в президиум ЦК КПСС. Внесли поправки и на печатной машинке отпечатали документ на имя Леонида Ильича Брежнева, в котором в частности говорилось:

Ознакомившись с Указом, мы считаем, что выразим общее мнение не только советско-немецкого населения, но и всех братских народов нашей страны, заявляя честно, и открыто перед ЦК КПСС следующее:

Единственно возможным, единственно справедливым и действительно соответствующим ленинской национальной политике решением проблемы советских немцев мы считаем обязательное восстановление немецкой автономной республики и возрождение социалистической советско-немецкой нации.

Только восстановление немецкой автономной республики может разом решить все наболевшие и неотложные вопросы о культуре, школах, театрах, борьбе с религией, сектантством и т.д.

Только восстановление немецкой автономной республики может остановить духовную, нравственную деградацию не имеющего культурной и языковой связи советско-немецкого населения.

Только восстановление немецкой автономной республики может отвечать программному положению КПСС «полностью использовать и совершенствовать формы национальной государственности народов СССР».

(Программа КПСС, Москва. "Правда," 1961, стр.114).

Четыре человека во главе с К. Борнеманом, которого избрали руководителем Инициативной группы, поехали сдавать заявление в приёмную ЦК КПСС. После долгого ожидания их направили к заведующему приёмной товарищу Строганову. Приём длился всего несколько минут, но хозяин кабинета за это время успел сказать много:

– Вы Указ читали? Что же вам ещё нужно? Там всё сказано: никакой республики вам не будет... ЦК не может каждый день собираться, чтобы обсуждать вопрос о немцах... Вы пришли не к директору рынка... Меня партия посадила сюда не для обсуждения указов... А что, вы недовольны Указом? Что, вам Советская власть не нравится?

На другой день старший группы Гертел сумел связаться с помощником Брежнева Цукановым, доложил ему ситуацию и попросил принять делегацию для переговоров с Брежневым, Косыгиным или Микояном.

Цуканов страшно возмутился, угрожал, потом остыл и сказал:

– Подавайте всё письменно. Оставьте все ваши желания, требования, недовольства в письменном виде и поезжайте домой.

Позже они узнали, что первый доверенный помощник Брежнева был Георгий Цуканов, сын директора завода, под начальством которого когда-то работал Брежнев.

На другой день Цуканов сам позвонил Отто Ивановичу и спросил:

– Вы ещё все здесь? У вас могут быть большие неприятности! Я вам даю срок. Если вы сами не уедете, милиция вас посадит на поезд и проводит домой, а там с вами разберутся.

Отто Иванович встревожился и стал со всеми советоваться. Тогда Георг говорит:

– Отто Иванович! Мы сюда не приехали, чтобы в письменном виде подать челобитную, это я мог бы и дома сделать. Я почти весь год собирал деньги, чтоб приехать, и теперь уже здесь торчу почти две недели! Надо добиваться встречи!

Руководитель Борнеман плохо говорил по-русски и сказал по-немецки.

– Михель! С завтрашнего дня вы будете говорить с представителями власти. Вы в совершенстве знаете русский язык, вы правильно и убедительно рассуждаете. У вас хорошая хоризма!

На другой день Михель сам позвонил Цуканову. Тот страшно удивился.

– Как? Вы ещё не уехали?

– Да! И мы не поедим домой, пока нас не примут, – уверено и твёрдо заявил Георг.

– Ну, тогда придётся вас проводить домой, – Цуканов положил трубку.

Насилие питается покорностью, как огонь соломой.

Будучи на вершине, кажется, что ты находишься над бездной. Все очень боялись, рисковали и переживали невероятно. Гертель из Киргизии, Вормсбехер, Варкентин и Ольферт – все четыре молодых человека, вся группа из Алма-Аты решили подчиниться требованиям Цуканова, и они поехали домой, тем более, что зимние каникулы заканчивались, и учителям надо было выходить на работу.

Никто не осудил их за это, напротив, все понимали ситуацию и были благодарны им за поддержку инициативы, за то, что они рискнули поехать в Москву, это уже о многом говорит. Не

каждый хочет рисковать до конца, не война ведь. Позже в разное время их называли трусами и предателями, но те, кто так осуждал, не были в той ситуации, не нюхали того пороха, да и вообще, что бы изменилось от их присутствия?

В Москве остались шесть стариков, которым было уже за 65 лет. Они убеждали Георга Михеля тоже поехать домой:

– Зачем портить жизнь? Ты ещё молодой! Тебе только 31 год!

– Нет! Я останусь! – категорически отказался Георг и стал цитировать стихи немецкого поэта времён Наполеона – Иоганна Готлиба Фихте.

– Du sollst am Deutschland Zukunft glauben

Старики поправили, если такое будешь говорить, лучше скажи так:

– Du sollst am Russland Deutsche glauben. А то припишут ещё измену родине.

К этому времени в группе уже появились серьёзные разногласия. Семь человек выступали за жёсткие требования возродить республику немцев только на Волге, и ни в коем случае ни каком-то другом новом месте.

Четыре человека предлагали, если откажут на Волге, надо подготовить другие варианты, например, места скопления советских немцев, а именно в Киргизии, в городе Талас, или в Казахстане, в Караганде. К общему мнению так и не пришли, каждый настаивал на своём варианте. Одни хотели республику немцев только на Волге, другие просто немецкую республику или республику советских немцев. Надо же обо всех думать, а не только о своих поволжских немцах, которых было чуть больше 20%.

В ожидании разрешения, на встречу с членом правительства решили для солидности набрать побольше немцев, находившихся в Москве, в том числе работающих в немецкой газете. Они беседовали со многими, но те отвечали испуганно:

– Что Вы? Что Вы? У меня трое детей. А вы оттуда никогда не вернётесь? Кому от этого польза? Я не камикадзе.

В конце концов, присоединились сотрудница редакции «Нойес лебен» Мария Фогель, работавшая до войны в газете в АССР НП, мать всемирно известного потом композитора Альфреда Шнитке, и студент-заочник из Красноярского края, оказавшийся в Москве, Вальдемар Шнайдер.

Георг поговорил и со старым знакомым, с главным редактором немецкой газеты Пшеницыным и пригласил его в состав делегации. Тот категорически отказался:

– Нет, нет и нет! Мне там делать нечего!

Вечером Михель, Бруг и Кайзер поужинали в какой-то столовой и, когда вышли на улицу, заметили, что за ними по следу идут двое незнакомых мужчин. Немцы остановились, стало очень страшно. Мужчины подошли и стали говорить на ломаном русском языке. Оказалось, это были корреспонденты из Англии. Они дали свои визитные карточки и сказали, что знают, что в Москве находится делегация российских немцев. Немцы такого знакомства испугались ещё больше.

– Если нас увидят с вами, нам пришьют шпионаж со всеми вытекающими последствиями. Нам это совсем ни к чему. Мы хотим осуществить наши цели. Извините! – сказал Георг.

– Мы понимаем, мы только хотели вам сказать, что мы в курсе событий и, если вас не примут, мы все проблемы советских немцев опубликуем за границей.

В Москве, в редакции газеты «Neues Leben», группе из Фрунзе выделили для жилья маленькую комнатку. У Пшеницына был один очень любопытный сотрудник – Николай Николаевич Николаев, его и назначили курировать и обслуживать делегацию советских немцев. Он невероятно интересовался до мельчайшей подробности всеми делами немецких гостей и откровенно шпионил. Нетрудно было догадаться, что это тайный осведомитель. Зная, что через него вся информация срочно уходит наверх, Георг подсунил ему нужные сведения, как бы поделился сомнениями и планами. В общем, таким путём дали Брежневу знать, что они не свернут с пути и не откажутся от намеченных планов. Он с ними может сделать всё, что хочет, даже придавить как мух. Но многие советские немцы на местах будут ждать возвращения делегатов и ясного ответа от властей. Народная молва всё знает. Весь запад будет писать и говорить о проблемах советских немцев, о том, что в Москве находилась рабочая делегация, а правительство рабочего класса не захотело принимать этот рабочий класс немецкой национальности. Канал связи сработал.

Вечером в 21 час из Кремля в редакцию пришла телефонограмма:

«Завтра 12 января 1965 года в 9 часов 30 минут все должны быть в приемной Верховного Совета СССР.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Анастас Иванович Микоян делегацию советских немцев примет».

На другой день утром, заведующий приёмной Склярлов всех принял. Каждый доложил ему, что хочет сказать. Он всё это записал, составил подробный список участников инициативной группы, потом их повели в Кремль. На воротах стоял капитан, он переговорил с сопровождающим, проверил документы и запустил внутрь. Они поднялись на лифте на какой-то этаж и пошли по узкому коридору. Впереди у приёмной стоял солидный и важный генерал армии. Склярлов подошёл к нему и говорит:

– Извините, Ваша встреча сегодня не состоится. Неожиданно пришлось принять делегацию!

Все зашли в приёмную Микояна, сели на свободные места. Там уже сидели трое мужчин. Позже они узнали, что один из них был Шеварднадзе. Вышел Анастас Иванович, все встали, поздоровались. Микоян был невысокого роста, не очень добродушно, но очень серьёзно спросил:

– Кто будет говорить?

– Михель! – ответил Борнеман.

– Дорогой Анастас Иванович! Мы от имени всех советских немцев и от имени нашей инициативной группы прибывших в Москву хотим вас сердечно поблагодарить и сказать огромное спасибо Центральному комитету партии, президиуму Верховного совета СССР и Советскому Правительству за то, что отменили действие указа от 28 августа 1941 года: «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», но указ не опубликован в СССР и мало кто о нём знает.

Мы хотели поставить Вас в известность, что культура советских немцев гибнет, национальных школ нет, так называемая расширенная программа изучения немецкого языка – это фикция, она ведётся лишь в части школ при большом недостатке учителей и учебников.

Сегодня немцы живут слишком распыленно, у них нет даже возможности составить в школах группы немецких детей для обучения их родному языку

Мы очень хотим, чтобы у нашей молодёжи была возможность учиться без ограничений в высших учебных заведениях.

Раз отменили действие указа от 1941 года, то пора убрать и последствия от него, а именно – восстановить автономную республику немцев Поволжья.

Мы, советские немцы, так же требуем полного равноправия со всеми гражданами Советского Союза. А то мы вроде бы не существуем. Сведений о советских немцах нигде нет даже в большой советской энциклопедии. Советская печать не использует термин «советские немцы». О немцах не пишут вообще, хотя мы хорошо работаем.

Делегация передала письменное обращение о восстановлении немецкой Автономной Республики, под которым подписалось 662 человека. Потом была беседа, которая продолжалась сорок минут. В заключении Микоян сказал, что советские немцы зарекомендовали себя только с хорошей стороны, они хорошие труженики, у них наименьшее количество преступлений среди других национальностей в СССР. Но республику вернуть невозможно, нет территорий, а бывшая территория уже заселена другими людьми.

Но правительство пойдёт навстречу вашим просьбам и обсудит, что можно сделать по этим вопросам. Я поручу Верховному совету разработать мероприятия, – сказал Микоян. – А теперь извините, у меня в 12 часов заседание. Председатель Президиума Верховного Совета СССР попрощался и вышел.

Заведующий приёмной товарищ Склярлов, прощаясь, крепко пожал каждому немцу руку.

– Нас интересует ещё один вопрос: будут ли нас преследовать и наказывать дома за этот визит? – спросил Георг.

– Нет, не бойтесь! В случае плохого отношения к вам на местах пишите прямо на моё имя, я доложу Анастасу Ивановичу.

На другой день перед отъездом делегаты отправили Микояну письмо с благодарностью.

Михель с утра позвонил в ЦК КПСС тов. Цуканову и спросил, получил ли товарищ Брежнев переданные делегатами документы.

– Нет! Я в известность его ещё не поставил, – ответил Цуканов, но обещал доложить.

К генеральному секретарю ЦК КПСС Леониду Брежневу делегатов и близко не подпустили.

Перед отъездом, прощаясь, главный редактор «Нойес лебен» сообщил, что получил разрешение ЦК напечатать Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 года «О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья»»

– Ваши труды дают всходы! – сказал Пшеницын.

Когда Георг приехал домой, его сразу вызвали в местный КГБ, долго и назойливо интересовались всеми мелочами. А затем он стал замечать, что и на улицах города его не оставляют без внимания. Вызовы в комитет повторялись неоднократно, и нервы с обеих сторон были на пределе, но обе стороны вели себя галантно.

Спустя некоторое время решением Москвы в Казахстане и в других местах скопления немцев разрешили увеличить в школах количество уроков по изучению немецкого языка, разрешили создать немецкий национальный театр, дали на радио 15 минут эфирного времени для передач на немецком языке, появилась газета «Фройндшафт» и так далее.

18 марта 1965 года СССР облетела радостная весть. Советский космонавт Алексей Архипович Леонов совершил первый в истории человечества выход в открытый космос с борта космического корабля «Восход-2», а к Георгу Михелю из Сибири из далёкого Красноярска в это время приехал незнакомый гость Фридрих Шесслер и сказал, что хочет, чтобы Георг перенял руководство возникшим движением российских немцев.

– Согласен, – сказал Георг, – но я ставлю три условия.

Первое! Республика немцев должна быть восстановлена только на Волге!

– Да! я согласен, – кивнул головой гость.

– Второе. Если мы опять будем на приёме у членов правительства, мы должны будем сказать, что если республики немцев Поволжья не будет, то мы, оставшиеся без родины, будем вынуждены писать заявления на право выезда из СССР на нашу историческую родину в ГДР, в ФРГ, в Швейцарию, в Австрию и так далее. Во все страны, откуда выехали наши предки.

Сибиряк запротестовал:

– Тогда можешь сразу накинуть себе петлю на шею, и тебе не нужен будет дом на Волге. Если такое требование поставишь – это самоубийство.

– И третье! – не обращая внимания на слова гостя, продолжал Георг. – Если первые два условия не помогут, мы скажем, что мы будем писать в ООН, во все международные организации, в ГДР, в ФРГ, в Швейцарию, в Австрию и так далее. Мир должен знать, в каких условиях находятся советские немцы.

– Тогда можешь себе сразу две петли на голову одеть. Ты что, камикадзе? – спросил гость. – Мы же все живём на минном поле. В любую секунду любой из нас может тихо исчезнуть навсегда! Тут надо действовать тонко, продуманно, а не идти на таран!

– Если вы не поддержите меня и эти требования, я руководство организацией не приму, – твёрдо отрезал Георг.

– Нет! – ответил гость. – В этом случае я не могу передать тебе руководство.

– Как вы не понимаете, что без конкретных требований мы ничего не добьёмся! – горячился Георг. – Бороться надо так, чтобы потом за результаты стыдно не было.

В душе Георг верил в хорошее будущее и исходил из того, что хотя он никому не говорил об этой визитной карточке английских корреспондентов, но она как-то придавала силу и уверенность в этой борьбе, а сибиряк уехал.

Вскоре радиостанция «Свобода», «Немецкая волна», «Голос Америки» сообщили, что в Москве началась активная борьба за права человека и начались гонения активистов, в том числе началось преследование отца советской атомной бомбы академика Сахарова.

Есть поговорка: немцы не любят работать, но – умеют. За время работы в Киргизнефтеглавснабе Георг показал себя исключительно с хорошей стороны. Он наладил работу всех бензозаправочных станций, и вышестоящее начальство им было очень довольным. Иногда в главснабе проходили пикники и откровенные, душевные разговоры.

Киргизы тоже вынашивали тайное желание освобождения своей земли от не киргизов. Они признавались, что когда-нибудь мечтают изгнать русских из своей земли. Евреи тогда уедут сами, а немцы спят и видят Германию. Придёт время, и все названия населённых пунктов на их земле опять будут написаны на киргизском языке.

Георгу несколько раз предлагали высокий пост начальника Киргизнефтеснабсбыта, но при условии стать членом партии. У Георга были уже другие убеждения и другие планы, но, скрывая их, он лукавил, говорил, что ещё не достоин такого высокого звания, а сам тихо ушёл на другую работу во всесоюзный научно исследовательский институт электромеханики. Он решил, что только став научным сотрудником, немец может достичь каких-то высот в этой жизни, не вступая в партию. Но чтобы работать научным сотрудником, надо было повышать образование, и Георг поступил учиться на вечернее отделение политехнического института.

Однажды вечером Георг ехал с занятий домой и на одной из остановок в автобус вошёл знакомый киргиз, бывший коллега по старой работе. Когда-то они были хорошими знакомыми, почти друзьями. Поздоровались, разговорились. Оказалось, коллега тоже ушёл с той работы и теперь устроился юристом при главном прокуроре республики. После обмена дежурной информацией юрист разоткровенничался и сказал, что никогда бы не подумал, что фамилия Михель будет стоять первой в чёрном списке неблагонадежных лиц Киргизии. Сейчас появилось много всяких сектантов,

инакомыслящих и диссидентов, поэтому из Москвы пришло секретное указание таких людей утихомирить.

– Каким способом? – удивился Георг.

– Очень просто! – ответил киргиз. Способов много, например, ты идёшь по улице, а тебе навстречу двое и на глазах у всех один спросит: «Дай прикурить!» И не важно, дал или не дал, второй сунет тебе кулак под рёбра и даст по голове. Милиция, конечно, всех вас заберёт. Этих двух ты больше никогда не увидишь. А тебе сделают там укол и выдадут справку, что в результате травмы головы, полученной в уличной драке, пострадавший стал ненормальным, и будешь ты всю жизнь на курей гавкать.

Или устроят несчастный случай. Или вообще проще простого. В СССР такая система презумпции невиновности, что любого человека в любое время можно обвинить в любом противозаконном действии, устроить общественно-показательный суд, капитально замарать, вывалить в ложной информации, и отправить в лагеря строгого режима на очень длительный срок. А там ты получишь добавку, оттуда ты уже никогда не вылезешь. Не верь, что у потерявшего зубы, язык становится свободнее. Без зубов люди говорить не могут, они лишь жалко шипят и шепелявят.

После этого разговора Георг сильно задумался. Его охватил страх за свою семью, за своё будущее, и он начал искать варианты выхода из создавшегося положения. Когда жареный петух начинает клевать в темечко, поневоле начнёшь хвататься за соломинку.

Шесть лет работая в институте, думал Георг, как бы выбраться из Союза. Он искал и прорабатывал разные варианты, например, как перебраться через Финский залив, через Аляску или пароходом из Одессы. Всё было нереально и несбыточно. Он мечтал жить вместе со своей семьёй в Германии, и боялся, как бы за это желание не сесть в тюрьму, а сесть было просто, такая уж была система. Встретились как-то случайно два пожилых одноклассника.

– Вот это встреча! Давно не виделись! Ну, как живёшь? Кем стал? Где работаешь? – спрашивает один.

– Работаю в КГБ!

– Ух, ты! А чем ты там занимаешься?

– Не чем, а кем!

– Извини! Кем ты там занимаешься?

– Теми, кто недоволен Советской властью!

– Понял. А кто доволен?

– А кто доволен, теми занимается ОБХСС!

Так что и те и другие всегда были на мушке у Советской власти, в любое время, каждый мог загреметь под фанфары.

В борьбе за жизнь порой приходится стоять насмерть. Народ запил. Пьянство было у всех в крови, борьба с ним сидела в печёнках.

19 июня 1972 года в СССР по просьбе трудящихся вышел Указ Президиума Верховного совета РСФСР : «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма».

Указ в народе имел обратное действие.

Генеральный Секретарь стал минеральный секретарь, пошли сухие свадьбы, началось самогонование. Народ запел, появились частушки.

Было три, а стало пять – всё равно мы будем брать!

Даже если будет восемь – всё равно мы пить не бросим!

Передайте Ильичу – нам и десять по плечу,

Ну а если будет больше – то получится как в Польше!

Если будет двадцать пять – снова будем зимний брать.

Талоны на водку ценились выше денег, а пол-литра решала любые вопросы. В те строгие партийно-комсомольские годы за дефицитную стеклянную валюту Георгу тоже удалось по благу достать две туристические путёвки на поездку поездом за границу по маршруту Чехословакия, Румыния, Югославия, Болгария, Венгрия и Австрия. Все люди знали, что в группе есть стукачи, глаза и уши компетентных органов, но никто не знал, кто именно. Поэтому все сторонились всех, подозревая каждого и не доверяя никому. Во всех странах Георг был образцово-показательный русо туристо, облико морале!

8 октября 1972 года в Вене туристов напоследок повезли в столичный универмаг, в котором от загнивающего капитализма советские люди испытали шок! Не веря своим глазам, они всё пробовали на

ощупь. В магазине было много народа. Георг слегка отстал от группы, затесался между людьми и только вышел на улицу, вдруг сзади раздался свисток. Георг оглянулся – три человека из их группы шли за ним по пятам: одна женщина и двое мужчин. Мужчины грубо схватили его за руки и силой повели назад к автобусу. Георг возмущился:

– В чём дело, товарищи?!

Ты куда направился? – ехидно спросила женщина.

– Мы сейчас проезжали по улице, я видел там киоск и почту. Хотел купить открытку и послать в институт своим сотрудникам, – не моргнув глазом, соврал Георг.

«Ну, всё! Теперь Колыма обеспечена, – промелькнуло в голове. – Теперь назад ходу нет!»

Его насильно привели к автобусу и хотели там запереть, но автобус был закрыт, и шофёра нигде не было. Видимо, тоже ушёл в магазин. Под охраной свобода казалась слаще мёда! Все четверо долго стояли у автобуса.

– Какая глупость! Время-то идёт! – снова завозмущался Георг.

– На самом деле! Глупо! – сказала женщина.

– Ты останешься с нами! Мы все вместе пойдём в магазин. Будь рядом! – сказали мужчины и, прижимая его с обеих сторон, пошли к входу.

– Хорошо! – согласился Георг.

Все вместе зашли в огромный универмаг. Обалдев от увиденного, женщина схватила в руки какой-то товар... Мужчины тоже увлеклись... Выбрав момент, Георг резко крутанулся и бесследно исчез, он снял шапку, сбросил на ходу пальто, сделал всё, как показывали в кино. Выскочил на улицу, заскочил в какой-то двор, перемахнул через забор в другой двор, оттуда попал на широкую улицу, перебежал на другую сторону, рискуя попасть под колёса мчащихся автомобилей, вдруг он увидел приближающуюся такси. Георг поднял руку, запрыгнул в такси и помчался в посольство Федеративной Республики Германии.

В немецком посольстве он долго-долго объяснялся. На третий день Георга положили в дипломатический «Мерседес», накрыли одеялом и через границу вывезли из Австрии в Баварию, в город Пассау. Наконец-то он был в ГЕРМАНИИ! Потом он попал во Фридланд, там его снова проверяли. Возили в Ганновер, опять проверяли, проверяли, проверяли, – поверили!

Германия ему показалась раем на земле. Такая невероятная немецкая аккуратесса. Чистота, порядок, в каждом супермаркете коммунизм! Он гордился, что он немец, когда видел, как быстро здесь строят дома, как относятся к инвалидам, как берегут деревья, как любят немцы цветы. Как ловко и красиво выкладывают тротуар и дороги. Как основательно и на совесть делают рабочие своё дело. Как молодые ребята сажают вдоль тротуара не просто деревья, а полезные вишни, рябину, яблони. Как бережно девушки подвязывают деревца, чтобы они выросли ровными и красивыми. Всё делалось не как для дяди и даже не как для себя, а как для Бога! Поэтому вокруг была волшебная, необыкновенная, божественная красота. А какие в стране автобаны, скорости – как во сне.

Рыба ищет где глубже, а человек – где рыба. В то время, несмотря на строгую марксистко-ленинскую религию, за границей старались остаться многие советские люди: спортсмены, артисты, чиновники, дипломаты, офицеры, служившие в ГДР, улетали за бугор военные лётчики, пассажиры угоняли самолёты АЭРОФЛОТА. Отказников было много. Восточные немцы старались уйти на запад всеми возможными способами, убегали молодые пограничники. Гражданские лица улетали на воздушных шарах, строили миниатюрные подводные лодки, рыли подземные ходы, прятались в потайных местах автомобилей, все стремились на золотой запад. Многие туристы уходили через третьи страны и больше не возвращались назад. Была даже шуточная поговорка, что и среди бумерангов попадают невозвращенцы.

Эмиграционные настроения в Союзе были сильны среди многих национальных групп – евреев, немцев, греков, турков, армян, а также религиозных групп, испытывавших на себе давление властей, – староверов, пятидесятников, баптистов, адвентистов, католиков. В защиту отказников и особенно узников Сиона развернулось значительное движение за права человека в США, Англии, Франции, Израиле и других странах. В США большую роль в этом сыграли президенты Картер и Рейган.

Жену сразу отделили от группы и учинили уничтожающий допрос. Она была в шоке, на грани сумасшествия, но на самом деле ничего не знала и ничего не могла объяснить. Она очень изменилась, страх поселился в её глазах.

Обида и зло перекипали через край. Стыд и позор перед сыном, мамой, соседями, родными и знакомыми. Она не знала, жив ли муж? Страх перед властями, которые немедленно занялись ей, что считалось закономерным, так как мужа считали предателем. Страх и стыд был беспредельным, и этот страх сидит в душе до сих пор. Муж остался на западе. Он невозвращенец.

Она ещё была в дороге, а ко всем уже нагрянули работники КГБ, провели детальный обыск, всех долго допрашивали. Родные не знали, что и думать, страшно боялись и страдали от неизвестности. Офицеры, следователи, соседи долго не оставляли их без внимания и постоянно сыпали соль на рану. Наведывались комитетчики к родным сестрам и братьям Георга Михеля, приходили на его работу допрашивали коллег и соседей – всех, кто имел с ним когда-то контакт.

Когда жена Георга вернулась домой одна от совместной поездки за границу, её душевное состояние было ужасным. В русском посольстве в Вене говорили, что она сошла с ума:

Поступок Георга наделал в городе много шума. В народе среди немцев ходили всякие слухи, и вдруг подпольные слушатели западной радиостанции «Немецкая Волна» узнали в эфире голос Михеля. Он рассказывал всему миру очень интересные вещи, которые имели место быть в советской действительности. Георг говорил, что, когда в Киргизии люди сдавали кандидатский минимум, с них требовали взятки почти во всех ВУЗах. Что, будучи немцем, неплохо знающим родной язык, ему не поставили зачёт, только потому, что он не дал взятку, а другие, которые по-немецки и двух слов связать не могли, получали отличные оценки, потому что давали взятки.

Эту информацию зафиксировали компетентные органы. В городе, в ректорате университета собрали лучших специалистов по немецкому языку, к ним пришёл очень симпатичный молодой офицер из КГБ и сказал:

– С завтрашнего дня вы освобождаетесь от вашей основной работы и проведёте одну неделю в здании республиканского комитета государственной безопасности. Вам предстоит в непринуждённой беседе определить знание немецкого языка тех людей, которых мы вам пришлём.

Через неделю экзаменаторы написали в отчёте, что из тридцати присланных человек более-менее немецкий знали только двое. Один очень интеллигентный пожилой еврей и средних лет симпатичная киргизка. Остальные о языке понятия никакого не имели. По материалам этого дела было проведено расследование и злостных взяточников посадили в тюрьму. Так борьба за справедливость уже не знала границ.

Георг догадывался, что его письма перехватывают в пути чекисты, и они домой не доходят. Тогда он начал писать зашифрованные, конспиративные письма для дома на адреса знакомых немцев с просьбой передать послание его близким лично в руки. Благородные люди, дрожа от страха, относили письма, и связь тайно поддерживалась.

Оставшись в Германии, Георг Михель уже через месяц устроился на хорошую фирму конструктором, его дипломы сразу были признаны властями Германии. Предприятие, где он работал, активно продавало России токарные станки-автоматы. Из России приезжало много делегаций, шеф всегда посылал за многоуважаемым господином Михелем, чтобы тот оказал услуги переводчика.

Однажды из делегации подошёл один высокопоставленный представитель немецкого министерства и поблагодарил за великолепный синхронный перевод.

Несмотря на удачу в Германии, Георг потерял душевный покой. Его мучила совесть, что жена одна вернулась домой из этой заграничной поездки, наверное, ей пришлось очень тяжело, но он успокаивал себя мыслью, что многие люди разводятся, бросают детей и супругу ради своего эго! А он рисковал жизнью и бежал потому, что была ясная цель сделать это не ради себя, а ради своей семьи, ради своего народа.

Все заботятся только о себе, а о своём народе не заботится никто. Георг предчувствовал и верил, что коммунизм – противоестественный природе строй, и он обязательно рухнет. Но когда? Может, через 10 лет, а может через 100? Тогда и немецкой нации в Союзе уже не будет, все ассимилируются. Немецкий и так уже нигде не звучит, все говорят по-русски. Если наши дети не будут говорить по-немецки, значит – мы зря прожили свою жизнь, решил Георг. Перед ним стояла чёткая цель, сохранить свой народ и что-то для этого сделать.

Надо было кому-то рискнуть и прорваться сквозь железный занавес. Надо было кому-то поставить мир в известность. Надо было кому-то рассказать о положении немцев в СССР. Надо было кому-то сообщить миру правду. Надо было кому-то поставить мир на дыбы в борьбе за справедливость. Георг считал, что именно он должен помочь в этом миллионам советских немцев.

Он планировал первым делом перетащить в Германию свою семью, чего бы это ни стоило. Поэтому с первых дней жизни на западе Георг много хлопотал о том, чтобы вызвать семью, попутно он выгатаил ещё восемь семей из Союза и ещё десяти семьям помог быстро оформить все документы на выезд, но его семью упорно не выпускали.

В 1974 г. в Кремлёвской политике подул другой ветер, и советы сами начали высылать из страны неугодных диссидентов. Первым в Германию прилетел Солженицын.

17 июля 1975 года весь мир облетела новость. На орбите земли состоялась стыковка космических кораблей «Союз» (СССР) и «Аполлон» (США). Первая стыковка двух космических кораблей разных стран, а 30 июля в Хельсинки должен был открыться заключительный этап Совещания по Европейской безопасности. За месяц до начала международной конференции Георг отправил письмо Брежневу, Косыгину и Андропову.

Гражданин западной Германии Господин Михель писал, что три года безуспешно борется за право на соединение своей семьи, и если и на этот раз власти не выпустят его жену и сына в Германию, то он лично приедет в Хельсинки за неделю до начала конференции и вручит всем руководителям иностранных государств своё письмо-ходатайство. Он сообщит международному сообществу о том, как жестоко и необдуманно поступает Советская власть не только по отношению к своим диссидентам, но и по отношению к священному институту семьи.

За восемь дней до начала конференции во Фрунзе домой к жене пришёл сотрудник КГБ и сказал: – Вы можете ехать к мужу в ФРГ. Вы свободны!

Жена сразу позвонила в Германию, Георг как раз был на работе, новость ошеломила его, это была такая большая, большая космическая радость.

Как-то в Висбадене в деловом разговоре местный немец проговорился, что работает в гессенском парламенте ЛАНГТАГЕ и там во время официальных приёмов часто нужен хороший переводчик. Георгий приехал в Ландтаг, с ним основательно поговорили и предложили оформить ему свою переводческую фирму. Георг тут же сдал экзамены и получил лицензию на работу в качестве переводчика.

С тех пор у него много знаменитых знакомых. Он переводил Ганса Айхеля, его преемника Роланда Коха, Ёшку Фишера, многих членов государственной думы России. Разговаривал с генералом армии Лушевым, Главнокомандующим Объединёнными Вооружёнными Силами Варшавского договора. Встречался с Герхардом Шредером и многими другими элитными людьми.

Он неоднократно ездил в составе немецких делегаций в Москву, в Ярославль и поначалу очень боялся, что там ему припомнят прошлое и будут большие неприятности, но руководитель делегации успокоил, сказав, что пригласивший их губернатор имеет прямой выход на Ельцина и, если что, проблем не будет.

Георг слышал там от людей, что те первые делегаты, которые тогда уехали из Москвы, позже сделали себе неплохую карьеру, а у тех, кто остался и был на правительственном приёме, говорят, судьба не сложилась.

Они говорили, что в России некоторые до сих пор просят для себя немецкую республику. Многие ещё живут по инерции, бессмысленно тратят интеллектуальную энергию, время и государственную казну. Они утверждали, что кто хотел уехать – УЕХАЛ! Остальные растворились в окружающем населении и расплылись в городах и сёлах, отошли от веры, традиций и этнокультурного бытия. Сейчас другой мир, другие обстоятельства. Не нужно больше обманывать народ, поезд давно ушёл!

Георг много думал об этом и задавал сам себе вопрос: «Что лучше? Дали бы тогда им республику или то, что, наконец, свершилось и всем немцам разрешили выезд в ФРГ?» Ответ получался конкретный. «Чихал я на эту республику. И не нужна она мне сегодня. В Германии я на родине! Моя цель была остаться немцем, и она осуществилась! Мои потомки в этом наглядная гарантия! Они местные немцы и с языком, и с будущим, у них всё в порядке, – так думал он, глядя в иллюминатор самолёта, идущего ночью на посадку во Франкфурте-на-Майне. – Германия – великая страна, на земле огней больше, чем на небе».

Георгий неплохо зарабатывал, они построили свой дом. У них всё есть, теперь он на пенсии и наслаждается жизнью, пишет книгу, но для души проводит иногда экскурсии по парламенту земли Гессен. Увлечённо рассказывает землякам местную историю и показывает красоту своей любимой Германии.

«Жизнь на свете надо прожить так, чтобы Бог в восторге предложил вам ещё одну», – закончил своё откровение Георгий Адамович.

Я с благодарностью подумал, что сегодня все немцы в Германии – выходцы из бывшего СССР, не знают этих людей, хотя обязаны этим мужественным первопроходцам своим сегодняшним положением.

Это они, как камикадзе, смертельно рискуя своей единственной жизнью, пробивали своему народу лучшую жизнь и возможность массового исхода на историческую родину.

В этом же 1965 году в Москве была вторая делегация советских немцев. Потом в Москве побывали многие делегации. Была борьба и сопротивление. Были подстрекательные плакаты: «Второй раз немцев к Волге не подпустим», «Лучше СПИД, чем немцы».

Было активное немецкое движение, съезды. Образовалось «Возрождение», «Хаймат», «Землячество», «Конвент», «Союз Соотечественников», многочисленные творческие союзы. За океаном есть «Алеманс дер Волга» в Аргентине, объединение «Немцы из России в Канаде».

В России возникли «Немецкие национальные и культурные автономии российских немцев», «молодёжные объединения», «Союзы немецкой культуры». Расплодились русско-немецкие газеты и журналы. Пошли публикации и диссертации. Выявились лидеры, вожди, руководители, раскольники, двуличные борцы прикормленные властью, приспособленцы, самозванцы, карьеристы, случайные прилипалы, пустоцветы и пустозвоны. Были делегации и съезды. Были внутренние и внешние противоречия, шла борьба. Всё было, но! ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫЕ!

Мой собеседник в свои 75 лет выглядел молодцом. Бодрый, подвижный, приятный на вид, с манерами парламентария. У него красивый, завораживающий, повелительный голос. Поведение достоинства в жестах, но я всё же задал ему последний вопрос.

– Вы говорите: жизнь – это борьба! Вот вы встречаетесь здесь с большими людьми, с большими политиками. Вам не хотелось им сказать, что в жизни немцев из России на исторической родине всё перевернулось кверху дном.

Поздние переселенцы в Германии опять оказались в той же луже, что и в России. Они опять вынуждены бороться за равноправие.

У нас запрет на многие профессии, потому что в Германии не признают советские дипломы, и заслуженные учителя, отличники народного образования, специалисты высшей квалификации моют туалеты и подрабатывают, убираясь у местных бабушек, образование которых и близко сравнить нельзя с их прислужгой. Этот интеллектуальный и культурный потенциал не используется, хотя знания немецких школьников находятся на предпоследнем месте, а в школах раздаются выстрелы и льётся кровь.

Наши инженеры, конструкторы, экономисты, ракетостроители подметают улицы и в лучшем случае работают хаусмайстерами, – по-русски – дворниками.

Пенсии нашим старикам выплачивают наполовину меньше по сравнению с местными, хотя бездетных среди наших нет.

Вновь приехавшие не имеют право селиться возле своих родственников, а обязаны как под комендатурой несколько лет отсидеть там, куда укажут.

Власти ввели шпрахтест и многих чистокровных немцев не пускают в Германию, многие семьи оказались разорванными. Многие наши старики в полном отчаянье.

Политики, покрывая свои ошибки, открыто и безнаказанно чернят поздних переселенцев в средствах массовой информации. Даже кремлёвские бонзы не позволяли себе таких коварных высказываний в адрес нашего народа, и это намного обиднее, потому что оскорбляют братья по крови!

Поведение политиков даёт результат. Уровень жизни в стране пикирует, как камикадзе. Грамотные образованные менеджеры в поисках лучшей доли покидают страну, а на их место запускают африканцев, турков, всяких других беженцев, не умеющих ни читать, ни писать, ни разговаривать. Германия катастрофически глупеет! 82 миллионов немцев живёт в Германии и ещё 80 миллионов немцев живёт уже за пределами страны. Нация разбегается! Может, пора бить в набат?

Многие переселенцы здесь очень недовольны жизнью, потому что нет равноправия для нашего народа. Некоторые поехали назад! Такого ещё не было, чтоб в одной стране были три разные немецкие нации, не равны даже восточные немцы. Что, по-вашему? Опять надо начинать борьбу за справедливость? Может, и здесь пора снарядить делегацию ходоков в рейхстаг?

Reinhold Schulz. Giessen.

Уважаемый читатель!

Сегодня ещё многие люди ко всему равнодушны, они не умеют выразить благодарность и сказать спасибо тем, кто рисковал ради них своей жизнью. Если Вас затронула за живое это свидетельство нашей истории, не будьте ленивыми, поделитесь своими мыслями и идеями. Обязательно сообщите автору своё мнение о прочитанном. Пришлите свои впечатления по обычной или электронной почте papa-schulz@gmx.de, или Papa-Schulz@strana.de, Papa-Schulz@unitybox.de, а можно и позвонить, лучше вечером.

Члены первой делегации советских немцев с сотрудниками газеты «Ноес лебен». Москва 1965 г.
Слева направо сидят в первом ряду. Д. Гольдман, К. Борнеман, И. Буг, Р. Лёльн, Н. Дельва, Г. Кайзер.
Стоят: К. Видмаер, Я. Ольферт, А. Шнитке – зав отделом экономики, Л. Гуревич – заместитель главного редактора,

Г. Вотмсбехер, М. Фогель, Г. Пшеницын – главный редактор, Н. Фёдоров – ответственный секретарь, И. Варкентин, Б. Брайнин – литературный консультант, Г. Михель.
Окончательный вариант очерка на 11.08.2010. контактный телефон Georga Michelya - у автора. Т-0641-5 81 72 26

Следующий очерк «Пропавший без вести» из серии «Наша история» рассказывающая о третьей делегации советских немцев в 1967 году, находится в работе.

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЙ

Вилли был активист по натуре. Он, как член партии, свято верил в победу торжества великих идей. Он искренне гордился, что был участником строительства светлого будущего всего человечества и жил в самой лучшей стране мира. Он любил свой народ и хотел, как Данко, вырвать своё сердце из груди и светить во тьме, показывая людям путь к счастью.

Счастье у каждого своё, но ещё есть общее счастье, за которое надо всегда бороться. Поэтому, когда вернулась из Москвы первая и вторая делегация советских немцев, стал вопрос о подготовке документов и комплектации достойных представителей третьей общественной делегации. Советское правительство немецкий вопрос решать не хотело и лишь после наездов делегатов поэтапно шло на уступки.

Руководитель инициативной группы Фридрих Шесслер предложил Вилли возглавлять третью делегацию советских немцев. Делегаты должны были побывать в Кремле на приёме у Микояна и ещё раз озадачить его своими проблемами о восстановлении поволжской республики, о спасении культуры затёртого народа. Делегация должна продолжить начатое дело и довести дело до торжества поставленных задач.

Для начала надо было на местах растормошить, расшевелить, подготовить затюканных людей, составить вопросы, собрать просьбы, народные требования ясно изложить письмом правительству, рассказать о самой трагичной нации Союза – советских немцах.

Советские немцы активно вели созидательную работу земледельцев, учёных, педагогов, сталеваров, горняков. Они были в почёте у других народов, но их было ничтожно мало в числе замеченных и награждённых советской властью. Идеологией, политикой, где литература, средства массовой информации и культура были зажаты рамками хронической цензуры, они были забыты, запуганы, унижены, их оскорбляли за других немцев, за тех, кого они совсем не знали, за тех, которые изнасиловали и разгромили Россию.

Советские немцы безвинно страдали за других, за своё Отечество, за родину своих предков, за свою нацию. В годы войны Сталин и его окружение воспитали ненависть всех народов СССР к русским немцам. Их официально называли пособниками немецко-фашистских захватчиков. Кроме того, ещё не был изжит бесправный синдром немецких колонистов, как инородцев, как иностранцев в Советском Союзе, как жужаков.

Новое поколение советских немцев не хотело мириться с таким положением и поднималось на борьбу за свои права, за права человека. Но в этой борьбе была ещё внутренняя борьба и междоусобная конкуренция. Были высказывания против назначения Вилли руководителем делегации, они напирала на его молодость, горячность, на честный, принципиальный, бескомпромиссный, советский, прямолинейный характер, а на переговорах утверждали они, что надо быть хитрым лисом и гибким дипломатом, чтоб поэтапно решать свой вопрос.

Вилли был многоуважаемым человеком, работал в межрайонной газете в Таласе – на родине Чингиза Айтматова, и не раз с ним встречался. Однажды ему позвонил первый секретарь промышленного райкома партии и пригласил к себе на ковёр. Приём прошёл на высоте. Вилли был немец по происхождению, педантичный, аккуратный, раб слова и чести. Просьбу начальника Вилли

выполнил за одну ночь. Написал шефу-заочнику курсовую работу для высшей партийной школы. За что начальнику поставили пятёрку и перевели на новую работу с повышением на должность мэра Пржевальска. Аксёнов по-человечески отблагодарил Вилли, перетащив его за собой на новое место и поручив командовать советской культурой. Но Вилли болел всем сердцем ещё и за немецкую культуру, и за свой любимый народ. Он очень хотел послужить этому делу. И тут надо было рисковать – включиться в опасную борьбу и ехать в Москву, в Кремль, искать правду.

27 июня 1967 года из Алма-Аты в дом культуры Пржевальска, который возглавлял Вилли, пришла долгожданная телеграмма. Но почему же это свои люди как будто по чужому указу, по наводке органов, специально открытым текстом написали: «Приём 28. Если сможете, вылетайте». Это значило, что третья делегация советских немцев должна ехать в Москву.

О телеграмме сразу узнали все, а не только местные государственные органы и работники культуры. Вилли срочно собрался вылетать в Москву. Взял билет, сложил вещи, документы, списки, писчую бумагу, деньги и вышел на улицу. Он решил добраться до аэропорта троллейбусом. И вдруг к остановке с шиком подкатила чёрная Волга. Из неё вышли двое незнакомых мужчин крепкого телосложения и подошли к лидеру третьей делегации.

– Здравствуйте, Василь Васильевич! – вежливо поздоровались они. – Вы торопитесь в аэропорт, но троллейбуса ещё нет, и вы можете опоздать на рейс до Москвы. Давайте-ка мы вас с ветерком прокатим, а то самолёт улетит без Вас!

– Не! Не! Не! – испугался Вилли. – Я не привык с ветерком. И вообще я на таких лимузинах не езжу.

– Ничего. С нами вам будет лучше! – уверенно парировал незнакомец.

Они схватили его под руки и подвели к машине. Вилли сразу почувствовал их силу и не смог оказать даже малейшего сопротивления. Машина рванула с места и скрылась за поворотом.

«Аэропорт в другую сторону», – пронеслось в мозгу пленника. Но, зажатый, как в тисках, с двух сторон, Вилли молча сидел на заднем сиденье, боясь открыть рот. Работая в газете, он знал, что серьёзные дела делаются тихо. А это значит, что для всех он может просто оказаться без вести пропавшим.

Итак, из Фрунзе, откуда после экзаменов он намеревался лететь в Москву, вместо аэропорта его привезли в Токмак, почти за 100 километров от столицы Киргизии, в какую-то неприметную гостиницу, завели на второй этаж. Незнакомцы вытащили из кармана ключ, открыли номер и сказали:

– Ну вот. Тут вы должны прожить неделю. Понятно? Вот вам графин с водой. Радио на стене. Газеты купите внизу, в киоске. Там же есть столовая и буфет. Туалет – на улице. Из дома никуда не выходить. Никому не звонить. Ни с кем не разговаривать, ну и так далее! Соображаете? Мы скоро вернёмся!

– Кто вы? – спросил Вилли.

– Мы – из комитета! – выстрелом прозвучал их ответ.

Они сели в машину и исчезли.

Когда Вилли остался один, его хватил мандраж, начало трясти. Казалось, будто только что прошёл по тонкому льду через большую и страшную опасность. Хорошо, что его не обыскали и не отобрали билет, – думал он, – а то бы сразу увезли за ежовую проволоку.

Печатная машинка – копировальная, множительная техника в те времена считались идеологическим оружием. У каждой машинки был свой почерк и номерной знак. Её надо было регистрировать в милиции, иметь специальное разрешение, работать только в помещении, имеющем решётки на окнах и закрытую на ключ дверь, а на ночь её надо было прятать в несгораемый шкаф с крепким замком, опечатывать и делать соответствующую запись в специальном журнале. Печатную машинку никому нельзя было передавать для пользования и строго запрещалось размножить сомнительные бумаги религиозного, антинародного и антисоветского содержания. Таковы были государственные требования.

А по спискам немецких делегатов можно было свободно начать уголовное дело по разоблачению новой антисоветской организации и устроить шумный образцово-показательный народный суд над предателями. Так в одно мгновение можно было превратиться из примерного гражданина и патриота в ненавистного врага народа.

Холодный пот выступил по всему телу. Вилли дрожащими руками быстро открыл чемоданчик, вытащил списки всех членов третьей делегации советских немцев, которые должны были лететь в Москву.

Дело в том, что Андрей Мазер, живший во Фрунзе, передал ему балетку с деньгами (200 рублей) на билеты, портативную печатную машинку и списки делегатов буквально перед отправкой в аэропорт. И потому Вилли, конечно, не успел ознакомиться со списком.

Читать их в гостинице было уже некогда и опасно – вдруг подполковники вернутся. Он сунул списки за пазуху и побежал в уборную. Закрывшись изнутри, принялся быстро рвать документы на мелкие кусочки и бросать их в дырку, вырезанную в полу. Когда все бумаги были уничтожены, кто-то снаружи рванул дверь на себя. Крючок звякнул, крикнул, но выдержал.

«Они!» – испугался Вилли. Сквозь щели было видно, что стучал незнакомый, хорошо подвыпивший мужичёк. Выругавшись и смачно сплюнув, он завернул за угол и ушёл восвояси. Вилли, привёл себя в порядок и, глянув вниз, оценил работу. Важные бумаги были бесследно уничтожены. Вторым заходом он утопил машинку, больше улик не было.

Когда он вернулся в номер, его трясло от нервного напряжения, никак не мог успокоиться. Выпил стакан воды. Включил радио, чтобы отвлечься, но никак не мог придти в себя: смысл слов не доходил до сознания, мысли в голове кружились и жужжали как пчелиный рой. Он выключил радио и упал в кровать. Его колотило. Он встал и начал, как загнанный зверь, нервно ходить по комнате из угла в угол. Ходил и думал, прорабатывал варианты, линию поведения, причину провала. Долгий день – словно маленький год, и он в нём пропал без вести – ушёл в себя.

Вскоре без стука в номер вошли подполковники в приподнятом настроении.

– Так. Откуда? Куда? Зачем? И почему вы хотели лететь в Москву именно на этом самолёте? – грубо начал первый подполковник.

– Скажите, пожалуйста, Василь Васильевич! Кто включён в состав третьей немецкой делегации? – вежливо спросил второй.

– Не знаю! – попробовал отпираться Вилли.

– Вы должны это знать, раз вы обязаны были её возглавить! – давил второй.

– Давайте сверим эту ситуацию с прежней: список состава со снимком первой делегации был опубликован только после того, как прошла встреча с Микояном. Видимо на сей раз всё это повторится по той же схеме.

– Ладно. Куда вы должны были явиться по прибытии в Москву? – спросил первый.

– Никуда.

Вилли вспомнил кино про разведчиков и шпионов и начал фантазировать: – Ну, хорошо! Я скажу. Мне надо было доехать до метро «Измайловский парк», выйти наверх и сесть на свободную скамейку с газетой «Правда» в руках. Ко мне должен был подойти кто-то из наших.

Перекрёстный расспрос продолжался долго. Силы были на исходе и нервы тоже.

На другой день подполковники приехали мрачные, в дурном настроении.

– Что вы нам голову морочите! – начали они с порога.

– Какой Измайловский парк? Какая скамейка. Там же их очень много, а парк огромный, – взялись вдвоём громко давить на психику упряма.

День прошёл как в бреду. Ведь Вилли всю ночь не спал, обдумывая варианты ответов, а они продолжали напирать. И тут он не выдержал, вскипел и пошёл в атаку.

– Представьте, что ваши люди там, в Москве, впустую бродили по Измайловскому парку только потому, что на одной из скамеек сидел не я, а другой, подставленный вами человек. Поэтому к нему никто из наших и не подошёл. А теперь послушайте, что я вам скажу. Вот мой партбилет! Вот паспорт! Я гражданин СССР! И закон не нарушал. За что вы меня тут держите? Почему не пускаете в Москву? Я же не за границу еду, а в нашу столицу! Комендатуру давно отменили, указ правительства снял с немцев все обвинения. За что вы меня задержали? Мало ли какие у меня там дела! Я свободный человек, куда хочу, туда еду! Это что, по-вашему, преступление? – горячился Вилли.

Вилли заочно учился на отделении работников печати Высшей партийной школы при ЦК КПСС и знал наизусть многие работы Ленина по национальному вопросу, поэтому легко резал цитатами и козырял знаниями, так что подполковники вскоре лишились всяких аргументов.

– Если Вы мне не верите, то нечего меня тут допрашивать: зачем надо было меня сюда везти? Только недавно вышел указ о реабилитации советских немцев, а вы меня опять без суда и следствия подвергаете репрессиям! Объясните мне, наконец: за что вы меня задержали? Или Указ правительства – пустая бумажка?

В следующий визит подполковники извинялись и просили Вилли никому не рассказывать о задержании. А чтобы не привлекать внимание любопытных соратников и не придавать инцидент

общественной огласке, они привезли свою версию ответа-небылицы коллегам Мунтаниола о его приключении.

Это было объяснительное письмо для соратников Вилли. В нём сообщалось, что он не улетел из Фрунзе в Москву, потому что не смог достать билет на самолёт, из-за чего стал громко возмущаться у кассы аэрофлота и нарушать общественный порядок, за что был задержан сотрудниками милиции. Потом он, якобы, поехал на автобусе в Алма-Ату и попытался оттуда улететь в Москву, но тоже не получилось, и тогда он вернулся назад, в Пржевальск.

Вилли долго упорствовал, но под прессом подполковников, обличённых властью, ему всё же пришлось под диктовку написать туфту и подписать этот документ. Но, как профессиональный газетчик, он составил письмо так, что друзья непременно должны были разгадать этот ребус, выполненный под давлением кагебистов.

Только через 40 лет, уже здесь, в Германии, пропавшему тогда без вести Вилли удалось узнать, что 28 июня 1967 года в Москву был послан дублёр Мунтаниола с партбилетом, школьный преподаватель немецкого языка столицы Киргизии Константин Эмих. Из Алма-Аты в столицу поехали Мария Штайнбах, Иоган Варкентин, Мария Фогель и Отто Гертель. Но делегация свою задачу не выполнила. Кремль никого не принял.

По возвращении в Пржевальск, с Вилли серьёзно поговорил специальный уполномоченный, прикомандированный туда для постоянной слежки за ним. За участие в немецком движении горком намеревался исключить его из партии, но ограничился тем, что взял с него подписку о прекращении борьбы за автономию советских немцев. Знакомый мэр города помнил добро и не отдал жертву «волкам» на растерзание.

У власти существовал фильтр: за одни и те же дела одних наказывали, других выводили в люди, они жили в достатке, были вхожи в высший свет, но не вошли в историю, а вляпались в неё. Вилли в историю вошёл!

Позже он снова вошёл в движение, раскрутил дело в Актюбинске, был участником Чрезвычайного немецкого съезда, переселился в Германию, не примкнул здесь, на родине предков, к разным течениям околонемецкости, не приблизился к лжепророкам, остался верен народу, себе и делу. О своей жизни и о судьбах российских немцев написал толстую интересную книгу «Ты виноват уж тем, что немец».

Он по-прежнему убежден, что Власть России обязана покаяться перед Богом, извиниться перед нашим немецким народом за злодеяния большевизма: за незаконную ликвидацию автономии немцев Поволжья, за геноцид, где в кровавых сталинских концлагерях погублены наши деды, отцы, матери, старшие братья и сёстры, за издевательский комендатурский режим с дикими запретами для немцев учиться родному языку, жить в городах, иметь высшее образование. Немцы всегда были нужны России, как молчаливые бесправные рабы. Когда в 1990 годах в стране разгорелось национальное движение российских немцев за восстановление Немецкой автономии, жители Поволжья, подогретые шовинистами номенклатуры, готовы были принять немцев в качестве рабов, но категорически отказали им вернуть АССР НП.

Недавно в России торжественно отмечалось 65-летие Победы над фашизмом. Пригласили всех и поздравили тоже всех. Единственные, кого забыли поздравить президент РФ вместе с премьером, – это российские немцы, трудармейцы; хотя одиннадцать российских немцев были удостоены звания Героя Советского Союза.

Сегодня правительство России не прочь вернуть наших трудолюбивых земляков в города и сёла своего государства. Но вместе с тем там теперь и слышать не хотят о реабилитации российских немцев.

Папа Шульц. Гиссен.

PS: . Посвящается борцу за права человека, за равноправие советских немцев, Вилли Мунтаниолу в связи с его восьмидесятилетием 23.02.1931.

ПОЗДРАВИТЬ ЮБИЛЯРА и заказать у автора книгу с автографом можно по телефону 030-63 22 88 23 или по электронной почте Willi Muntaniol <willi@muntaniol.de>

ОДНА КРОВЬ

– Помните, дети! Родная кровь ближе натальной рубашки. Наша фамилия очень редкая! Если вы когда-нибудь, где-нибудь встретите фамилию ДИДЕРД, – это родня! – так говорил ещё прадед.

Деда долго уговаривал его брат. Ноги в руки и бегом из России! Но у деда было крепкое хозяйство, и жалко было всё бросить. Каждый гвоздь своею рукою забит.

– Пока всё не продам, не поеду! – ответил он брату.

И брат уехал один.

Когда дед продал хозяйство, мир перевернулся, границы закрыли на замок, а деньги превратились в туалетные обои.

Своего отца Вилли помнил только по фотографии. Отец был 1903 года рождения и воевал за новую жизнь. На фото стоял симпатичный парень в будёновке, в кавалерийской шинели, в портупьях, с шашкой на боку.

Мать рассказывала, что в то время она была первая красавица в округе, кровь с молоком, и влюбился в неё отец с первого взгляда. *Кровь* без любви – *просто* вода, а любовь у них была бурная – нажили троих детей: Гарри, Вало и Вилли, который родился перед самой войной. Жил тогда отец с Лидой на Кавказе в Кабардино-Балкарии, в немецком посёлке Гнаденбург. Там были одни немцы, только председатель – русский.

В июле 1941 года в один день из посёлка забрали всех немцев-мужиков, сказали, что на фронт. Только одно письмо получила мама от отца. Он написал его в пути, сообщил, что движутся в сторону Киева. Больше о нём ничего не было известно. В августе оставшихся в посёлке немцев-детей, стариков и женщин сорвали с места и выслали на восток.

Ехали долго, месяца два, наконец поезд остановился в далёком казахском Талды-Кургане. Потом они попали в Кошкентау, в колхоз Абая. Мать с утра до ночи находилась в поле, а зимой на быках неделями была в дороге, возила урожай на элеватор, в один конец 250 км. Спала в санях под открытым небом, замерзала и голодала, но детей выкормила, подняла и выходила.

Радио в ауле не было, не было и электричества. Однажды вечером потухла керосиновая лампа, и мать попросила Вилли помочь её заправить. Керосина не было, стали наливать из бутылки бензин, который вдруг неожиданно вспыхнул. Мать вздрогнула, плеснула на руку Вилли, рука загорелась, она испугалась и выронила бутылку. Всё мгновенно охватило пламя. В доме всегда стояли вёдра с водой. Старший брат вскочил, схватил вёдра и водой удачно сбил пламя. Все отделались только испугом, а обгорелая рука долго болела. Мать лечила её сырой картошкой – лекарств не было. После армии Вилли забрал мать и переехал в Алма-Ату. Там он женился на хорошенькой Ирмочке, тоже немке, и родились у них Неля, Ольга и Елена.

В Германию семья Дидерд переехала в 1989 году, и после Брамши попала в Ревенбург, почти у самого Бодензее. На весь городок тогда было всего 3-4 русскоговорящие семьи и все друг друга знали. Переселенцы жили в лагере, и после советской эталонной системы удивлялись золотому западу. Первый раз поехали закупаться в АЛДИ, а навстречу из магазина с тележкой выходит наш мужик в клетчатой рубашке, лицо наше, всё что-то родное, знакомое. У Вилли кровь забурилась в жилах, но решил подойти. Только что приехали, толком по-немецки говорить не могли, хотя дома все думали, что язык знают: на кухне, во дворе с роднёй всегда говорили по-немецки, а тут сразу резко стало не хватать слов. Помогая руками, на ломаном немецком языке спросил:

– Энтшульдиген! Зитд зи нихь аус русланд гекомен? (Извините! Вы не из России приехали?)

Он сразу заулыбался и отвечает:

– Да! Но мы здесь с войны.

– О? – удивился Вилли. – Мой отец тоже в то время был в Германии.

– Как звали твоего отца? – заинтересовался незнакомец.

– Рихард Дидерд.

– Я ж его знаю! Мы с ним всю войну вместе прошли.

Тут к ним подошла женщина.

– Моя жена! – представил её новый знакомый.

Вилли чуть не присел от неожиданности. Он узнал эту женщину. Он видел её в соседнем селе в Копале Талды Курганской области на свадьбе её сына, и сын её был похож на этого мужчину. А потом мать рассказывала, когда их высылали с Кавказа, она ехала вместе с ними в вагоне и помогала ей управляться с маленькими детьми

– Вы Роммель? – спросил Вилли.

Немцы застыли в изумлении.

– Вот что! – спохватился её муж. – Мы живём здесь недалеко. Всего пять километров. Приезжай, поговорим. Вот наш адрес, – и он протянул визитную карточку. – А сейчас, извини. Нас поджимает время. У нас термин.

Машина у Вилли уже была, он взял мать и в тот же день поехал с визитом. Мать их узнала сразу, женщины разговорились, а Вилли начал расспрашивать хозяина о своём отце, которого не помнил и, кажется, никогда не видел. Но разговор как-то не складывался, незнакомец сильно изменился за эти несколько часов и неохотно вспоминал прошлое. Вилли почувствовал, что он чего-то недоговаривает и не хочет полностью раскрываться. Но после долгих сомнений хозяина прорвало. Он сказал, что ходит в церковь и, как верующий человек, вынужден рассказать всю правду.

– Тогда, в 41-м, эшелон остановился под Киевом у самой линии фронта. Новобранцев даже не переодевали, высадили из вагонов, их тут же окружили русские солдаты, раздали всем лопаты, кирки и под конвоем повели в поле, заставили копать окопы. Обращались с ними очень грубо, ругались, пинали, били прикладами. Из будущих солдат они сразу превратились то ли в пленных, то ли в заключённых. Все стали рыть землю, работали на износ. Солдаты кричали и подгоняли. Вдруг раздался страшный грохот, взрывы, стрельба. Солдаты забегали кто куда. Офицер орал:

– Куда? Там немцы!

Охрана разбежалась так быстро, что никто ничего не мог понять, что произошло. Землекопы упали на дно окопов и закрыли головы руками. «Куда деваться? Что делать?» – крутилось в каждой голове. Грохот над головой волной перекатился дальше. Не успели они побросать лопаты, а их уже сопровождал другой конвой, отвели в какой-то подвал и заперли на замок. Никто с утра ничего не ел, все очень хотели пить, но были перепуганы и всего боялись. Посидев пару часов в темноте и успокоившись, начали от тоски тихонько петь.

В Гнаденбурге у немцев была сильно развита культура. Все умели читать, писать, играть на нескольких музыкальных инструментах и пели в хоре. Жили хорошо, все были певцы и музыканты! Талантом Боже не обидел!

Вдруг зашёл немецкий офицер и спрашивает:

– Вер зингт я зо дойч? (Кто это так поёт по-немецки?)

– Вир! (Мы!) – сказали пленные, поднимаясь с земли.

– Вер зинд зи? Фон воу комен зи? (Кто вы? Откуда вы?)

– Вир зинд русланд дойче (Мы немцы из России).

Военные всех накормили, оформили документы, переодевали в свою форму и заставили служить санитарями, чтобы не пришлось стрелять в своих бывших соседей, как объяснил офицер. Так до конца войны они служили вместе, четыре односельчанина: Бранденбург, Арнт, Роммель и отец-Рихард Дидерд. Потом их перебросили на западный фронт, а в конце войны во Франции они попали в плен к американцам.

После войны американцы спросили их:

– Куда вы теперь хотите? Хотите вернуться в Россию, в Сибирь, или останетесь в Германии?

В Сибирь никто не хотел, все остались в Германии. Рихард Дидерд попал в Равенсбург на самый юг, а остальные – на 250 километров выше, в город Эпинген. Друзья ему начали писать, чтобы он перебирался к ним. «Здесь жить можно!» – твердили они. Вскоре Рихард перебрался к друзьям. Они познакомили его с беженкой, немкой из Чехословакии, она была с ребёнком, девочку звали Анна-Мария. Вскоре они поженились, наролили ещё четверых и стали жить как все в западной Германии. Гергард, Маргарет, Альфред и Эрвин выросли в достатке.

Ещё когда Дидерды жили в России, знакомые переписывались с родственниками из Германии, и те написали, что видели отца живым, но где он и что с ним, они не знают. «Значит, отец не погиб, он жив! – думал Вилли. – Но почему он не писал матери? Наверное, нового адреса не знал, их же выслали».

Когда Дидерды приехали в Германию, мать сразу написала письмо Бранденбургу – другу отца, который жил на севере. Оказывается, у неё был его адрес. И он ответил, что Рихард с семьёй жил в Эпингене, в старой перестроенной мельнице, но он умер, когда ему было 67 лет. На похороны к другу съездить не удалось по состоянию слабого здоровья.

Первое время переселенцы из России жили в общежитие, денег ещё не было, и многие ходили в супермаркеты, как в музей, поглазеть, поудивляться, но, не удержавшись, что-нибудь покупали и часто

не то, что предполагали. Ума набраться – денег стоит. В Германии были такие магазины, которые в СССР и не снились. Товару столько, что не знаешь, что купить.

Чтобы не совершать очередную ошибку, жена в магазине подошла к пожилой женщине и спросила:

– Посоветуйте! Какой жир надо взять, чтобы поджарить картошку?

Бабулька с удовольствием помогла, разговорились, подружились. Она жила одна, ей было скучно, она напросилась в гости и взяла адрес. Её любопытство жаждало ответа. Как это немцы жили в России 200 лет?

К ужину она пришла к ним в лагерь на жарёху. Вилли рассказал свою историю. И в завершение сказал, что ещё прадед говорил:

– Если встретите фамилию Дидерд – это родня! Одна кровь!

Бабулька загорелась желанием помочь найти вторую семью отца. Она сказала, что ей хорошо знаком этот городок. Все вместе пошли на почту, она попросила там телефонную книгу города Эпингена и нашла фамилию Дидерд.

Вилли ещё стеснялся говорить по-немецки, и бабулька сама набрала номер телефона. Ответила женщина, она сказала, что господин Дидерд на работе, придёт в десять вечера, и попросила перезвонить.

Второй раз пошли звонить поздно вечером в ближайшую телефонную будку.

Трубку поднял мужчина.

– Это господин Дидерд? – спросила бабулька.

– Да! Я Эрвин Дидерд.

– Вы сын Рихарда Дидерда? – опять спросила старушка.

– Да! – подтвердил он.

– Это звонят из Равенсбурга, и я хочу вам сказать, что возле меня стоит ваш старший брат!

– Не может быть! – ответил он. – Все мои братья живут рядом со мной в нашем городе, и мы сегодня виделись!

– И всё-таки, Вилли ваш брат. Он приехал из России.

В трубке испуганно замолчали. Потом он сказал:

– Мы дадим о себе знать! – и положил трубку.

Буквально на второй день Вилли позвали в бюро лагеря к телефону. Звонили местные Дидерты и спросили, можно ли приехать познакомиться.

– Конечно! Конечно! Зихер! – обрадовался Вилли.

Они приехали на двух машинах без семей, только братья и сестры. Ни мужей, ни детей, ни внуков – никого не было. Весь лагерь уже знал, что Вилли нашёл местных родственников, и все сгорали от любопытства. Вилли торжественно одел свой немодный, советский костюм с белой рубашкой, нацепил галстук и выскочил в коридор. Они вошли толпой, и Вилли сразу понял, что это они. Коридор был полон зевак.

– Зинд зи Дидерд? – спросил Вилли.

– Я! – ответили они хором. (Да!)

– Дан комен зи нах обен! (Тогда пойдёмте к нам наверх!) – пригласил он, страстно пожимая всем руки.

Сначала они, озираясь, вошли в помещение, как-то с недоверием ко всему отнеслись, скептически. Мало ли какой шулер их разыгрывает или, может, снимают передачу «Форшеен зи шпас». Потом вытащили фотографию и спросили:

– Кто это?

Когда Виллику было шестнадцать лет, он сфотографировался с другом, который пришёл из армии, а мать отправила тогда эту фотографию через кого-то в Германию.

– Это я! – удивился Вилли. – Откуда она у Вас?

– Так ты же сам нам письмо написал.

– Я не писал! Я и сейчас по-немецки писать не умею, а в шестнадцать лет и подавно не мог. У нас ведь немецкой школы не было и немецкий не преподавали. В нашем посёлке все дети до четвёртого класса учились в казахской школе только на казахском языке. Потом ездили в большое село, жили там по квартирам и учились на русском. Где мне было немецкому учиться? Наверное, это мать написала. Сколько лет-то прошло? – покачал он головой и достал точно такую же фотографию.

Все удостоверились, что Вилли – брат. Одна кровь! Потом хозяйка пригласила всех к праздничному столу. Вилли хотел родню встретить по-русски, широко, шумно, хлебосольно. Набрали деликатесов, закупили водки, всё как положено. Оказалось, они водку не пьют, пару бутылок пива быстро закончились, пришлось бежать к соседям занимать.

– Ребята! Дайте пива! Завтра куплю, отдам. Гости приехали, а водку не пьют.

Посидели хорошо! Первым делом они высмеяли костюм и галстук и заставили Вилли переодеться. Потом много говорили. У них было уйма вопросов, хорошо познакомились в тот вечер, крепенько!

Местные Дидерды предложили Вилли переехать жить из Равенсбурга в их город Эпинген. Они удивились, что отцу странным образом тоже пришлось пройти именно этим маршрутом. Обещали помочь найти квартиру и работу, но сразу поставили условие, что мать Вилли должна отказаться от вдовьей пенсии, которую получает их мать.

Мать Вилли в то время выглядела уже довольно плохо, болела раком. Ни мать, ни Вилли даже не думали об этом и даже не догадывались, что положена такая пенсия, а потом, оставшись один, Вилли подумал: ну, получит год-два мать эту пенсию, от рака-то не убежишь. Что потом? И отношения с новой роднёй испортятся, и разбогатеть не удастся. Поговорил он с матерью по душам, и она решила согласиться в пользу бедных. Вместе с местными братьями поехали в Ратхаус и оформили сделку официально. Мать от пенсии отказалась.

В связи с раком мать Вилли положили в больницу на операцию. Приехали местные братья, все вместе пошли в больницу. Братья шли впереди, а женщины следом с любопытством наблюдали за ними.

– Ну и походка у них! – удивлялись они. – Смотри, как одинаково ноги выкидывают, прямо как солдаты, будто их всех вместе в одной школе муштровали. И внешне-то как похожи, хоть и родились в разных странах.

Вскоре местные Дидерды подыскали для Вилли квартиру. Она оказалась дорогой, неудобной, в старом доме, зимой холодно аж уши мёрзнут, но тогда они ещё ничего не знали о возможностях и порядках в Германии и рады были любому уголку.

Потом сообразили, что к чему, и встали на очередь. Шеф фирмы, оказывается, хорошо знал отца Вилли и как раз строил дом для бедных людей с дешёвыми квартирами, социал-приват. Они получили хорошее жильё в новом доме.

Получив ключи, надо было в первую очередь наклеить обои. В России они уже клеили обои, но там обои были другие, да и забыли уже. Самое трудное – это клеить потолок.

Братская любовь лучше каменных стен. На выручку пришёл местный брат, он решил показать, как это делается. Выбрал самую маленькую комнату, занёс ящик пива. Показал, как надо клеить, попил пива, прочитал лекцию и ушёл. Через неделю снова пришёл помогать и страшно удивился, увидев, что всё готово.

– Кто это вам сделал? Кого вы нанимали? – спросил он.

– Откуда у нас столько денег? Сами всё сделали! – ответил Вилли.

– Если сами, значит – плохо сделали, – ответил он и принялся искать недостатки, стал внимательно осматривать углы, стыки и потолок.

– Да нормально всё. По-немецки сделали! – ответил Вилли, видя недовольное лицо местного брата.

– Да, быстро сделали! Хорошо! Но спешить не надо было. Я бы помог!

«Конечно, – подумал про себя Вилли, – вы-то уж не перетрудитесь. Вы, небось, эту квартиру весь месяц бы клеили!».

Брат ходил по всем комнатам и то ли возмущался, то ли удивлялся, но всюду бормотал:

– Дас канн я них вар зайн! Дас канн я них вар зайн! (Не может быть!)

Потом пришла приёмная комиссия местных родственников. Они удивлялись ещё громче брата, но отношения подравнялись, стали теплее и проще.

– Откуда вы можете делать такую работу. Вы этому учились? – спрашивали они.

– Нет, не учились. Мы нормальные люди, и руки у нас не кривые, а жизнь – она всему научит!

В новой квартире ещё только обои были, постель и стол на кухне. Ещё ничего не купили, а тут приходит местный братец и говорит:

– Я всегда просматриваю все газеты, и тут нашёл для вас хороший ангебот. Вам ведь нужен пылесос?

– Конечно, нужен будет, – согласился Вилли.

– Вот смотри, фирма АЕГ, всего за 200 Дм.

Что такое АЕГ Вилли не знал, да и другие вещи были нужнее, но доверились. Родня ведь. Одна кровь.

– У нас пока денег нет! – сказал Вилли. – Мы на работу уже устроились, но первая зарплата ещё не пришла.

– Хорошо! Я куплю на свои деньги, а когда ты зарплату получишь, сразу вернёшь долг, – предложил родственник.

Вилли промолчал. На другой день он привёз новый пылесос, включил, показал всем, как надо им пользоваться. Хвалил пылесос и себя за такой изумительный ангебот.

«Пылесос как пылесос, – подумал Вилли, – я бы за него такие деньги не отдал». Но вслух сердечно поблагодарил, затем положил пылесос обратно в коробочку и поставил в угол, ковров-то ещё нет, пылесосить нечего.

В конце месяца приходит местный братец в гости и говорит:

– Мне деньги нужны!

– Я помню про долг, – ответил Вилли, – но деньги на наш расчётный счёт ещё не поступили. Как придут, отдам!

– Да не может быть! – завозмутился он, и ушёл недовольный.

На другой день он снова пришёл за деньгами.

– Мы сегодня были в сберкассе. Денег ещё нет! – сказал Вилли.

Так он дня три или четыре приходил за деньгами, как будто они у него последние были, и жить больше ему не на что. Надоел как горькая редька. Совесть его совсем не мучила, а чувству такта его не обучили. Не зря говорят, что не выучил Гансик, Ганс не выучит никогда.

– Что ты меня за нос водишь! Это не может быть, чтоб деньги до сих пор не перечислили! – стал он наезжать на Вилли, недовольство его росло.

– Не веришь, пойдём вместе в сберкассу, сам спросишь, – отбивался Вилли.

Надоел местный родственник, спасу нет! Наконец, первую зарплату получила дочка, которая подрабатывала в детском садике. Вилли взял эти несчастные 200 Дм и принципиально, сразу, как обещал, раз он без них спать не может, почти ночью, поздним вечером отнёс деньги бедному родственнику.

А через пару дней перечислили первую зарплату, и Вилли показал ему свои квитанции.

– Вот посмотри! Ты не верил! Видишь, когда деньги перечислили, а теперь вспомни, когда мы их тебе вернули?

– Но я... Да я... Дас ист я блейд! – начал он выступать и выкручиваться, аж противно стало.

«Брат-то он мой, а ум у каждого свой», – подумал Вилли.

Просто удивительно, ведь в голове, в сердце и в заднице течёт *одна* и та же *кровь*.

Однажды местные братья забрали мать Вилли и всю его семью и повезли к себе в гости познакомить со своей матерью. Все собрались в одной комнате, разговаривали, потом сестра знаками попросила всех перейти в другую комнату, чтобы две матери, две жены могли поговорить с глазу на глаз. О чём они говорили, никто не знает, но говорили долго. Мать Вилли была очень недовольна всем этим, а что поделаешь.

Год прожила она в Германии и на 80 году жизни переселилась в царство небесное.

Вначале было бурное общение с новыми родственниками. Все приглашали друг друга в гости, то на юбилей, то на день рождения, то событие какое. Родня большая, праздновали много, каждую неделю чего-то отмечали, причём у них не принято переносить торжество с рабочего дня на субботу или воскресенье, а празднуют, как есть – пунктуально. Если событие выпало на понедельник, значит – собирались в понедельник, если в четверг – значит, в четверг.

Бывало, после тяжёлой работы, уставший, придёшь домой, пока помоешься, пока переоденешься, пока приедешь, голодный как волк, а у них на столе пиво и чипсы. Домой придёшь – на ночь накушаешься, а утром, не выспавшийся, на трудовую каторгу.

Опять же, к подаркам подходили серьёзно, с русским размахом, щедро. Если подарок покупали, так дорогой, чтоб запомнился, а они в ответ дарили кусок мыла или шампунь какую-то. Потом им самим неудобно стало, и они попросили не тратиться так на подарки, мол, им ничего не надо, у них всё есть, важно только оказать знак внимания.

Однажды одна русачка, знакомая по лагерю, встретила на улице мать местных Дидердов, вторую жену отца и с подковыркой наивно спросила:

– Фрау Дидерд! Я знаю одну фамилию Дидерд из России. Они вам не родственники?

– Нет! Мы не родственники. У нас с ними нет ничего общего, – ответила она. – У них фамилия пишется Дидерд без буквы Е, а у нас настоящая, правильная немецкая фамилия Диедерд, с буквой Е.

Немецкие чиновники вытворяли тогда чудеса грамматики, такие записи в документах делали, что оставалось только руками развести. Многим фамилии так перевели, переиначили, хоть плачь, хоть смейся.

Невинные переселенцы их крючкотворчество, как железобетонный крест, должны были нести на себе всю жизнь. Виллиной дочке сказали, что в Германии нет имени Елена и записали её по-мужски, мощно, звучно, иностранно – Гелен!

В то время телефонная связь в Германии была только телекомовская, за каждое слово надо было платить отдельно. Счета за переговоры приходили солидные, стали прижиматься. Вилли приехал издалека, без рубля в кармане, по идее – местные братья, крепко стоящие на ногах, должны были проявить заботу и оказать помощь советом или делом, хотя бы позвонить, спросить всё ли в порядке. Но они не звонили, а встретятся, ещё и упрекают:

– Вилли, ты почему нам никогда не звонишь? Не даёшь о себе знать? Почему не заходишь в гости?

– А вы чего не заходите? Почему не звоните? – спрашивал в ответ Вилли.

Мелочей собралось много. Обида стала разливаться как река в половодье.

Разность менталитетов давала о себе знать. Они давали понять, у нас всё хорошо! Тебе надо – ты и позванивай. Они сразу как бы поставили его в прямую зависимость. Не забывай: чей берег, того и рыба. Вилли про себя всё больше возмущался. Он среди всех самый старший, а они его сделали виноватым человеком второго сорта.

Лидером у местных Дидердов выкристаллизовался Ганс – муж сестры Анны Марии, приёмной дочери отца. Он постоянно высокомерно учил приезжих родственников с таким видом, как будто они приехали не из цивилизованной страны, а из дикого австралийского племени.

– Ваши дети на улице могут гулять только до десяти вечера и – домой. Ни в коем случае не позже. В Германии надо быть пунктуальными. Немцы сердятся не только на тех, кто опаздывает, но и на тех, кто приходит раньше. В Германии надо быть послушным! Соблюдать законы! Воровать нельзя! Врать нельзя! Напиваться по-русски нельзя!

У него получалось, что в Германии все хорошие, а в России – все плохие! Все немцы – трудолюбивые, все русские – лентяи! Ганс в России не бывал и сравнивать, естественно, не мог, а Вилли жизнь знал с двух сторон, сравнить и рассказать мог многое, поэтому в корне с его попугайской философией не соглашался.

Вилли не нравилось, когда бестактный родственник старших себя людей учил как маленьких детей. Если вам в магазине вместо десяти яиц случайно положили одиннадцать, и вы это обнаружили только дома, – надо вернуться в магазин и отдать продавцу «лишнее». Его экономность граничила со скупостью. Он экономил на спичках, а сам только и делал, что учил, учил и читал свой монастырский устав, как зануда.

Какая душа у человека в три года, такая она и в сто.

Вилли так устал от этой опеки, а сказать прямо в глаза не решался, чтоб не портить отношения.

«Да когда же это кончиться? – думал он, засыпая. – И зачем я сюда переехал, чтоб меня каждый день учили, как жить надо?» Вилли такие нравоучения уже еле переносил. Братья, вроде, ничего не замечали и довольно помалкивали, давая ему полную свободу действий. Из-за этого Ганса дружба стала потихоньку затихать и потухла. Меньше стали общаться, перестали ходить друг к другу в гости, перезваниваться. Потерялся интерес. Встретятся случайно – привет, привет и до свидания!

Сейчас Дидерды встречаются редко, в основном, случайно. В разведку с ними Вилли б не пошёл. Он на них зла не держит, но и тяги к ним особой нет. Был свой, стал чужой. Хоть одна кровь – да прошла любовь!

Папа Шульц. Гиссен.

ФРАУ ФООРЛАНД

Вечером, подъезжая по указанному адресу, я увидел силуэт в окне. Женщина, которая ждёт, – вызывает уважение. Она вышла встречать гостя на улицу, закутавшись в пуховый платок. Познакомилась с постояльцем, пригласила в дом. На столе скромный ужин, но с большой выдумкой. Даже редиска в салате выстроена ровными рядами, как пуговички на мундире, а паприка лежит в тарелке не просто так, а по кругу – как солнечные лучи. За окнами темно, в доме чисто, на душе светло, уютно, как в родительском доме. Покажи мне своё жильё, и я скажу, как ты живёшь, – напрашивается вывод. Горячий, особой заварки чай. Долгие милые беседы с интересным человеком. Эта удивительная женщина с тёплыми бархатными глазами кажется не Тургеневской женщиной, а Чеховской героиней. Именно такие нежные и стойкие существа шли за декабристами в Сибирь, и мужественные мужчины черпали

свои силы в их преданности и любви. Любовь у неё была большая, чистая, но короткая. Его уж нет на белом свете, а память так жгуча, так живуча.

Родилась она в 1938 году в Ростове-на-Дону. В 41-м война унесла их в Сибирь. Отца забрали в трудармию. Мать выбивалась из сил, лишь молитвы охраняли семью от бед. Мать была верующая и не знала русского языка. Она была из Швабии и подарила дочери молитвенник с готическим шрифтом. Она не умела читать другой шрифт. Детей власть воспитала свободными от Бога людьми. Мина выучилась на архитектора. Ткнула пальцем в карту, и оказалась в Херсоне. Непоседа изучила новый край, его историю. На стене висит большая чёрно-белая фотография. Молодая, красивая женщина кормит из рук белоснежных нежных лебедей. Вокруг озера – знаменитый Софиевский парк. Она возила из Херсона группы туристов в Умань любоваться красотой природы и рассказывала красивую легенду о любви. Здесь бывали Сергей Волконский, Павел Пестель, Александр Пушкин и Тарас Шевченко, по соседству родился Григорий Котовский. В парке есть Елисейские поля и английский уголок с коллекцией растений со всего мира. Для своей жены, красавицы гречанки Софии, могущественный магнат Феликс Потоцкий поручил военному инженеру Людвигу строительство этого чудного парка. Вот уже который век парк и легенда завораживают пытливые умы и чистые сердца любознательных посетителей.

Уже в преклонном возрасте очутилась Мина Адамовна в Германии. По мамину молитвеннику, с готическим шрифтом, она училась читать по-немецки. Выучила его так, что он стал доминировать в общении. Читает, пишет и говорит на немецком охотнее, чем на русском. Акцент фрай. В арбайтсамте удивлялись её успехам и предложили поработать в югендсберге воспитателем-переводчиком. Она была вторым учителем в фахшуле и помогала молодым аусзидлерам осваивать профессию. У неё много учеников, которые и сейчас с благодарностью к ней относятся. Но чтобы попасть на работу, в Германии нужна машина, а чтоб водить её, – необходимы шофёрские права, и она поступила в автошколу. Боялась, терялась, боролась с самой собой. Заставляла себя и, наконец, права расширили её мир. Она управляет автомобилем. Мчится по автобанам туда, где её ждут. Теперь уже машины нет, отказалась добровольно, как вышла на пенсию. Сегодня ходила в церковь пешком за семь километров. В хорошую погоду ездит на велосипеде. Иногда кто-нибудь, подвозит, село – не город. С транспортом тяжело. Могла бы жить обеспеченно, но всю пенсию отправляет дочери, оказавшейся без работы в Хорватии. Одна там Лилечка в Цадере с тремя детьми. На эту помощь они могут сносно существовать, а старшие – учиться в университете. Только этого мало, и Мина организывает посильную гуманитарную помощь родному Херсону. Собирает всё, что может пригодиться там людям. Ищет транспорт, чтобы переправить небольшие партии груза. Благодарна была за каждый звонок, за совет, за помощь. Она ездила туда с гуманитарным конвоем, знает ситуацию не со слов.

Мы долго пили чай, и Мина Адамовна читала свои тихие рассказы. Закончился разговор далеко за полночь. Породнились, сдружились души. Земляки – это тоже родственники. Стало поздно – тело захотело спать. Ранним утром малиновый звон прилетел перелётной птицей из вчерашних воспоминаний и опустился на подушку, стряхнув с себя вкусный запах милой святой Руси. Под гул церковных колоколов босоное детство пронеслось по памяти. Откуда-то доносился ароматный запах кофе. Я застал её в комнате на коленях со скрещенными руками. Она молилась Богу. На стене нет обилья религиозных картин и надписей, всё скромно, а в душе светло, и светится человек в молитве. Очищается! Как чуден праздник с библией в руках, он смыслом наполняет душу. Бог даёт надежду, с ним всё по силам. После молитвы – от общения с Богом, кажется, разорвёшься от счастья, – такой прилив благословений. Чудесно и уютно на душе. За окном рождается новый день. Солнце залило всё вокруг ярким

светом. В чистом поле видна белая берёзка, чем-то она похожа на светлую мою хозяйку.

PS. Не о каждом человеке хочется писать. Про других мудрее было б даже просто промолчать, но не могу. Нечестно это. Каждому достанется своё. Мне очень симпатичны люди неравнодушные к чужой беде, готовые помочь даже в ущерб себе и своему достатку, умеющие сострадать, желающие помогать, идущие узкою тропой к светлой христианской цели.

Я знаю и других, идущих важно в церковь. У них всё хорошо. Но если попадётся к ним в дом во время обеда, за стол не позовут. Дадут фотоальбом и вежливо попросят подождать, пока они закончат кушать. И выскочит из глубины их души такая благородная отрыжка – голодному пощёчина в лицо.

Я так подумал, могли бы они помочь кому-то, как эта героиня? Да им и в голову такое не придёт! Ибо они совсем из другого теста. Лишь бы «для сэбэ» было хорошо! Ни то что не помогут, – не позовут и не позвонят! Звонок ведь тоже денег стоит, – зачем кого-то беспокоить? Чем меньше знаешь, тем крепче спишь!

СИБИРЯЧКА

Это была хорошая идея нашего пастора – создать бесплатный курс игры на гитаре. Местная немка, средних лет, уговорила своего мужа нянчиться с их четырьмя детьми. И раз в неделю согласилась обучить всех желающих игре на гитаре. На первое занятие пришло 18 человек, на второе – 24. Народ разный – местные, но, в основном, немцы России. Возраст – от дошкольников и до 60-ти. Музыка – это разговор Бога с людьми. Равнодушных здесь нет. Но и гитары – не у всех. В магазине очень, ну очень дорого!

Решили искать по газете. Через пару дней Ирина, жена нашего пастора, позвонила и сказала, что договорилась с музыкальной школой возле Гётинга, и надо бы съездить за инструментами.

Ей с малыми детьми это не возможно. Я согласился с условием: сам я пока не понимаю в этом музыкальном товаре толк, но если дадут в сопровождение специалиста-музыканта, то поеду.

Через некоторое время звонок повторился. Ирина просила выезжать немедленно.

Получив адрес, деньги, церковную машину и инструктаж, я выехал на соседнюю улицу к их знакомым забрать специалиста, который живёт в тех краях, знает эту школу и заодно попадёт домой после гостевого визита. Получалось, что обоим крупно повезло. Я лихо подкатил по указанному адресу и позвонил в дверь.

На крыльцо вышла невысокая, стройная, симпатичная женщина преклонных лет. Серо-голубые глаза выглядели устало, шикарные светло-русые волосы уложены в причёску, которую здесь не носят, потому что большинство женщин пострижены под полубокс, чтобы не заниматься причёской и собой. Красивая ещё фигура, чёрная юбка, белая кофточка, – только пионерского галстука не хватает: была бы похожа на старшую пионервожатую, в которую, как правило, влюблена вся школа, от первоклашки до зав. горно. Ногти не накрашены, руки мозолистые, рабочие. Взгляд материнский, кроткий, ласковый. Интересная попутчица! Дверь открылась ещё шире, и с большой сумкой и кучей пакетов вышли уже знакомые мне хозяева. Мы бурно, шумно поздоровались.

– Это наша Ксюша, – представил пионервожатую хозяин дома.

Получив ещё указание от хозяев – беречь, хранить, не обижать гостью – и, отвязавшись от прощальных поцелуев, подгоняя время, я, словно джигит, укравший невесту, скрылся из виду.

– Вы всегда такой шустрый? – спросила она

– Яйн! – ответил я. – А вы откуда, из прошлой жизни?

– Я родилась в Сибири! – улыбнулась она.

– А точнее?

– Красноярский край, Туруханск.

– О! А моя мама родилась в Иркутске, в 1917 году. Земляки! Давно в Германии?

– С 95-го.

– А вы?

– Я – с 90-го.

– А в нашем городе вы в гостях, без семьи, без мужа?

– У меня нет мужа, разошлись ещё в России, – сказала она и тяжело вздохнула.

Глаза её увлажнились и стали похожи на карельские озёра, в которых отражается голубое весеннее небо.

– Ксения! Расскажите о себе, дорога дальняя.

– Ах, это не интересно, ничего хорошего в жизни я не видела, даже вспоминать неохота, не люблю об этом говорить. Живёшь прошлым, будущего нет!

– А ваши родители откуда?

– Родители мои с Поволжья, были высланы в 41-м в Сибирь. Матери было 13 лет, она была старшей дочерью в семье. Какую трудную жизнь они прожили, не дай Бог никому! Сплошные унижения и муки: нас обзывали, запрещали говорить на родном языке, поэтому я не знаю языка. Отец мой умер рано, я была ещё маленькой. Мама работала всю жизнь на тяжёлой работе, дояркой. В 54 года умерла от болезней, не дожив до пенсии. Умирала у меня на глазах. С тех пор начались мои страдания. Потеря близкого человека, а дома были нелады. Закончила я текстильное училище по специальности швея-мотористка. Работала в ателье швей. Замуж вышла в 18 лет, ему было 21. Для меня было главным, чтоб он не пил, не курил, – и, вроде бы, он любил, по-своему. На свадьбе я поняла – не моё, но отступить уже поздно. Он работал сварщиком на стройке. Мы жили в закрытом городке, быстро получили квартиру. Насчёт «не пил» была, наверное, короткая пауза. На стройке работая, стал пить и даже в рабочее время. Друзья всегда были у него на первом месте. Рыбалки с ночёвкой, неделями мог пропадать у своего разведённого друга в компании каких-то девиц. По гороскопу он «Телец» – упрям, как бык. Естественно, мне не нравилось его поведение, и я молилась и плакала, и говорила: «Давай сядем за стол – поговорим, что тебе не хватает? Что нужно исправить?» Был короткий ответ матом. Мог не разговаривать неделями. Я сильно переживала. Не такого мужа я себе представляла. Он был неинтересный собеседник, никуда его не вытащить. Любитель кого-нибудь унижить или высмеять, только себя не видел. Гордый, злой, влюблённый в самого себя. Если с кем поссорится, то навечно. Развестись мне было стыдно, и страшно остаться одной. Много прощала. И доводил он меня вечным ворчаньем и неудовольствием. Трудно было ему угодить. Я терпела и старалась всё уладить. Даже если я была не виновата, первой просила прощения. Двоих сыновей родила, – ни одного доброго слова, ни записки, ни цветов. Как завидовала я другим женщинам! Как молила Бога о счастье! Но он даже из роддома не смог меня встретить. Спасибо скорой помощи, – привезли домой. Воспитанием детей почти не занимался. Они слушались только меня. А он сознательно занимал место на диване и не тратил свои нервы. Если бывал дома, то раньше детей ложился спать, примерно в 8 часов. И мне не с кем было поговорить. Я чувствовала себя одинокой с двумя детьми при живом муже. Моя мама умерла, я очень переживала и плакала, а от него никакой поддержки, ни одного доброго слова. Когда я была беременная вторым, он взял отпуск и поехал к другу. Я запротестовала, он ударил меня и ушёл. Прожил там две недели, не думая, как мы здесь. Он заочно закончил техникум, у него было много времени. Правда, он ни на шаг не продвинулся, а когда я сказала, что тоже хочу пойти учиться, у меня тогда был ещё один сын, был ответ:

«Сиди!» Конечно, я сама виновата, нужно было учиться. Я всегда восхищалась умными, интересными людьми, которые что-то достигли в жизни. Но в то время мне всё приходилось делать одной: и белить, красить, доставать материалы, ремонтировать розетки. Если его попросить, надо было долго уговаривать, и в ответ услышать грубость, а то и просто плевал мне в лицо. Не плевал, а харкал. Прожила я с ним так 12 лет. Я не люблю это вспоминать.

Я посмотрел на неё. Крупные слёзы катились по её щекам. «Бедная золушка. Жалко. Пусть Бог поможет тебе, ты заслужила счастье», – подумал я про себя, но вслух не посмел ничего сказать. Ксюша вздохнула и продолжила:

– Муж вырос в большой семье. Отец – русский, пил. Мать – немка. Это была неблагополучная семья. Я часто задаю себе вопрос, почему я вышла за него замуж? Молодая была, до свадьбы, вроде бы, всё было нормально. И вот терпенье моё кончилось, и мы решили с ним развестись. Он уехал в другой город, 50 км от нас, быстро нашёл себе женщину, а может, она и была. Правда, она чуть не отравилась, прожив с ним два месяца. У нас была двухкомнатная квартира, и он стал нас выгонять из неё. Одну комнату закрыл на большой навесной замок, чтобы туда дети не заходили, это была его комната. Меня контролировал и бесился, если я хорошо выглядела. При детях говорил, чтобы я их сдала в интернат, потому что одной трудно воспитывать, сам уклонялся от алиментов. Говорил своим малышам, что они ему не нужны. Написал бумагу, чтобы дети не носили его фамилию, я переписала их на мою. Так продолжалось 2 года. Поживёт пару месяцев с другой, и снова домой. Грубостью и злом хотел помириться. Я видела, что ему дети не нужны. И я его уже откровенно ненавидела. Зачем мириться? Было очень трудно материально, началась перестройка. Я за детей боялась, сорвутся мальчишки, потеряю всё. А он пьянствовал – дома один или с друзьями. Всего и не расскажешь, стыдно. Так что я не имела свободной жизни и после развода. Потом мы разменяли квартиру на две однокомнатные. Мы жили теперь за десять км от него. Он никогда не интересовался, как живут его дети. Потом он женился, растёт сын. Живёт до сих пор в своей однокомнатной квартирке. А мы год прожили в однокомнатной, потом я заняла денег и поменяла её на двухкомнатную. Работала на заводе контролёром семь лет среди мужчин. Я думаю, ни один не может сказать обо мне плохо. Я себя не распускала. Относились ко мне с уважением, делали комплименты. Дети учились, занимались спортом, поддерживали друг друга как могли. Летом они у меня в каникулы подрабатывали на заводе. После работы я ещё шила. Вместе мыли подъезды. Вместе сторожили в детском садике. Вместе ездили в лес за брусникой и клюквой и продавали вместе, чтобы одеться. Много садили картошки и овощей. Мои мальчишки по огороду таскали тяжёлые мешки, а папа как-то проехал мимо на мотоцикле с гордо поднятой головой, не подумав помочь сыновьям. В те годы зарплату уже не давали, завод закрылся. Я целый год была безработной, хорошо руки мои кормили нас. Ложилась спать и думала, чем завтра накормить детей. Радовалась каждому заказу, брала недорого, делала быстро. Дети засыпали, и всю ночь напролёт стучала моя швейная машинка. Наплачусь за ночь. Не старуха ещё была. Так хотелось прижаться к надёжному плечу, так хотелось засыпать и просыпаться с поцелуями. Так хочется душевного покоя, знать, что ты кому-то нужна, чтоб в глазах огонёк был. Чтоб заботиться о близком дорогом человеке, ждать его с нетерпением, чтоб душа радовалась. Так угнетает одиночество. Эти мечты были у меня ещё смолоду, но не стал мой муж таким, как я хочу. Наверно, кто перенёс чувство одиночества, больше ценит любовь и верность. Наплачусь за ночь, а утром бегу по магазинам покупать детям нужные продукты. Вообще, я очень общительная, люблю гостей. Тогда был коллектив, ко мне часто приходили женщины с заказами. Я пекла булочки, мы пили чай, иногда ходили погулять. Мужчин я не приглашала, долгое время смотреть на них не могла. Не все женщины жили так, как я! За выживание боролась как могла. Трудно было до

ужаса. Как-то раз в тайге с детьми заблудились, напугались и устали страшно. Дождь льёт, а мы ягоду собираем, до сорока вёдер за сезон. Жили в лесу в палатке по две недели. Не каждая поедет кормить комаров. Я плакала, молилась и подбадривала сыновей. Как бы трудно нам было, но мы держали себя в руках и вели нормальный образ жизни: мы не курили, не пили, дети мои бутылок и пьянок не видели дома. У нас всегда была тишина, покой, уют. Никаких бранных слов не было, хотя было нелегко с сыновьями, не всегда было гладко.

Старший учился очень хорошо. Были грамоты и спортивные призы, ходил в музыкальную школу по баяну, но оставил – было дорого. Сейчас играет на гитаре. Очень добрые у меня сыновья, отзывчивые. Лучший кусочек всегда маме. Переживают, что я одна. Старший хотел идти учиться в институт, да ездить далеко, а на поездку денег нет. Пошёл в техникум рядом с нашим домом. Всегда помогал своим друзьям. Был домашним, мне было с ним легко. И вдруг с ним случилась беда, друзья затащили, а он безотказный, и свершилась глупость. Надо было погасить ущерб, или – посадят. Я обратилась за помощью к его папе, но он промолчал. До меня ещё никак не доходило, что родной человек может так поступить? Это сейчас он интересуется, как они живут. В общем, наплакалась я, напереживалась. Все беды и радости, и заботы, и переживания за моих сыновей на меня одну легли, я рано поседела и состарилась. Я была им и мать, и отец. Отстояла, уберегла от тюрьмы и от армии, сюда их привезла.

У второго сына не очень покладистый характер, пришлось с ним повоевать, был переходный возраст. Сейчас, слава Богу, всё нормально, выучился здесь на сварщика, работает, машину взял в кредит, мечтает дом построить на две семьи, есть подружка, которую любит. Старший сын тоже приобрёл специальность, недавно переехал сюда с семьёй. Взял жену с ребёнком, девочке три года – зовёт его папой. Он любит детей и о ком-то заботиться. Ждут ребёнка сейчас, – так что я почти бабушка. Он много читает, ходит в церковь. Я порой сама удивляюсь, как это мне всё удалось. Нет, это с Божьей помощью. Действительно, нам Бог помогал. И мой сын поверил в Него, в самые трудные для себя дни стал ходить в церковь, ещё в России. У меня мягкий характер, а сыновьям нужно немного строгости. У нас в городе была очень развита наркомания, пьянство. И, слава Богу, они выросли у меня порядочными людьми. Я очень благодарна Богу, что у меня есть дети. И очень жаль, что ни я, ни дети не почувствовали с отцовской стороны ни чуткости, ни доброты. Обидел он нас троих и ни разу не извинился. Может быть, я была не права, что лишила детей отца, но в те времена я думала, лучше – без скандалов, унижений и пьянства. Дети его боялись. Сейчас они сами мужчины, а к чужим у меня сплошное недоверие. Сыновья переживают за меня, а что поделаешь? Конечно, обращают на меня внимание мужчины. Если женатые, то мне не нужны, у меня есть самолюбие, и я не вмешиваюсь в чужие семьи. Если пьёт – не нужен. Нужно, чтобы нравился. Я не говорю, что я красивая и святая, у меня тоже есть характер, ошибки и грехи как у всех. Пока мы жили в общежитии, приезжали два местных немца свататься. Один повёл себя нагло, неужели я поеду с ним, если он мне не нравится, пусть он хоть трижды миллионер, если не врёт. Познакомили меня и с нашим земляком. Обрадовалась. Верующий, – не соврёт, не обманет. Встретились, поговорили, знает многие страницы из Библии на память. Второй раз пригласила его домой. Он говорил, что у него нет денег на хлеб, я по своей наивности слишком доверяла, дала ему 150 евро на хлеб и бензин. Сама получаю 610 Э. Так прошло три месяца, – не звонит, и денег нет. Ещё он словами обидел до слёз мою знакомую.

Тётя Мария – несчастная женщина, так жалко её, утешаю, как могу, а у самой иногда сил нет. Надумала она назад уезжать в Сибирь. Там у неё ещё дочь и сын остались. Не может освоиться, в возрасте уже, и одна осталась. Да и горе непосильное для одинокой женщины навалилось, выдержит ли? Года они здесь не прожили, собрались из Билефельда обе её дочери с мужем в гости к тёте Марусе. Поехали на

одной машине, выскочили как-то на встречную полосу и столкнулись со встречной машиной. Обе дочери – насмерть, машина – шрот, а зять за рулём даже не поцарапался. Вот ей все внуки и достались, согнуло совсем её горе. Смотреть больно. И что интересно, и я у них в гостях была в тот день. Расставила хозяйка руки в дверях, обижалась, не отпускала меня с сыном домой. Говорила – пусть твой сын едет, а ты с моими дочерьми вечером поедешь. Не согласилась я, уехала. Спешила домой чего-то, а то погибла бы с ними в тот вечер. Бог спас меня опять!

Знакомые земляки заботятся обо мне, знакомят. Вдовцы звонят всякие, но издалека, они сюда не хотят, а я – туда. Не брошу же своих сыновей. Как же верить людям с моей израненной душой? Если бы я быстро заводила знакомства, была бы наглой, грубой, – может, мне было бы легче переносить обманы, но у меня другой характер, и я не хочу никого обижать и обманывать. Вот читаю Библию, правда, нечасто, когда очень тяжело, читаю. Читаю «Советы матери-Терезы». Люблю стихи Ахматовой, Асадова. Недавно открыла себе очень интересную поэтессу – Любовь Бледных. Мне нравится, как они пишут. Мне интересно читать исторические романы, очень люблю природу, животных, детей, естественно. Гуляю одна, дети выросли. У них свои дела, проблемы. Веду домашнее хозяйство, слушаю музыку, танцую сама с собой. Люблю путешествовать, хотя нигде не была и ничего не видела в жизни. Ценю в людях юмор, наивно верю в романтику. На велосипеде езжу на работу. Городок у нас маленький, с работой трудно, выучилась я на курсах на «циммермедхен» – в отеле работать, но устроилась пуцать на фирме. Помогаю как могу сыновьям. Скоро опять буду нянькой. Может, всё наладится. Время лечит. Хочется всё забыть, жить не прошлым, а будущим. Хочу смеяться, а не плакать. Радоваться жизни, конечно. Надеюсь и молю Бога, что он всё устроит. Мне ведь так мало надо!

МОБИНГ

Психологической террор, травля, наносит страшный вред психике, разрушает здоровье человека.

В субботу утром в Германии была прекрасная погода. Арнольд зашёл в «LIDL» купить хлеба. Держа в руках хлеб, почувствовал грубый толчок в спину, чьим-то плечом. Проходивший местный немец, с видом яркой агрессии, не стесняясь громко выдал:

– Schlamscheiser (Шламшайсер).

Арнольд обернулся и узнал своего коллегу по работе Эрнестера Дояра. Зная его дурной характер, промолчал. Тот раскачивающейся походкой «пахана», взял упаковку любимого напитка и исчез. Арнольд с хлебом пошёл на кассу и увидел вновь коллегу в начале очереди, почти у самой кассы. Тот обернулся, увидел Арнольда и на весь магазин стал кричать:

– Шламшайсер!

– Ецт райхт! – громко ответил Арнольд (Теперь хватит!).

– Вас? Вас хаст ду гезагт? (Что? Что ты сказал?) – сорвался с места и, пролетев вдоль очереди, как дьявол, он подскочил к Арнольду.

– Вас? Вас хаст ду гезагт? – сильно толкнул он Арнольда рукой и, задираясь, упёрся нос к носу.

Люди в очереди округлили глаза.

Арнольд вскипел, адреналин с шипением взлетел по жилам в головной мозг, но он взял себя в руки, вспомнив подобный случай в переселенческом лагере. Тогда один русак с одного удара врезал так, что сшиб с ног такого задиру. Его челюсть собирали по частям, и он до сих пор говорит как Брежнев на последнем съезде. Теперь русачёк

этот будет всю жизнь платить ему алименты и содержать его пожизненно. Многие умники специально провоцируют других, чтобы присосаться к чужим, лёгким деньгам.

– Ецт райхт! – спокойно повторил Арнольд. – Ихь гее цу полицай! Унд мах анцайге! (Я поеду в полицию и сделаю заявление. Расскажу все твои выходки).

Немца как ветром сдуло. В мгновение ока он оказался опять у кассы.

– Можешь идти! – крикнул он оттуда на весь магазин, но уже не так грозно.

– А ты как думал? И пойду!

– Иди, иди! – посоветовал он и, расплатившись, исчез на выходе.

– Кто это? Ваш сосед? – спросила пожилая женщина, стоящая в очереди перед Арнольдом.

– Нет! Это мой коллега по работе. Он мне такие концерты на фирме через день устраивает.

– А что вы терпите? Немедленно обратитесь в полицию.

– Хорошо! А вы свой телефончик не дадите? Я бы указал вас в качестве свидетеля.

– Конечно! Конечно! – отозвалась женщина и написала на клочке бумаги свои данные. Очередь ошарашено молчала. Выйдя из магазина Арнольд осмотрелся, немца нигде не было. Арнольд сел в машину, его трясло от расстройства, но он твёрдо решил ехать в полицию.

Дежурившая в окошечке женщина спросила:

– В чём дело?

Арнольд сказал, что хочет сделать заявление.

– Присядьте, пожалуйста, Вас сейчас пригласят.

Через некоторое время в фойе вышли пожилой мужчина и молодая женщина с пистолетами на боку. Они вежливо пригласили Арнольда в запретную зону своего учреждения, открыв ключом дверь во внутренние помещения. Найдя пустой кабинет, полицейский включил компьютер и предложил Арнольду стул. Женщина уселась за стол напротив, видимо в качестве свидетеля.

– Ну, рассказывайте. Что случилось? – участливо спросил полицейский.

– Хочу сделать заявление. Мне не дают нормально жить, – и Арнольд рассказал то, что случилось в магазине.

Полицейский внимательно слушал и что-то записывал.

– Как он выглядит? – задал вопрос полицейский.

– Среднего роста, с начинающей зарождаться лысиной, без живота, с самоуверенной, раскачивающей походкой, одет всегда в одно и то же, признак холостяцкой жизни. Круглые очки с сильными увеличительными стёклами, сквозь них видно увеличенные глаза. Отвечает на вопрос вопросом. Ехидная улыбка. Задиристый и упёртый характер. Выскочка. Живёт в мире собственного превосходства. Есть в нём что отталкивающее. Курит, говорят, попивает. Своей машины у него не нет, ездит на велосипеде, в непогоду на автобусе. Мы вместе работаем.

Он числится рабочим склада, иногда садится на автопогрузчик, но ездки неважные. Как-то на фирме освободилась должность водителя тягача полуприцепов, его поставили на стажировку. Проездив учеником два дня, он сам отказался от большой зарплаты. Не по зубам работа оказалась. Задом подъезжать к рампе неспособен. Не соображает, в какую сторону руль крутить надо, когда машина движется задним ходом – объяснял причину стажировщик. Много о нём говорят на работе, но хорошего говорят мало. Он со всеми постоянно в конфликте.

– Ну, хорошо! Давайте посмотрим, если он знаком нашему компьютеру. Как зовут вашего обидчика? – спросил полицейский.

– Арнольд назвал фамилию. Полицейский отстучал на тастатуре данные.

- Ага! Он живёт по адресу...? Работает на фирме...?
- Да! Я же говорил, мы работаем на одной фирме, он и там постоянно провоцирует меня и придирается ко всему. Чтобы ты не сделал, всё не так.
- Мобинг? Ну-ка рассказывайте всё, что у вас на душе? А я оформлю заявление. Но помните, вы в любое время можете забрать заявление и прекратить его действие.
- Я ему зла не желаю, извинится – заберу непременно. Я покоя хочу. Ему 61 год, до пенсии осталось 4 года, он моложе меня на 23 дня. Что ему не так?
- А вы не боитесь, что после этого заявления будет ещё хуже? – спросила женщина-полицейст.
- А разве Вы и государство не способны меня защитить? – удивился Арнольд. – Есть общечеловеческие правила, есть закон, мораль, наконец, или это не для всех?
- Вы такой бледный? Вам не плохо? Давайте я врача вызову, а то упадёте ещё тут у нас... – перешла она на другую тему.
- Не надо. Я уже успокоился, если что, я сам заеду к врачу.
- Ну, хорошо, перейдём к проблемам, – попросил полицейский.

Арнольд рассказал, что работает на фирме уже 8 лет. Ещё работая в секторе отгрузки, Арнольд как всегда отсортировал деревянные поддоны по сортам, целые – от неисправных, и аккуратный штабелёк приготовил к завтрашнему дню. Вдруг приехал на погрузчике какой-то чужак из другого склада, не спросив, нагло взял все готовые поддоны и хотел увезти. Рабочие закричали, Арнольд подъехал и перегородил нахалу дорогу своим погрузчиком.

- Положи на место! – сказал Арнольд. – Вон там целая куча поддонов, сортируй и бери, сколько хочешь, а эти оставь, это наши! Мы над ними уже попотели.
- Здесь нет ваших и наших, всё принадлежит фирме! – ответил нахал и хотел уехать с добычей. Подошёл начальник и велел чужаку всё поставить на место. Недовольный чужак укатил восвояси и с тех пор, как сиамский кот, затаил ненависть и месть.
- Ну вот, теперь у тебя появился «друг» и много проблем, – шутили коллеги. Он иностранцев не переносит.
- Я не иностранец! Я немец! Я же не виноват, что родился в России, – ответил Арнольд.
- Это ты так понимаешь, а он всё видит по-другому, и таких, как он, здесь много.

Два года тому назад по состоянию здоровья Арнольда перевели в другое отделение, на склад номер 21. Работа новая, Арнольд старался: что не знал, спрашивал у коллег, – все помогали, объясняли, только «друг» всегда отвечал вопросом на вопрос, язвил, грозился и ухмылялся. На новом месте Арнольд на автопогрузчике впервые разгружал с рампы 40-тонный контейнер, который стоял на полуприцепе, без тягача. Неожиданно появился «друг».

- Ты сколько лет на фирме работаешь? – был его первый вопрос.
- Шесть, а здесь первый день, – ответил Арнольд.
- Я позвоню сейчас в службу безопасности, и у тебя отнимут водительские права, – заявил «друг».
- Почему? – удивился Арнольд.
- А ты не знаешь?
- Нет!
- Останешься без прав, узнаешь! – пригрозил «друг».
- А ты что, по-человечески сказать не можешь? – возмутился Арнольд.
- Поставь колодки под колёса полуприцепа и подставку спереди под седло, что б контейнер не опрокинулся, когда погрузчик заедет во внутрь.

– Спасибо! – сказал Арнольд, а про себя возмущённо подумал, что по-нормальному сказать никак нельзя? Обязательно раздраконить надо?

Возвращаясь домой, Арнольд увидел «друга», идущего пешком с работы, остановился и предложил подвезти. «Друг» обложил его громкой бранью и долго орал в след. «Больной!» – подумал Арнольд и дал газу.

Новый коллега ни кого не любил, строил козни, причём всё рассказывал, переворачивая истину, выставляя себя в выгодном свете, негатив спихивая на других. При каждой встрече с Арнольдом он ехидно улыбался, гримасничал, показывая свою ненависть и презрение, неважно, где проходили встречи – на работе или в городе. Он как бы говорил: «Ну погоди! Понаехали тут!»

Как-то в городе, выходя из переулка, Арнольд заметил на главной улице идущего «друга», пришлось остановиться, постоять незамеченным, переждать, пока друг не исчез из поля зрения. «Уже и в городе от него покоя нет», – возмущался про себя Арнольд.

Однажды на базаре увидев Арнольда, он стал с издёвкой что-то рассказывать своему спутнику, тоже их коллеге, и всё время прилюдно показывал пальцем на Арнольда. Арнольд, видя это, развернулся и пошёл в другую сторону, от греха подальше. На душе стало так противно, что плевать хотелось. Этот «друг» каждый день доставал так, что Арнольд пошёл к начальнику.

Начальник приятный, добропорядочный, деловой человек – перевёл Арнольда из 21 в 17 склад.

Арнольд, наконец, вздохнул свободно, но месяца через два пронёсся слух, что «друг» перессорился со всеми, и на другое утро его тоже перевели в 17 склад. Всё началось сначала.

Друг специально взял шкафчик в раздевалке недалеко от Арнольда с явной целью контроля и притеснения. Он никогда ничего не хранил в шкафчике, но в любое время мог зайти, покрутиться и прицепиться к чему-либо. Потом Арнольд заметил, что его замком на шкафчике кто-то интересовался, на нём были следы силы, но замочек выдержал. Возможно, кто-то хотел подкинуть компромат, воровство приписать, сделали вывод коллеги.

Как-то в воскресенье Арнольд поел в гостях «корейскую морковку с чесноком», и в понедельник на работе кто-то спросил:

– Что чеснок ел? Я тоже люблю! Разжижает старую кровь. Полезно!

Через три дня, в среду, в конце рабочего дня, «друг» от кого-то прослышал про это, как рыкающий лев налетел он при всех на Арнольда, накричал, нахамил, взвинтил обстановку, привёл начальника в бытовку, кричал, как будто вся его одежда в шкафчике провоняла. Начальник принюхался сам, спросил других, никто не обнаружил запаха и не подтвердил обвинения. Шеф предупредил «друга», чтоб не выдумывал ничего и не сотворял вражду в коллективе. Недовольный «друг» пошёл вон.

«Слышал звон, да поздно было», – шептались меж собой коллеги.

В другой раз «друг» пришёл на место, где работал Арнольд, и начал как всегда придирается и указывать. Арнольд долго терпел и молчал, но потом не выдержал:

– Знаешь что? Иди на своё рабочее место и делай своё дело, а я свою работу и без тебя знаю. Ты по должности такой же, как я, что ты мне постоянно указываешь. Что ты меня жить учишь? Кто ты такой вообще?

– Я кто такой? Я немец! А ты кто такой?

– Я тоже немец! Такой же, как и ты, а за таких немцев как ты, мне порой очень стыдно.

– Что? Что ты сказал? Ты – немец? – подскочил «друг», сжимая кулаки, и уставился нос к носу. Все рабочие молча наблюдали за очередным конфликтом. Арнольд развернулся и снова пошёл к начальнику.

– Я на работу хожу работать, а не нервы портить. У меня больное сердце, мне стрессы ни к чему, – объяснял он начальнику. – Что он ко мне постоянно пристаёт? Я что ему должен?

– Я с ним поговорю, – пообещал начальник.

«Друг» на время затих.

– Горбатого могила исправит, – говорили в отсутствие «друга» коллеги. – Он со всеми скандалит. Когда другим хорошо – ему плохо. Ему надо кого-то укусить. Он по-другому не может.

Однажды, возвращаясь с работы, Арнольд заметил, что очень трудно ехать за впереди идущей машиной, присмотрелся, а там «друг» за рулём, едет специально очень медленно, чтобы Арнольд посигналил или обогнал, чтоб была причина позадираться, но Арнольд, видя очередную провокацию, кротко поплёлся следом, за ними образовалась автоколонна. Ребята на работе удивлялись, откуда у «друга» машина? Оказалось – у подруги занял. На перекрёстке, когда на светофоре загорелся зелёный свет, «друг» специально не поехал, провоцируя напряжёнку, Арнольд терпеливо молчал, зато сзади машины начали отчаянно сигналить, и «друг» нехотя поехал. Арнольд включил поворот и ушёл вправо, чтоб не видеть его, поехал домой другой, дальней дорогой.

Обида и возмущение перебивали друг друга. Арнольд честно рассказал полицейским всё, что вспомнил.

– Как вы думаете, он вас преследует потому, что вы приехали из России?

– Не могу знать, всё что знал, рассказал, – ответил Арнольд.

Закончив разговор, полицейские проводили Арнольда до выхода.

– Обязательно сообщите на работе своему начальнику и профсоюзному богу то, что вы были у нас и по какому поводу, – сказал мужчина.

Все болезни от нервов. По пути домой Арнольда колотило от озвученных воспоминаний, и он заехал к дежурному врачу. Тот в первую очередь спросил карточку медицинского страхования и десять евро. Потом прощупал пульс, замерил давление, сделал электрокардиограмму сердца. Всё показывало полный дисбаланс организма. Расстройство всех систем.

– Расстройство – это землетрясение организма, – сказал врач, дал таблетки, велел отлежаться и успокоиться под его наблюдением, и только через час отпустил домой.

В понедельник после первой паузы «друг» опять, как петух гамбургский, наехал на Арнольда и начал качать права, давать указания, капать на мозги. Арнольд, взвинченный и доведённый до отчаянья, резко сдал на погрузчике задним ходом, не заметив препятствия, врезался в контейнер. От удара газовый баллон с топливом сорвался с погнутых креплений и повис на шланге, только чудом не произошёл взрыв. Арнольд взбунтовался, поправил баллон, поехал на изуродованном погрузчике к шефу и рассказал, что произошло в субботу и всё, что случилось сейчас. Шеф недовольно

хмурился и качал головой, потом велел ехать в мастерские на ремонт. Когда Арнольд вернулся на своё место, подошёл шеф и сказал, что перевёл «друга» навсегда в первый склад. Арнольд облегчённо вздохнул.

Через несколько дней на улице «друг» снова нашёл Арнольда.

– Ты что заявил на меня в полицию? – спросил он.

– Ты же сам на весь магазин кричал и просил, чтоб я это сделал. Я исполнил твоё желание, есть свидетели.

– Из-за тебя я теперь на плохой работе, – заорал «друг».

– Из-за меня? Это ты никому жить не даёшь, в душу гадишь. Люди все рады, что тебя теперь нет с нами.

– Ну ладно, ладно! Но запомни, если состоится суд, будут последствия.

Арнольд дал газу и уехал, не дослушав угроз.

– Что он на тебя кричал? – подошёл к Арнольду коллега, который всё видел.

– Грозился опять. Прямо террорист какой-то, – ответил Арнольд.

– Да, влипли мы. И тут душа не лежит и там делать нечего.

Коллега, он же земляк, рассказал, что гулял как-то с внуками в парке, а навстречу «друг» прёт как танк, глаза вылупил, пришлось с внуками свернуть на первом повороте. За малышей страшно стало, что у него на уме – неизвестно. По телику такие страсти показывают. Одна женщина из наших рассказывала, что она раньше в кафешке работала официанткой. Там бритоголовые собирались, но она сначала не знала. Вели они себя нагло, цинично, бранили, хамили, у одного даже сотовый телефон отзывался голосом бесноватого ефрейтора. Там «друг» примелькался ей, уйти пришлось с той работы, страшно стало.

– Так что держи уши на макушке, – сообщил шёпотом коллега. – Сам знаешь, что горбатого могила исправит.

– У меня здесь с местным соседом случай был, – продолжил разговор Арнольд. – Однажды я уехал на пару дней и не выставил по графику контейнер с мусором на дорогу. Вскоре пришло грозное письмо от домовладельца, в нём говорилось о том, что по сигналу жильцов была специально вызвана машина с бригадой мусорщиков, и за проделанную работу прилагался круглый счёт, который необходимо оплатить.

«В чем дело?» – позвонил я в домоуправление. «Мы обязаны реагировать на заявление жильцов, а из вашего дома был такой сигнал», – виноватым голосом сказала служащая. «Кто позвонил?» – спросил я. «А вы не догадываетесь?» «Миллер? Сосед снизу?» В трубке промолчали. Молчание – знак согласия, – подытожил я.

– Да он и нам надоел со своими претензиями, – продолжил коллега, – вечно всем недоволен, целый день дома сидит, делать нечего вот он всех контролирует, а что поделаешь? Мы должны реагировать.

– Я давно заметил, что он не здоровается, а когда я выбрасываю мусор, всегда в помойку лазит и перебирает всё. Ищет к чему придраться. Ну, я его проучу!

– Как?

– Узнаете!

В тот же день я бросил соседу в почтовый ящик своё письмо и счёт.

Вечером, информированный сосед, с радостными глазками, принёс письмо и сказал, что оно почему-то оказалось в его почтовом ящике.

– Это я вам его бросил, чтобы вы были в курсе ваших добрых дел. Урну по-соседски выставить было, конечно, нельзя, я ведь предупреждал соседей, что уеду. Но у вас свои дороги.

Вечером, вынося мусор, я позвонил в дверь, на пороге появился жующий сосед с вилкой в руках.

– Будете контроль проводить? – наивно спросил я и сунул ему под нос открытый мешок с вонючими отходами. – Вам же неудобно каждый раз в контейнер лазить и контролировать отходы, а так прямо «экспресс сервис» с доставкой на дом, это чтоб вам удобнее было делать своё дело.

Сосед отпрянул, что-то пробубнил и закрыл дверь. В следующий выход я закрепил соседу пройденный материал, снова позвонил, снова сунул под нос пакет с мусором. Сосед завозмушался и захлопнул дверь.

Сосед, правда, здороваться не научился, но мусор контролировать перестал.

В субботу из полиции пришёл бодрый ответ. Старший адвокат сообщал, что согласно § 190 Абзац 2 Strafprozessordnung дело прекращено из-за отсутствия причин:

1. Не хватает оснований для принятия жалобы.
2. Обвиняемый не подтверждает изложенное.
3. Свидетель не могла ничего вспомнить о случившемся.
4. Других свидетелей по делу нет.
5. К поданному заявлению невозможно найти доказательств.

Поэтому дело прекращено за отсутствием доказательств.

«Ну, нет так нет! На нет и суда нет!» – подумал Арнольд.

Нынче цивилизация привела к тому, что уже не важно, кто прав, а кто не прав; важно, чей адвокат лучше, а чей хуже, – прочитал он в интернете.

В понедельник выпал снег. Арнольд на улице сортировал поддоны. Вдруг услышал настойчивый автомобильный сигнал. «Друг» с его новым начальником ехали прямо на Арнольда. «Друг» резко выскочил из машины и нагло сунул под нос Арнольду письмо.

– На, читай! – заявил он.

– Я в курсе, мне тоже пришло такое письмо. Дело прекращено, я даже рад. Я от тебя ничего не хотел. Только оставь меня в покое!

– Это другое письмо! Это я на тебя в полиции сделал заявление за оскорбление меня. У меня два свидетеля. Я тебя сожру! (Ихь фрес дихь ауф!) – прошипел он с ненавистью.

– Оставь меня в покое! Мне всё это надоело! – ответил Арнольд.

– Я сказал! Я тебя сожру! – горел злобой «друг»

– Вот за эти угрозы тебя снова можно привлечь к ответственности напомнил ему Арнольд.

– У тебя нет свидетелей! Я этого не говорил.

– Бог свидетель! – ткнул пальцем в небо Арнольд.

«Друг» запрыгнул в машину, и они укатили.

Арнольд сразу зашёл к начальнику, показал ответ полиции и попросил разжевать казённые слова, а потом рассказал о только что состоявшейся встрече.

– Ну, всё! Успокойся! Он назад к нам не вернётся. Он каждый день бегает за мной, и просится обратно. Теперь всё. Отрезано!

После обеда мимо Арнольда проехал «друг» и со злобной ухмылкой излучал испепеляющий взгляд, он чуть голову себе не свернул, оглядываясь.

– Ты что грустный такой? – спросила Арнольда жена, когда он пришёл с работы.

– Да «друг» жить не даёт. Теперь он на меня телегу накатыл в полицию, как будто я его оскорбляю, притесняю, и двоих свидетелей указал.

– А ты сделай его невидимкой. Не замечай, не отвечай, не слушай. Нет его для тебя. Не существует! Может, тогда он заскучает и уйдёт на новые «пастбища»?

– Он же социопатичен, у него тараканы в голове и в личной жизни. Он принимает взаимоотношения только сильный-слабый и абсолютно не готов к другому взгляду. Он бесится, когда его игнорируют. Это же энергетический вампир. Ему нужна негативная энергия, он же из кожи лезет, чтобы привлечь к себе внимание, чтоб кого-то раздраконить.

Приехав на работу, Арнольд увидел на проходной «друга», пришлось незаметно запарковаться и подождать в машине, пока «друг» пройдёт мимо и удалиться.

«В туалет пойдёшь на работе, думаешь, как бы он не встретился, в первый склад пошлют – катастрофа. У меня уже все мысли о нём. Ложусь спать думаю о нём, встаю, думаю о нём, днём мысли крутятся о нём, где, когда и как он перейдёт дорогу, он как оккупант занял всё моё мысленное пространство, да зачем он мне нужен!» – с возмущением ловил себя на липкой мысли Арнольд.

На другой день по служебным делам Арнольд пошёл в контору и нечаянно встретил начальника повыше.

– Слышал у тебя проблемы с «другом»? Зайди, расскажи новости.

Арнольд рассказал.

– Да! У нас на него и раньше жалобы поступали, но люди боятся. Ходят слухи, он связан правыми экстремистами. Он жаждет быть первым и не терпит непокорных. Мы примем меры.

На день рождения – двое-трое, те, кто родился в один месяц, в складчину по традиции угощают своих коллег обедом, в основном пиццей, но «друг» отказался объединяться с Арнольдом и угощал месяцем позже булочками, дешёвыми «берлинерами». Люди ели сухомятку и ехидно улыбались. Арнольд тоже подошёл, хотел поздравить его, но «друг» руку не подал, тогда Арнольд тоже отказался от угощения, развернулся, ушёл с глаз долой. Все это заметили. А шеф позже сказал: «Не верь ему, он не переродился, притаился просто».

Продолжение следует!!!

Может Вы знаете, ЧТО ДЕЛАТЬ?

Райнгольд Шульц. Гиссен.

МАЕР ВЕРА

В Висбадене, в торжественной праздничной обстановке, в 38-й раз за всю историю лучшие граждане города были награждены двадцать одной серебряной и тремя золотыми медалями. Среди награждённых – ведущие политики, выдающиеся бизнесмены, руководители крупных фирм, активные общественники.

В изумительно красиво украшенном зале Ратуши «Käfer`s» самая известная фирма в Германии по обслуживанию торжественных мероприятий сервировала столы с

немецкой аккуратностью. Ненавязчиво играла музыка, подносились изысканные угощения, и настал торжественный момент.

Обербургамайстр Доктор Хелмут Мюллер и представитель CDU Вольфганг Никель добрыми словами рассказывали о личном вкладе каждого в большое дело на благо общества.

С прекрасными пожеланиями и огромным букетом великолепных цветов, под вспышки фотокорреспондентов, вручались государственные награды.

Среди награждённых серебряной Гражданской медалью за общественную работу, связанную с интеграцией русскоговорящих жителей, была председатель Землячества Немцев из России города Висбадена Вера Майер.

Родители Веры Каус – поволжские немцы, после отмены комендатуры и запрета возвращения на родину более одиннадцати раз меняли своё место жительства и осели в Киргизии. Окончив во Фрунзе школу, Вера вышла замуж за Александра Майера, и они переехали в Караганду, где у них родились две дочки: Женя и Ирочка.

После окончания курсов Вера работала в универмаге и стала товароведом. О своих друзьях в стране «ЦУМии» вспоминает с оптимизмом, но с 1988 года там ещё не бывала.

После переезда в Германию, в столицу земли Hessen, они впервые попали на новогодний вечер, организованный штудгардским землячеством, и сразу вступили в эту организацию немцев из России. Ей предложили работу в «Доме Родины», где она и трудится по сей день.

В Германии о Вере Майер узнали из книги немецкой писательницы Маргит Науманн «Geboren in Kasachstan», в которой описывается судьба семьи, переехавшей в 1988 году из Казахстана в Германию.

Судьбы живущих в Висбадене российских немцев также были раскрыты в телефильме «Heimat». Во время первой демонстрации фильма в зале не было пустого места. Этим показом стартовал проект «Между культурами». Работу Веры Майер и Маргит Науманн жюри отобрало для участия в фестивале «Video-Film-Multimedia 2004», который состоялся в Дрездене в здании Международного конгресс центра.

Здесь были представлены лучшие киноленты 2004 года и фильм, рассказывающий о наших земляках, который был выбран из 133 кинокартин для презентации. Фильм отметили призом фестиваля. Диплом авторам вручали телеведущие Линда Зюс (MDR, Лейпциг) и Доминн Полл (BR, Мюнхен). Демонстрация фильма «Heimat» прошла в городе Висбаден в рамках международной культурной недели на Calligari-Film-Bühne.

Веру Майер в Висбадене земляки знают, она постоянно наполнена новыми идеями и планами. Более двадцати лет является идеологом и исполнителем ряда разных проектов. Вера прилагает все усилия для успешной интеграции своих земляков в новую, неосвоенную жизнь. Её труд и забота были отмечены заслуженной правительственной наградой.

В зале было много людей, время бежало слишком быстро, состоялся большой концерт выпускников столичной музыкальной академии. Программа была просто божественной. Домой расходились далеко за полночь.

Среди поздравляющих большое количество Вериных друзей, политиков, Heidemarie Wiczorek-Zeul, Mitglied des Deutschen Bundestages, Bundesministerin a. D., SPD Fraktion im Rathaus, CDU Fraktion Rathaus, Dr. Kristina Schröder, Mitglied des deutschen Bundestages, Bundesministerin für Familie, Senioren, Frauen und Jugend. Ну и мы с Вами. Райнгольд Шульц. Гиссен.

Я Вам звонил утром, не знаете ли Вы эл. адрес Фердинанда Шульца
Всего наилучшего Johann Kern <Jo_K@gmx.net> Ferdinand Schulz

ФЕРДИНАНД ШУЛЬЦ

– новый вундеркинд Германии. О нём с восхищением пишут все крупнейшие газеты страны, в том числе и вторая по масштабности «Westdeutsche Zeitung». Они наперебой сообщают о большом будущем и о необыкновенных способностях молодого немца из бывшего СССР.

Фердинанд Леопольдович Шульц, дедушка вундеркинда, в Поволжье работал учителем и слыл чрезвычайно способным человеком с обострённым духом свободы. Он даже галстук носить не мог – давит. Эмма Шваб, его жена, тоже была поволжская немка из Denhof,а. В августе 1941 года они вместе со всеми были высланы в Сибирь, в Красноярский край, в деревню Малиновка. Оттуда брат бабушки перетащил их в Узбекистан.

Шульц Лида, мама Фердинанда, родилась (?) Малисае, окончила школу, потом – самолётостроительный факультет Куйбышевского авиационного института, после чего работала инженером-технологом на заводе имени Чкалова в Ташкенте, где строили самолёты Ильюшина. Там в семье советских немцев 17.09.1988 года родился удивительный ребёнок.

В 1991 году трёхлетний малыш с бабушкой и мамой переехал в Германию, и из Фридланда их распределили в город Spelle, что возле Мюнстера.

В Spelle живёт очень много переселенцев из России, отношения с местными там были напряжёнными. Много переселенческой молодёжи живёт бесцельно, не знают чем заняться, деградируют, спиваются, наркоманят, шумят, не могут найти себе место в жизни. Очень трудно мобилизовать волю и идти по жизненной лестнице вперёд и вверх к намеченной большой цели.

«В воспитании детей многое зависит от родителей, – говорит мама Фердинанда. – Я не пью, не курю, дом не строю, деньги не коплю, покупаю книжки. Потребности души считаю самым главным. Русского телевидения у нас нет, передачи смотрим на немецком, и маленький сынишка был всегда рядом».

Ещё в детском саду любопытного малыша очень интересовало, как устроен мир?

Мама научила его читать, дарила книжки. Он сам выбрал своё направление. Как-то в теленовостях его заинтересовала информация об афере с радиоактивными материалами. Пришлось маме объяснять, что такое уран, плутоний, радиация, атом. Рассказать про ядерную энергию и что случилось в Хиросиме, в Нагасаки, в Чернобыле. Молекулярная микро-технология, математика и физика его очень заинтересовали, он много читал, проводил всякие расчёты. Что разность потенциалов на концах проводников называется электрическим током, – это он знал уже в первом классе, а во втором – решал сложные математические уравнения.

В немецкой школе учиться было нелегко, потом его упорно не хотели принимать в местную гимназию. В окружении посредственных одноклассников и завистливых учителей одарённому ученику постоянно создавали искусственные трудности. Его дразнили «Русак», «Профессор», «Фахидиот». Фердинанду пришлось уйти из местной гимназии и перейти за 70 км в гимназию Оснабрюка. Он каждый день ездил на поезде, много занимался дома и в дороге, но всем доказал своё превосходство в знаниях. Он прекрасно разбирается в физике и математике. Немецкую грамматику и язык знает лучше местных, пишет и говорит на русском, английском. Понимает и читает на латинском и французском языках. Находит время для занятий Woking,om, посещает фитнес-студию.

В новой гимназии, видя целеустремлённость и необыкновенные знания, уже в декабре, после авторитетного освидетельствования преподавателями, ему предложили перейти из пятого в шестой класс. В седьмом классе он проучился нормально, затем минуя 8, 9 классы его сразу перевели в десятый и в том же году предложили учиться в одиннадцатом.

В 15 лет он успешно сдал все экзамены на абитур, уже параллельно учась в институте Оснабрюка, а в 20 лет в Вестфальском *университете имени Вильгельма, который расположен в Мюнстере*, защитил диплом по физмату.

Девушки у него ещё нет, он скромно живёт в Spelle с 80 летней бабушкой и больной, перенесшей два инфаркта, мамой. В Германии первое время мама Фердинанда, имея высшее образование и подтверждённый диплом, смогла устроиться только рабочей и раскладывала на складах товар по полкам, а по вечерам в ресторане мыла посуду. Шеф поражался её трудолюбию и часто говорил, что лучшей посудомойки он ещё не видел. Он очень удивлялся, как могла огромная страна при таких трудолюбивых работниках жить бедно и развалиться вообще. Фердинанд знает, что первый подарок матери – жизнь, второй – любовь, а третий – понимание. Она всегда наставляет, вдохновляет и гордится своим единственным сыном.

В аспирантуре университета города Вуперталья он занимался ускоренными темпами и вскоре превзошёл своего учителя, пришлось перейти в институт Оснабрюка, где информатика идёт с большим уклоном в сторону физики. Фердинанд пишет сейчас докторскую работу по очень сложной и перспективной теме о «нанотехнологиях».

НАНО – это одна миллиардная доля метра, или миллионная миллиметра, маленький миллиметр для нано, как Эйфелева башня для блохи. «Нано» – по-гречески карлик. При помощи НАНО в будущем будут создаваться из атомов продукты и товары с удивительными, просто фантастическими свойствами.

В 26 лет Фердинанд будет самым молодым доктором Германии по теоретической физике. Трудолюбивому переселенцу немецкие специалисты пророчат грандиозное будущее.

Райнгольд Шульц. Гиссен.

ЕЛЕНА ФИШЕР

Талант не страдает бессонницей.
Он бодрствует в каждом из нас и рвётся на свободу.

Эстетический голод немецкого народа очень велик, и свидетельство тому телевизионное шоу немки из России Елены Фишер. У этой замечательной певицы сильный, чистый, звонкий вокал, откровенно красивая внешность и отточенные сценические манеры. Приятный мелодичный голос, отсутствие акцента в немецкой речи и святая её непосредственность производят на публику сильное впечатление. Елена легко и профессионально двигается по сцене, любит камеру, а камера любит её, молодую, талантливую певицу. Новая звезда немецкого шлягера, имя которой уверенно занимает первые строчки в хит-парадах Германии и Австрии, уверенно восходит к зениту. Немцы дают ей высшую оценку и влюблены в неё семейными династиями.

Дедушку Елены, Фишера Георгия Антоновича, и её бабушку Отелию Лаврентьевну в 1941 году, как и многих поволжских немцев, сослали в Сибирь. Семья из десяти человек попала в Красноярский край. Она занимала небольшую комнату в бараке на станции Злобино Транссибирской магистрали, что лежит на правом берегу батюшки-Енисея.

Семья Феттер, бабушка и дедушка Лены со стороны матери, жила с тремя детьми тоже на правом берегу реки, в двухкомнатной хрущёвке города Красноярск. В квартире у них всегда было по-немецки чисто и уютно.

Пётр Фишер, отец Елены, познакомился с Мариной Феттер, матерью певицы, и они полюбили друг друга. Приём сватов прошёл на высоте. Обед превратился в традиционный ритуал: стол накрыли скатертью, выставили самодельные деликатесы, подали вино в маленьких рюмочках, и полились деловые, а потом и житейские беседы. Сватовство прошло успешно.

Пётр Фишер привёл свою молодую жену Марину Феттер в родительский барак. Свадьба у Петра и Марины была скромной. Застолье началось с горячего. Гостям подали сибирские пельмени с бульоном. Столы были заставлены закусками и недорогим вином. На свадьбе гуляли весело и дружно, шутили, смеялись, пели и плясали.

У Марины удивительное лицо! Какое-то особенное. И сама она вся хорошенькая, как куколка. А «куколка» была способна на рискованные поступки.

В конце семидесятых годов семья Феттер подала документы на выезд в ФРГ. За рубеж студентку Марину не пустили, зато исключили из комсомола, это автоматически влекло за собой исключение из вуза, но всё как-то обошлось. Потом она работала инженером на кафедре в том же высшем учебном заведении.

Папа Лены, Пётр Фишер, человек со строгим нравом. Его, как учителя, в школе боялись и слушались больше, чем директора. Физрук ходил по школе в аккуратном фирменном костюме и кроссовках Adidas. Все знали, что у него есть родственники в Германии. Мечтой Петра были популярные пластиковые лыжи фирмы Fisher. Он много работал, но его планы и мечты в СССР так и не сбылись.

5 августа 1984 года в Свердловском районе города Красноярск родилась будущая певица Елена Фишер. В семье уже была дочь Эрика, её старшая сестрёнка. Леночка от рождения очень похожа на свою маму: такая же ладненькая, шустрая, звонкоголосая. Чистый и сильный голос ей достался от бабушки Отелии. Мама и папа Лены чувствовали, понимали музыку, но сами не пели. Уже в три года девочка пела по-настоящему.

Первым талантом дочери разглядел папа и стал записывать песенки малышки на магнитофон.

В июне 1988 года, когда Фишеров провожали в Германию, четырёхлетняя Леночка взяла свою игрушечную гитару и запела:

«Старая мельница крутится, вертится,
Бьётся о камни вода...»

Малышка ещё не могла все звуки чётко выговаривать, но приплясывала и пела чудно и забавно.

– Будет артисткой, – сделали вывод её родные.

Незадолго до того, как Фишеры собрались переезжать в Германию, умер дедушка – Георгий Антонович Фишер. Родственники сильно опечалились. Они установили ему памятник, а бабушка всё переживала, что некому будет ухаживать за его могилкой...

В Германии Фишеры попали в Вёльштайн (Wöllstein), что на земле Рейнланд-Пфальц. Леночку отдали в детский сад. Там она пыталась научить детей петь русские песни и обижалась, что у немцев ничего не получается.

После окончания общеобразовательной школы Елена поступила в частную музыкальную школу «Stage& Musikal School» во Франкфурт-на-Майне. Во время трёхгодичного обучения она выступала на сцене Государственного Театра в Дармштадте, а также на сцене Народного Театра во Франкфурт-на-Майне.

Однажды её маме попал в руки демонстрационный компакт-диск дочери, состоящий из шести песен. Мама тайно сделала копии и послала их в разные студии звукозаписи, чтобы посмотреть на реакцию профессионалов.

Уже через неделю девятнадцатилетней Елене Фишер позвонил известный музыкальный менеджер Уве Кантак (Uwe Kanthak), который увлёк певицу в мир шлягера.

Затем компакт-диск попал к известному продюсеру Жану Франкфуртеру. Его именем написан весь репертуар группы «Арабески». Франкфуртер сделал из исполнительницы мюзиклов настоящую звезду.

14 мая 2005 года состоялся дебют Елены Фишер на большой сцене в телевизионной программе ZDF. Это был дуэт с известным певцом и телеведущим музыкальной шоу-программы Флорианом Зильберайзенем. Выступление длилось всего семь минут, но имело большой успех.

Сразу же после выступления Флориан предложил Елене принять участие в его собственном турне. Компания там подобралась прекрасная: Dj Ötzi, Ahgela Wiedl, Nino de Angelo, Heintje-Hein Simons, Maria und Margot Hellwig, Johanes Kalpers, оркестр, хор и балет немецкого телевидения программы MDR. Почти два месяца они провели вместе, выступая в разных городах Германии, и это стало началом творческого пути певицы. Среди знаменитых артистических звёзд родилась новая звезда немецкого шлягера!

3 февраля 2006 года вышел первый альбом певицы «Von hier bis Unendlich». В 2007 году Елена выпустила свой второй альбом под названием «So nah wie du». Оба альбома получили статус «золота».

В январе 2008 года певица получила «Корону народной музыки», как самая лучшая молодая исполнительница шлягера, а 27 июня 2008 года вышел в свет третий альбом Елены Фишер «Zaubermond» – «Волшебная луна».

9 октября 2009 года вышел четвёртый альбом Елены «So wie ich bin» – «Такая, какая я есть». Её альбомы попали в первый десяток хит-парадов в Германии и в Австрии и до сих пор не покидают их, став четырежды золотыми и один раз платиновыми.

На сегодня певица выпустила в Германии и Австрии уже 9 платиновых и 17 золотых альбомов. Число проданных CD и DVD-дисков с её песнями перевалило за 2000000 отметку.

В интернете у неё тоже шквальная, просто бешеная популярность, её видеоклипы постоянно просматривают сотни тысяч фанатов.

Елена Фишер – одна из самых популярных молодых исполнительниц Европы в жанре шлягера, который пользуется большим успехом у жителей Германии и за рубежом. На её концерты ходят семьями *из трёх поколений*. Немцы любят Елену и называют её нежно «наш ангелочек» – «Unser Engelchen!».

Музыка – универсальный язык человечества. Ей не нужны переводчики. Елена своими песнями высекает огонь из сердец слушателей и наводит мосты между людьми, странами и народами.

Без песен нет жизни, как нет её без солнца. Нам, переселенцам, песня нужна вдвойне. Вся прелесть музыки – в удачной, приятной мелодии, а песни Елены мелодичны и содержательны. В них есть семя чистоты, искренности, преданности и любви.

Елена очень хотела стать актрисой музыкального театра, но стала золотой звездой немецкого шлягера. Русский язык для неё такой же, каким был немецкий язык для российских немцев в Сибири: вроде бы, родной, ласкающий слух, но ставший загадочным и не совсем понятным.

Говорить на сложные темы по-русски она не решается, потому что не успевает следить за мыслью собеседника. Она мыслит уже по-немецки. Певица не стесняется говорить о своём происхождении, даже гордится этим. На концертах восходящая звезда Германии «Хелен Фишер», так зовут её местные немцы, часто исполняет русские народные песни и символическую песню «Я родилась в Сибири».

Ей очень хочется поехать в Красноярск и лучше познакомиться с Сибирью, с людьми и городом, где началась её увлекательная, творческая и счастливая жизнь.

Райнгольд Шульц. Гисен.

P.S.

Её карьера началась как удивительная сказка, – маленькую девочку из Сибири родители привезли в Германию, и она стала большой звездой на новом небосклоне.

Немцы из России постепенно превращаются в Германии из гадких утят в прекрасных лебедей и даже ангелов! Возвратившись в родное Отечество, они поднимают авторитет российских немцев на должную и заслуженную высоту. Среди них – замечательная певица Helena Fischer, талантом которой можно по праву гордиться нам всем!

ЕЛЕНА ЗАЙФЕРТ

Молодую, симпатичную, целеустремлённую женщину Елену Зайферт знают большинство русскоговорящих немцев. На вид ей больше 25 не дашь, хотя ей уже под 40, и добилась она за это время грандиозных результатов. Сегодня она является самым молодым новоиспечённым профессором в Московском университете, с чем её от лица всех земляков и ПОЗДРАВЛЯЕМ!!!

Елена Ивановна родилась в Караганде, в 1973 году, там закончила школу и получила высшее образование, в Алма-Ате защитила докторскую диссертацию, преподавала русскую литературу, стала писать стихи и прозу, публиковалась в журналах и газетах многих стран мира, выходила победителем во многих литературных конкурсах, в том числе и закрытых, получала престижные премии, выпустила в свет

свои книги, имеет многочисленные награды. На сегодняшний день она является одним из самых образованных специалистов в области литературы русскоговорящих немцев. Пожелаем Елене – всего того, чего она хочет.

Надеемся, что самые выдающиеся события в её жизни ещё впереди, и она оставит о себе яркий след в истории русскоязычных немцев.

ПАПА ШУЛЬЦ. ГЕРМАНИЯ. ГИССЕН.

ПРО ГРАММА В НОВОЙ ЖИЗНИ

Программа телепередач интересует каждого, но я о ней писать не буду, есть более интересная тема. Я хочу рассказать про Грамма в новой жизни – активного, интересного, молодого человека по фамилии Грамм. Я расскажу про Грамма Артура, который живёт в Германии, на земле Гессен, в Грюнберге, недалеко от Гиссена.

Есть такая программа «Жди меня». Когда мне очень нужна была помощь, знакомые посоветовали позвонить Артуру Грамму, он специалист высшего класса, он поможет. Я позвонил. Он ответил: «Жди меня!» С тех пор мы дружим, и мой компьютер перестал болеть. Он грамотный компьютерщик – поставит все программы, причём многое может сделать не выходя из своего дома, дела на уровне фантастики. У него не голова, не Дом Советов, а Кремлёвский зал, всех компьютеров вокзал.

– Без букв и грамматики не учатся математике, – расспрашивал я скромного, симпатичного специалиста. – Откуда ты и где так подковался?

– План, программа у каждого своя, и, осуществляясь, остаётся в жизни след, называется судьба, – начал рассказывать Артур.

Мои пра-пра-предки выехали в Россию после того, как из неё бежал Наполеон. Приехали они из земли Баден Вюртенберг. Раньше она называлась просто Вюртенберг и была на много больше. В неё входила часть Баварии, часть Гиссена, часть потом отошла Франции, но земли в то время всё равно крестьянам не хватало, и многие подались на восток в поисках матушки-кормилицы.

В 1817 году немцы из Вюртенберга были размещены под Одессой. Раньше здесь уже похозяйничали болгары, они сделали разметки и хотели строиться, но то ли были медленны, то ли неаккуратны, но местные власти выселили их оттуда и завезли немцев, которые с немецкой пунктуальностью основали село Кассель, ныне Комаровка, немецкой колонии Глюксталь.

Дедушка со стороны отца Грамм Артур родился там, в 1934 году, его жена Валентина Грамм, рождённая Риге, родилась в 1935 году и жила в соседнем селе Десинировка. Когда ей было два года, её отца, сельского учителя, представители Советской власти ночью забрали и увели в темноту. С тех пор о нём больше ничего не известно. Потом мать вышла ещё раз замуж, и родились три брата – Освальд, Виктор, Вальдемар – и сестра Лиля. Лиля родилась в Польше в 1945, потом их эвакуировали под Дрезден. После окончания войны Красная армия, освободительница, лишила их свободы, и под конвоем увезла всех в вологодские леса.

Отец Грамм Вальдемар родился в 1957 году в Вологодской области, Летский район, участок Лосья. Когда отменили комендатуру и ему исполнилось 9 месяцев,

семья самостоятельно переехала в Балхаш, к своим родственникам, которые нашлись по переписке.

Дед с материнской стороны, Битнер Эрвин, родился в селе Цеткинтал, нынче Екатериновка под Днепропетровском. Его предки приехали туда из Баварии.

Бабушка с маминой стороны, Битнер Нелли, рождённая Гинтер, родилась в 1940 году в селе Цетрикова колонии Глюкталь. Их семья тоже во время войны попала в Германию, а потом их выслали в Казахстан, в Балхаш. Там и познакомился с ней Вальдемар Грамм. Вскоре образовалась новая семья.

В семье Грамм 05.04.1980 г. родился мальчик, которого в честь деда назвали Артур. Через год 14. 07.1981 г. родился второй сын, и его тоже в честь другого деда назвали Эрвином.

В Балхаше был огромный горнометаллургический комбинат. Балхашская медь была мировым эталоном. Ещё там находились предприятия рыбной и мясной промышленности. На берегу озера Балхаш стояли два закрытых города Балхаш-9 и Приозёрск. Там работало свыше 400 предприятий и много горнодобывающих организаций. Естественно, природа была на грани катастрофы, чистое бельё на улице сушить было невозможно, оно сразу ржавело, покрывалась грязной пылью. Маленький Эрвин заболел астмой, и семья Грамм мечтала сменить климат.

Решили переехать в Ставропольский край, там климат хороший, да и слухи шли, что в Германию там отпускают легче. Может, осуществиться давняя мечта советских немцев вернуться на историческую родину – в Германию. Два раза в год, начиная с 1970 года, отец подавал в ОВИР вызов и заявление на выезд.

В 1985 году перебрались в Ставропольский край, в Новосёловский район, в село Журавское, что в 70 км от Минвод. Природа здесь была совсем другая – всесоюзная здравница, курорт!

Отец устроился сварщиком, а мать была по специальности швея, но такой работы не нашлось, и она стала библиотекарем, а потом перешла в детский сад. Прожили пару лет, освоились, и отец решил строиться, но бабушка сказала:

– Зачем здесь строиться? Скоро переедем в Германию, там и построишься!

В 1989 году в октябре пришёл очередной вызов, который тут же отнесли в ОВИР, а 20 декабря они уже выехали в дальний путь. Через три дня прибыли в Москву, оформив там все документы, 27 декабря, под самый Новый год, самолётом покинули территорию СССР.

В Германии из аэропорта «Ганновер» они попали в город Брамша. Были рождественские праздники, все конторы в лагере закрыты. Переселенцев кормили, поили, они ходили гулять по городу и удивлялись, насколько Германия ушла в развитии вперёд от всего социалистического лагеря. Такого чуда они нигде не видели. Немцы из России любовались невероятной красотой своей исторической Родины и думали, что попали в сказку. Артуру было 9 лет, и ему очень нравилась волшебная страна.

В столовой кормили очень хорошо, но без хлеба, а когда кто-то просил хлеб, давали чёрный. Сейчас все знают, что чёрный хлеб намного полезнее для здоровья, а тогда люди возмущались. Мы в Росси белый хлеб кушали, чёрным свиней кормили, а в Германии нас вместо свиней чёрным хлебом кормят! Белый, небось, для себя берегут.

Однажды они набрали на большой супермаркет, не успели зайти, как к ним каждые три минуты подбегали продавцы и спрашивали, чем могут помочь? Тогда ещё немецкий сервис был на высоте, сейчас этого нет. Переселенцы страшно смущались, махали руками и старались сами найти то, что хотели, а хотели они купить белый хлеб, и они его купили. Там было столько сортов хлеба, что глаза разбегались, и семья Грамм выбрали знакомую форму в виде буханки. Дома пили чай, толсто намазывали хлеб

маслом, ели и удивлялись, пока им не сказали, что это специальный «Тосброт» и его надо поджаривать. Многому учились в первое время немцы из России.

Вызов им делал самый младший брат деда Артура – Грамм Адам, который приехал в Германию на год раньше. 05.01.1990 года семью отправили туда, где жили родственники, в город Гиссен, и попали они в село Алендорф-Трайс. Лагерь находился в бывшей сигаретной фабрике, в большом здании из красного кирпича. На четверых им дали отдельную комнату, 18 квадратных метров.

Родители сразу пошли на шпрахкурсы, а сыновья – в школу. Артур в России начал учиться в третьем классе, а Эрвин – во втором, но в Германии оба брата попали в третий класс за одну парту. В пятый класс их уже возили в большое село Алендорф-Люмда, а в 1998 г. семья переехала в Грюнберг. В этом городе ночевал по пути в Марбург великий реформатор церкви Мартин Лютер. Там должно везти всем, – радовались аусзидлеры.

Бабушка выехала из лагеря на полгода раньше в приват жильё. Хозяйка её квартиры сказала, что её сын недавно купил в Грюнберге дом и ищет квартирантов, но дом надо немного подремонтировать.

Когда они увидели этот «Фах варт Хаус», было страшно смотреть. Как будто после войны, всё развалено, но квартплату хозяин назначил невысокую – за четыре комнаты, площадью 80 квадратных метров, 400 ДМ, при условии, что они сами сделают ремонт, он обеспечит стройматериалами. Отец согласился. Глаза боятся, руки делают. Через некоторое время, как они заселились, но чуть позже, хозяин решил продать дом, и новая хозяйка выгнала квартирантов из дома.

Отец взял ссуду, немного они уже накопили сами, помогли дедушка с бабушкой, – они купили землю и решили строиться. Когда подняли стены и накрыли крышу, кое-как оборудовали пару комнат в подвале и в 1998г переехали в новый дом, потом постепенно всё достраивали.

Эрвин закончил 9 классов и ушёл из школы. Артур проучился ещё год и закончил 10 классов. Учиться было нелегко, но он старался, и оценки были хорошие. Артур очень хотел сделать абитур, чтоб иметь перспективу, но учителя не допустили. Учительница была такая упёртая и не любила пришлых. Родители ходили в школу, Артур умолял чуть ни на коленях, но она не допустила. Тогда он впервые понял, что свобода здесь на коротком поводке, и уже в школе нашей молодёжи подрезают крылья.

Артур тогда закончил реаль Теодолитшуле и получил специальность «Информацион-технише ассистент». Потом ему сообщили, – чтобы узаконить диплом, ему надо пройти ещё практику 800 часов. Долго Артур искал место, писал бевербунги и, наконец, устроился в Гиссене продавцом в компьютерном магазине. Через полтора года шеф построил себе на весштате новый магазин, и они переехали. Ещё через полгода хозяин объявил, что фирма разорилась и все свободны. *WEB – живи, WEB – учись! Энтер!*

Артур стал безработным, а потом пошёл учиться в фах хоух шуле в Гиссене, параллельно открыл свою фирму, все знания и магазинский опыт решил применить на деле. Он решил, что из заказанных у поставщиков частей можно самому собирать компьютеры и продавать их. Дал объявление в газету, пошли звонки, посыпались заказы. Он планировал продавать хотя бы по компьютеру в день, а продавал по три, по пять штук.

Сестра матери Артура Ирина Бетнер работала на фирме «Ренус». Фирма принимала, комплектовала, упаковывала заказы и отправляла заказчикам товар по почте. Как-то она, разговаривая со своей коллегой и землячкой Бэц Эммой, заметила, что молодёжи в Германии сейчас тоже нелегко. Артур Грамм – её племянник, безотказный, смысленный, трудолюбивый, умный парень, без вредных привычек уже

почти поставил на ноги свою фирму. Он целеустремлённый, работающий, но ему некогда завести семью, так и просидит за компьютером до старости.

А у меня дочка Света тоже дома одна сидит. Звонят ей всякие пьяницы и наркоманы, без цели, без будущего, без средств, без культуры. Целое поколение молодых переселенцев гибнет у всех на глазах под тихое согласие политиков и властей. Из-за границы приглашают всяких специалистов, а своим подросткам нет места для практики или учёбы. Поговорили, посудачили, и тётя Ирина взяла телефон Эммы Бэц, а дома рассказала Артуру о разговоре.

– Мне и так нормально! – отмахнулся от идеи Артур.

Но предложение тётки запало в сердце и через некоторое время дало всходы. Мысль мучила, свербела и требовала действия. *Он спросил у Яндекса, где моя любимая? Пенти – ум, а Интер – нет.* Артур долго боролся сам с собой и, наконец, позвонил.

– Звонят тут всякие! Не хочу ни с кем встречаться! Не звоните больше и забудьте мой номер телефона! – недовольно сказала девушка и бросила трубку.

Как позже выяснилось, её мама забыла рассказать дочери о том разговоре.

Когда Артур позвонил в другой раз, Света разговаривала с Артуром уже совсем по-другому.

Света из Новосибирска приехала в Германию в 1998 году, когда ей было 19 лет. Там она училась на учительницу начальных классов.

В Германии она не смогла продолжить образование, так как надо было в совершенстве знать язык и сдавать различные тесты, за каждый надо было платить по 2 000 евро. Таких денег у приезжих переселенцев не было, и Света согласилась учиться на предложенные Арбайтсамтом курсах на «*Bürokauffrau*».

Они разговорились. Артур тут же по телефону назначил ей свидание, и они сходили в Гиссене, на Франкфурте штрассе, в ресторан «*Pferdestahl*». С тех пор, по традиции, они ходят туда в одно и то же время уже много лет.

У Артура на фирме было столько работы, что он подключил отца, брата, и Света стала помогать. Работали допоздна, в субботу и в воскресенье. Всё шло как по маслу. *Компьютерные программы, электронные дела, материальное обеспечение снились каждому.*

05.05.2005г., в счастливый день, молодые расписались, а 19.03.2006 года родилась Лиза, через два года, в день рождения матери Артура, 12.07.2008 г. родился Феликс.

Все искренне радовались успехам, но тут пришла повестка из военкомата, о которой он когда-то мечтал и ещё в школе подписал какую-то бумагу, но потом забыл. *Самый надёжный носитель информации – бумага.* Теперь Артур на неё не рассчитывал, и она расстроила все планы. Студенту доучиться не дали.

Света как раз делала практику у юристов, и те посоветовали обратиться к специальному юристу из Франкфурта. Юрист обещал уладить все дела без головной боли и предъявил солидный счёт. Получив деньги, сочинял всякие письма и в итоге ничего не сделал.

Артура забрали в армию. Он просил, умолял, плакал, падал на колени, дайте доучиться, но его не слышали, ничего не помогало, пришлось тянуть срок. *Тяжело сгонять муху курсором с монитора.* Командование было неумолимо, особенно к тем, кто пришёл с востока.

Адвокат из Франкфурта продолжал писать всякие письма и тянуть деньги, выставляя Артуру круглые счета. Артур по наивности добросовестно платил деньги.

Артур был хорошим спортсменом, играл в баскетбол и однажды в игре повредил коленку. Его отправили на специальную медкомиссию. С коленкой всё обошлось, но когда его засунули в стеклянную барокамеру, у Артура перехватило дыхание, он стал

задышаться, весь посинел, перепугался. Подбежал врач брызнул в рот лекарственную аэрозоль и сообщил, что у него астма.

Три месяца Артур был дома на больничном, потом ему сообщили, что астматики в армии не нужны, и его комиссовали.

За это время Артур отстал от учёбы, дела его фирмы зависли и развалились, постоянные клиенты растерялись, надо было что-то делать.

Проучившись два года, Света окончила курс на отлично, но ей пришлось сидеть дома с маленькими детьми. Потом ей дали ещё один курс по финансовому направлению, но работа так и не нашлась, она занималась детьми и домашним хозяйством.

Компьютер без мыши, как коммерсант без крыши. Артур мечтает обязательно повысить своё образование, укрепить и расширить свою фирму, вступить в партнерские отношения с крупными фирмами поставщиками и обеспечить им сервисное обслуживание по гарантийному ремонту техники. Тогда Света могла бы исполнять в его фирме обязанности бухгалтера-секретаря и заниматься с детьми.

Артур смог бы развивать сеть подобных фирм под своим управлением, но для этого он собирается поступить в специальное учебное заведение и получить диплом высшей квалификации.

Осуществляя свой план, в 2007 году в октябре месяце Артур зарегистрировал новую фирму, но к тому времени цены сильно возросли, покупательная способность у населения упала, и дела не набирали обороты.

Потом в Грюнберге была месса-выставка. Артур принял в ней участие и презентовал свою фирму. Удача опять улыбнулась молодому бизнесмену, и дела пошли в гору. Через два года он ещё раз принял участие в этой выставке, но экономика Германии попала в зону экономического кризиса и уже летела в пропасть, всё труднее фирмам было оставаться на плаву и укладывать большие затраты в маленькие цены.

Артур собирал, продавал и ремонтировал компьютеры. Фирма называлась CAG (Computer Artur Gramm). Она просуществовала до 2009 года, потом он изменил направление и сменил название, теперь она называется «Computer-Oase» www.computeroase.eu

Теперь он не только продаёт компьютеры, а делает ещё и сервисные услуги, диагностику, программирование, настройку Интернета, удаление вирусов, установка антивируса, восстановление информации, ремонт, советы, консультации, и так далее.

Компьютеры – это сложная современная техника, идущая вперёд семимильными шагами. Компьютерные технологии развиваются по двум направлениям. Совершенствование материальной части, увеличение скорости, миниатюризация комплектующих частей, развитие новых идей, новых технологий и совершенствование программного обеспечения, которое почти на грани фантастики. Сейчас уже есть программы, которые автоматически печатают текст с голоса человека. Вы диктуете, компьютер печатает, причём без грамматических ошибок, всё на высшем уровне.

Компьютерщики очень преданные идейные люди. Компьютеру надо посвятить себя целиком. *Настоящие компьютерщики и пробелами не пользуются.* Компьютерщик в церкви, молится так: «Во имя отца и сына и святого духа. Enter».

Чтобы наладить промышленный суперкомпьютер программного вычислительного комплекса на фирме, необходимы знания и опыт нескольких специалистов, потому что мозг одного человека уже является недостаточным для проведения подобных работ на чудо технике. Человек отстаёт от компьютера, как родители от своих детей, новое поколение, как новая ступень ракеты, уносит качество

нашей жизни на новый уровень – дальше, выше, умнее, сложнее. Время летит и разгоняется всё быстрее.

Идёт технологический прорыв в будущее, который задаст новые стандарты жизни для всего человечества. Создаются молекулярные компьютеры, это живые компьютеры – механизмы, такие разведчики, диагностики и микроврачи, которые внутри нас, не больно и незаметно будут ремонтировать наш организм.

В будущем будут созданы оптические, квантовые компьютеры с четырёх ядерными процессорами, основанными на нанотехнологиях, всё в одном, с лазерной клавиатурой и стереодисплеем 3D любых размеров и даже с голографическим изображением.

Человек будет общаться с компьютером без мышки и клавиатуры: при помощи голоса, движений рук, мимики и т.д., – точно так же, как мы общаемся между собой. Они будут противоударными, нестараемыми, эластичными и плоскими, как бумага, их можно будет наклеить на стенку, как обои, или свернуть в трубку. Они будут работать под водой и потреблять энергию, которую вырабатывают сами. В них будут встроены видеокамеры, видеосвязь, скенеры, друкеры, Интернет, навигаторы, телевизоры. Компьютеры будут саморемонтироваться, самообучаться, узнавать, ориентироваться, разговаривать, обладать искусственным интеллектом и исполнительным механизмом-роботом.

Компьютеризация роботов выведет нашу жизнь в новый формат качества жизни. Автомобили будут ездить сами, без шоферов, самолёты будут летать полностью на автопилоте, заводы будут без рабочих, компьютеры будут управлять производственным процессом.

Уже есть полностью автоматизированные заводы, например, по сборке телевизоров, компьютеров, автомобилей. К заводу подъезжает грузовик с кассетами, куда уложены детали и узлы для сборки продукции. Роботы достают эти детали и вешают их на конвейер, а с другой стороны конвейера в грузовик укладывают уже готовые изделия.

В сборочных цехах нет людей, там погашен свет, выключены отопление и вентиляция – они роботам не нужны. Раз в две-три недели там всё останавливают, включают свет и вентиляцию – приезжают наладчики.

Робота можно включить на один час или не выключать его в течение нескольких суток, можно дать ему команду работать быстрее или медленнее. У владельца такого предприятия появились совершенно новые экономические возможности: он может увеличивать или сокращать объём выпускаемой продукции с минимальными потерями (не надо платить сверхурочные, не надо оплачивать медицинские страховки и налоги на социальное обеспечение, не надо торговаться с профсоюзом и т.д.) – другими словами, точнее и эффективнее обслуживать рынок сбыта.

Не за горами создание двойника человека – цифрового робота, который будет изображать своего хозяина – и не только внешне, но и внутренне. Он будет отвечать на вопросы и действовать в различных ситуациях так, как это бы сделал его хозяин.

Уже сейчас можно увидеть, как будет выглядеть ваш ребенок, – ещё до его рождения, можно не переодеваясь примерить модную одежду на экране, или увидеть себя с новой причёской или как будем выглядеть через 15 лет.

Среда существования человека уже стала оцифрованной, вычисляемой, программно управляемой, и это приведёт к невиданному росту производительности труда и экономической эффективности.

"Цифровой" человек будет всё больше сближаться и сливаться с человеком биологическим – вплоть до полной неразличимости и индивидуального бессмертия в форме "цифровой матрицы", воплощаемой в различные материальные субстраты.

Генетическая сложность всего живого такова, что, в ней реально хранится "ИНТЕЛЛЕКТ ВСЕЛЕННОЙ" – любую информацию об инопланетянах надо искать не только в космосе, но и внутри себя. Это обмен информацией, принятие совместных "виртуальных" решений, которые способны перестроить всё общественное устройство на Земле.

То, что знает вся наша цивилизация, – это всего лишь тонкий лучик огромного солнца, а сколько ещё неизведанного, но возможного.

У человека фантазии не хватает предсказать то, что будет с нами завтра, надо много читать, знать, быть хорошим практиком, чтобы идти в ногу со временем, и Артур не отстаёт. У него крепкие знания, большие связи, обширная клиентура. Но он в состоянии включить следующую скорость в своих делах.

Сегодня современной технологией владеют только продвинутые, передовые специалисты, а большинство людей – не в состоянии использовать даже все функции своих электронных часов, сотовых телефонов, телевизоров, не говоря уже о компьютерах. Они не знают, с какой стороны к нему подходить и как включить. Многие понятия не имеют, как работает компьютер, Интернет, телевидение, что такое электрический ток, но все пользуются этим, не задумываясь.

Чтобы быть в курсе дел, Артур Грамм уже сегодня старается быть впереди всех. Он знает, что делает. Удача идёт под знаменем целеустремлённой молодёжи. Многие могли бы подчеркнуть у него оптимизм, задор, силу воли и стремление к намеченной цели. «Быть впереди, на высоте и помогать всем!» – это его девиз. Кто ищет, тот найдёт его по Интернету.

Вот это я и хотел рассказать про Артура Грамма. ПРО ГРАММА в новой жизни и про будущее.

Райнгольд Шульц. Гиссен. 25.12.2011.

РАЙНГОЛЬД ЦИЛЬКЕ

Я сказанье нашей эры для потомства сберегу.
(Колымские тетради) Варлам Шаламов.

Райнгольд Цильке – Гессенский немец, самобытный, талантливый художник, председатель Эшборнского форума, сын известного немецкого поэта Александра Цильке, человек необыкновенный.

Райнгольду сегодня 80 лет, выпускник Омского пединститута, бывший учитель немецкого языка, директор Новоскатовской средней школы в Омской области. В Германии живёт с 1989 года, горит идеей сохранения истории российских немцев.

Его жена Амалия, родная сестра известного российско-немецкого писателя, поэта и переводчика Виктора Гейнца уже шестьдесят лет является верным другом и соратником неугомонного энтузиаста.

У этой приятной пары пятеро детей, одиннадцать внуков и один правнук. Это краткая история их семьи. У Амалии в семье её отца было 10 детей, она – старшая, и все они щедро одарённые разными талантами. Сам Райнгольд вырос в семье, где было семеро детей!

Старший его брат, Регинальд Цильке, автор многих книг, доктор сельскохозяйственных наук, профессор селекции и генетики Новосибирского университета, ведущий специалист России в этой области, в Германию ехать не хочет,

зная, что историческая родина – самая богатая страна Европы – в мгновение ока сделает его безликим социальщиком.

А в России он личность, у него любимая работа, лаборатории, ученики, звание, внимание, почёт и уважение – условия, без которых нормальному человеку жить душно и неинтересно. Профессор – это вам не социальщик, клиент бесплатного магазина «Тафель».

«Всё! Брошу всё и уеду назад в Сибирь, к брату! – отчаянно резанул воздух рукой Райнгольд Цильке, собиратель и хранитель экспонатов музея немцев из России. – Не могу больше терпеть безразличие немецких властей к нам и к нашей истории. Куда я только не обращался, кому только не писал. В какие двери только не стучался с просьбой помочь организовать музей немцев из России. Всё как об стенку горохом.

Историки стали «фантастами». Учебники истории написаны «от фонаря». А у нас собрано 2500 редчайших уникальных экспонатов – по количеству это больше, чем на Волге, в немецком отделе Саратовского государственного областного музея краеведения.

Мы не хотим забыть нашу трагическую и героическую историю, историю унижений и в то же время успешных дел и великих достижений наших предков-колонистов, которыми мы гордимся, и хотим показать всем, как на протяжении двухсот лет немецкие колонисты в России сохраняли свою национальную культуру.

Передвижные выставки нашего домашнего музея проводились на многих общественных мероприятиях. Мы с Амалией за свой счёт объездили все крупные города Германии. Экспонаты выставлялись в здании парламента земли Гессен. Ими восторгались известные политики, они красиво говорили о необходимости сохранения культурного наследия, но после экспозиций в престижных залах опять наступала мёртвая, безразличная тишина. Такое же положение с нашей культурой, литературой и СМИ.

Я обращался к нашему бургомистру, она теперь министр в земле Гессен. Писал канцлерам, посылал письма во все известные мне адреса и конторы! Отписки по количеству, скоро сравняются с количеством собранных экспонатов, но дело не сдвинулось ни на миллиметр. Никому ничего не надо! Нас в упор не видят и не хотят видеть».

Правда, вначале предложили вариант, что город выделит под музей четырёхкомнатную квартиру, но за её аренду Райнгольд Цильке должен будет платить ежемесячно 100 евро.

Выделить такую сумму из своей маленькой (Deutsche Aussidler Hunger Rente) пенсии для него было просто нереально. Да и почему за общественное дело он должен платить из собственного кармана?

Райнгольд обратился за помощью в Землячество немцев из России, но старое руководство дало ему от ворот поворот. Так и остался Райнгольд Цильке у разбитого корыта. Спасибо доброму человеку, местному фермеру из Нидды (Земля Гессен) Карлу Хайнцу Ренхарду (Karl Heinz Renhard), который выделил под хранилище одно из помещений в своем сарае. Там, в ужасной тесноте, чуть ли не навалом уже 15 лет хранятся и портятся от влаги уникальные экспонаты истории немцев из России. Историю дешевле хранить на развалинах...

Создаётся впечатление, что пока русскоговорящие немцы прописаны в России, от Германии им достается вся любовь, внимание, головокружительные денежные средства – миллионы евро в год – на поддержание национальной культуры.

По данным переселенческого журнала «Ост Вест Панорама» № 8 (194) за 2013 г. стр. 14., за последние 20 лет в Россию, где осталось полмиллиона немцев, перечислено 500 000 000 евро, по другим данным, больше миллиарда! А в Германии, где проживает более 3,5 миллиона переселенцев, не нашлось возможности выделить бесплатное

помещение или хотя бы 100 евро в месяц на содержание музея. Истории российских немцев определено место в сарае...

Вот и получается, что любовь к переселенцам, как и любовь к теще, измеряется километрами.

О НЕМЕЦКОМ ФОЛЬКЛОРЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО

Фольклор – это художественное творчество широких народных масс. В переводе Volklore означает: народная мудрость, народное знание. Как и любой другой народ, немцы создали великое множество сказок, и лишь небольшая часть из них стала широко известна во всем мире. Самыми известными собирателями были братья Гримм.

Современный собиратель фольклора российских немцев Александр Вайц родился 19.08.1960 г. в Омской области, в немецкой деревне Новоскатовка – Nowoskatowka, откуда родом хорошо известные всем – основатель музея «Немцы из России» Райнгольд Цильке, его знаменитый отец, поэт Александр Цильке, российско-немецкий писатель, поэт и переводчик Виктор Гейнц, поэтесса Светлана Кочаровская, композитор Эммануил Юнгманн и другие.

Предки Александра Вайца по отцовской линии выходцы из земли Hessen, kreis Vogelsberg, Nidda - Eichelsdorf приехали на Волгу в Саратовскую губернию 28.08.1767 г. и основали немецкую деревню Ягодная-Поляна.

Предки по материнской линии прибыли на Волгу из села Erbach, что под Дармштадтом и основали деревню Altstraub, а потом в 1802 году – Neustraub.

При Столыпинской реформе немецкие колонисты двинулись в 1906 году в Сибирь, в Омскую область, и основали там деревню Schöntal, в переводе на русский – Красивая долина.

Другие в 1906 году из Ягодной-Поляны уехали в Америку, Канаду, и в этих странах живут родственники Александра Вайца. В Аргентине и в Бразилии тогда тоже образовались немецкие колонии.

После школы Александр служил в Советской армии, попал в ВВС. В Алтайском крае закончил Рубцовский ШМАС, по специальности «Самолетные двигатели», служить послали в Хабаровский край, затем он переучился и служил военным авиадиспетчером в Амурской области. В авиации ему предлагали карьеру, хотели послать в Ригу на учёбу, но он вернулся в родительский дом.

Дома закончил на отлично курсы газо-электросварщиков с повышенным четвёртым разрядом и работал по специальности в родных краях. Поступил в Омский индустриально-педагогический технический техникум, но бросил. Образовалась семья, четверо детей.

В Германии – с 1994 года, живёт в Вуппертале, работает на фирме металлообработки, нарезает на гильотине, заготовки из листового металла. Работа тяжелая, ответственная.

В свободное время Александр пишет стихи, сказки, афоризмы, выжигает картины, страстно любит собирать грибы, ягоды и жемчужины немецкого фольклора. Он ищет, звонит, ездит по Германии, встречается с интересными людьми, собирает национально-интеллектуальное наследство своего народа, и делает он это не для себя, а нас всех, для потомков.

Его статьи о немецком фольклоре печатали в журнале «Volk auf dem Weg», в русскоязычной газете «Heimat», «Ost West Panorama».

В 2011 году в России вышла его книга на немецком языке «Стихи, сказки и афоризмы». Мечтает выпустить книгу сказок на русском языке.

В 2013 г. он признан победителем в Российском литературном конкурсе имени Роберта Вебера и в номинации стихи, награждён дипломом первой степени, но в Москву, на вручение награды, не поехал.

Александр Вайц собирает музейные экспонаты, легенды, интересные случаи, истории, юморески, забавы, новогодние пожелания, обряды, традиции, ритуалы, поздравления, всякие старинные рецепты, басни, шутки, прибаутки, частушки, считалки, поговорки, афоризмы, игры и их правила.

Его интересует, как раньше играли в кости, как делали «Himelsbet», как проходило сватовство, свадьбы, крестины, праздники, юбилеи, отпевания, похороны, поминки, рождественские торжества, пасха и многое другое.

Дорогие любители фольклора! Прочитайте сами, расскажите другим и, если кто-то из Вас помнит что-либо из вышеперечисленного, обязательно позвоните по номеру 0202-70 38 35, пошлите эмайл: aweiz@online.de или напишите письмо по адресу: Alexander Weiz. In den Siepen 35. 42109 Wuppertal. О немецком фольклоре замолвите слово.

НЕЧАЯННЫЙ ГЕРОЙ

07 июня 2013 года, часов в семь вечера в Мюнхене, усталый Эдуард Везингер возвращался со встречи земляков, на которой он, как всегда, читал по-русски свои новые стихи. Не имея работы, он стал ещё активнее писать и сочинять музыку, о нём даже написали песню.

Дождаясь поезда на станции метро «Kolumbus Platz», в самом начале платформы, где они ещё на полном ходу влетают на станцию, он присел на лавочку у колонны напротив остановки последнего вагона и закрыл глаза, как бы продолжая общение, вспоминал историю своей семьи.

На таких встречах случаются чудеса – там оказались переселенцы из Житомирской области, из села Надбаевка Новоград-Волынской губернии, где похоронен его дед по отцу.

Они как родные радовались и рассказывали, что стоит ещё на дедовской могиле большой каменный крест, на котором написано: Graf Julius von Wehsinger и очень краткая человеческая биография 1888-1919.

Когда немцы в 1919 году покинули оккупированную ими Украину, село сразу заняли большевики, у всех жителей стали всё забирать, то есть – раскулачивать. Дед завозмущался:

– Что же вы своих-то грабите? Отбираете как бандиты! Немцы если что забирали, то я за это деньги получал. Они покупали!

– Ах ты, буржуй недорезанный! Да ты ещё и граф немецкий? Сейчас мы тебе свою власть покажем! – услышал он в ответ.

Они поставили деда к стенке его же собственной конюшни и на глазах у жены, маленьких детей и всех соседей расстреляли без суда и следствия.

Бабушку Августу, в девичестве Ланге, теперь вдову, выселили из дома в сарай. Как только стемнело, она схватила детей и убежала в соседнее село к своей сестре. В феврале 1933 г. умерла от голода на железнодорожной станции Житомир.

Отец Эдуарда родился в Надбаевке, пацаном бежал тогда вместе с матерью, а когда она умерла на вокзале, похоронил её в снегу. Спасаясь от голода, добрался до Киева, попал на первые курсы красных трактористов, по окончании был направлен на работу в село Пруссы, где женился на Вере Липко. Во время войны их эвакуировали в Польшу, в Лодзь, оттуда его послали в Альпы в район Оберзальцберга, на строительство «Альпийского редута». После войны он самостоятельно вернулся в своё

село, где был арестован и судим. Получил 20 лет по 58 статье, его отправили в нулевой лагерь уничтожения, потом работал на джезказганских шахтах, затем попал под амнистию. После освобождения отыскал жену, и жили в Казахстане.

Эдуард Бертольдovich Вейзингер родился 7 мая 1957 года в городе Темиртау (Казахстан). После отмены комендатуры семья перебралась на Украину в село Пруссы Киевской области, откуда родом была мама Эдуарда. Отец умер там 11.02.1981 г.

После школы-интерната Эдик поступил в Киевское специальное училище, которое готовило рабочие кадры для авиационной промышленности, с отличием окончил, отслужил в рядах Советской армии в Калининграде, женился. Работал на Антоновском авиазаводе слесарем-сборщиком-клепальщиком высшего разряда, при конструкторском бюро, в специальном экспериментальном цехе, где собирали первые опытные экземпляры новых моделей самолётов. У него 20 лет стажа в советской авиапромышленности! В Германию перебрался 6 августа 2007 года, сын и дочка поехали вместе с ним.

Так он сидел на лавочке и мыслил о своём. Вдруг Эдуард услышал, что на перрон подошла семья местных немцев: мама, бабушка и очень шумные внук и внучка. Девочка примерно пяти лет была светлая, подвижная, с голубыми глазами и очень похожая на Алевтину – внучку Эдуарда. Её старший братик, шустрый мальчишка, без устали гонялся за сестричкой. Бабушка и мама не обращали на детей внимания, увлеченно беседа и споря друг с другом.

Дети бегали по всему перрону, девочка спряталась за сидящим Эдуардом, но, когда подбежал братишка, сорвалась с места, побежала к самой кромке платформы, поскользнулась и упала на рельсы.

Эдуард вскочил от неожиданности, бросил сумку, взглянул на табло, которое показывало, что до прибытия поезда осталось секунд 30. Он не помнит, как в мгновение ока оказался внизу на рельсах, схватил девочку и выбросил её на перрон. Его тут же обдало воздушной волной приближающегося поезда, и в туннеле показались ярко горящие фары. Эдуард попытался подтянуться на руках, только животик, возраст и лишний вес не позволяли ему это сделать, но страх придал такие силы, что он выпрыгнул на платформу как Валерий Брумелль и перекатился подальше от скрипящего тормозами поезда.

Народ обомлел, но выходящая из вагонов толпа смешала всех. Эдуард попытался встать, но его сердце так прижало, что он побледнел. Он всё же кое-как доковылял до своей лавочки и сел.

Перепуганные бабушка и мама склонились над плачущей девочкой, которая поцарапалась, сильно ушиблась и содрала кожу на правом плече. Потом бабушка отвлеклась от внучки, подошла к Эдуарду, говорит: «Данке! Данке!» От радости достала пять евро и хотела дать Эдуарду. «Извиняюсь, что больше нету», – сказала она. «Не надо! Не надо! Данке! Кайн проблем!» – пытался улыбнуться нечаянный герой, а сам почувствовал, что ему совсем плохо, он весь покрылся холодным потом и, казалось, земля уходит из-под его ног. Подходили люди, что-то спрашивали по-немецки, он начал заикаться, сказать ничего не может, хватает воздух ртом, как рыба на суше, и – ни звука... Подошла ещё одна женщина, видимо – славянка, и на ломаном русском языке предложила валидол.

– Посидите, успокойтесь! Может вам скорую вызвать? – спросила она.

– Нет! Нет! Не надо! Это всё дорого! Меня уже катали со светомузыкой. Опыт есть! – отказался герой.

Бабушка подсунула ему под нос бумажку, ручку и повторяла: «Телефон! Телефон!» Эдуард написал ей номер своего сотового телефона. Потом все вместе с бабушкой вошли в ближайший вагон следующего поезда и укатили.

Немец из Украины тихо, не привлекая к себе внимания, сидел на лавочке. Прошло ещё две электрички. Сердце уже не так бешено kloкотало, он медленно приходил в себя. С трудом добрался до дома и завалился спать.

Утром он захотел позвонить, но обнаружил, что пропал мобильник. Он съездил на ту станцию, обследовал все закоулки, осмотрел место, где он стоял на рельсах – ничего.

Врач принял его без термина, обнаружил предынфарктное состояние, прописал таблетки и полный покой.

Только через десять дней Эдуард восстановил свой телефонный номер, купив новый мобильник, но ему никто не позвонил. Слухи разлетелись по городу, к герою с расспросами обратились друзья, знакомые, журнал «Мюнхен Сити» и «Мюнхенский вестник».

Эдуард – известный в Мюнхене поэт, певец, организатор вечеров отдыха и председатель клуба «Синьор» в интернациональном творческом объединении «Chance». Теперь он по-настоящему решил заняться собой. Кроме сочинения стихов и общественной нагрузки начал бегать и ходить в бассейн – вдруг кому-то снова понадобится его скорая помощь. Каждый герой – неповторим! Скромность – его медаль, главная награда – жизнь ребёнка.

Райнгольд Шульц, Гиссен, Германия.

Что наша жизнь?
Что наша жизнь – каприз судьбы.
Сегодня на коне, а завтра под конём.
Стоят сегодня прочные столбы,
А завтра всё горит огнём.

Что наша жизнь – один лишь миг,
Звезда, мелькнувшая на небосводе.
И всё, что в этой жизни ты достиг,
Как утренний туман, с росой уходит.

Всё в этой жизни суета,
Всё, что пришло, уходит безвозвратно.
И умирает красота,
Чтоб возродиться многократно.

Eduard Wehsinger <e-rosi4@rambler.ru>

Мюнхенская творческая группа поэтов и композиторов под руководством Олега Левинова.

Слева направо Эдуард Везингер, Мария Шефнер, Белла Иордан, Олег Левинов

СЧАСТЛИВОГО ПУТИ!
Авторская песня Leo Himmelsohna

О, Везингер – певец печали!

О, Эдуард, счастливым будь!
Пускай весёлые причалы
Зовут тебя в желанный путь!
Смотрю на Мюнхен – вижу Киев.
Дунайский Изар – друг Днепра.
И Альпы милые такие!
Когда тоскуешь, ты неправ!
Тяни душой живую ноту
И заливайся соловьём!
Буди тоскливую дремоту!
Дружи величием со Львом!
Так пусть мелодия и слово,
Взлетая страстью до высот,
Спасут красу и мир от злого!
Пускай талантливый везёт!

ИНТЕРВЬЮ С НЕЧАЯННЫМ ГЕРОЕМ

Прошло уже много времени, когда в русскоязычных газетах Германии была опубликована статья Райнгольда Шульца «Нечаянный герой» – о геройском поступке немца из Украины Эдуарда Везингера, который 7 июня 2013 г. спас девочку на одной из станций метро в Мюнхене. Девочка, поскользнувшись, упала на рельсы, и Эдуард Везингер, рискуя собственной жизнью, успел, на глазах ошарашенных пассажиров, поднять её на платформу буквально за несколько секунд до прибытия на станцию поезда метро.

Редакция получила много откликов на этот материал. Читатели благодарят героя и просят рассказать о том, как он сейчас себя чувствует, нашла ли его семья спасённой девочки.

Дорогой Эдуард! Читатели русскоязычных газет Германии, в которых была опубликована статья о Вашем поступке, имеют повышенный интерес к вашей личности. Мне позвонили из газеты и попросили взять у Вас интервью. От их имени я хотел бы задать вам несколько наиболее часто повторяющихся вопросов. Во-первых, как ваше здоровье? Как вы себя чувствуете?

– Спасибо нормально! Теперь уже можно сказать в пределах нормы для моего возраста. Я гипертоник, поэтому надо следить за своим здоровьем, но я не привык на эту тему распространяться и хныкать от досады.

– Чем вы сейчас занимаетесь?

– Официально я безработный, социальщик. Я самолётостроитель высшей квалификации, но куда я только не обращался, везде нашему брату предлагают в лайфирмах только чёрную неквалифицированную работу. В настоящее время я учусь театральному делу на курсах, оплачиваемых «Евросоюзом» при творческом объединении «Шанс».

– Кто-нибудь вам звонил после публикации статьи «Нечаянный герой»?

– Да! Звонили читатели. К сожалению, по причине большой занятости, я не могу часто и долго говорить. Много времени уходит на подготовку различных вечеров и на общественную работу.

В Германии я являюсь полномочным представителем украинских немцев от общественных организаций «Совет немцев Украины», всеукраинского общественного

объединения немцев «Widergeburt», киевских организаций «Wiederschtral», и «Deutsche Quelle», и от лютеранской церкви Святой Екатерины в Киеве.

– Знаете ли вы семью девочки, которую вы спасли?

– Нет, не знаю. Дело в том, что они так и не объявились. Может, потеряли ту бумажку с номером моего телефона. Может, бояться, что их оштрафует «Югент амт» – ведомство по делам молодёжи – за то, что не уследили за своими детьми. Судя по тем пяти евро, что они мне давали, это не благополучная и необеспеченная семья. Ситуация-то была страшная, девочка могла погибнуть, и я мог погибнуть. Отсюда вытекают большие последствия и ответственность. Наверное, они решили, что лучше оставаться в тени.

– Государство как-то на это отреагировало?

– С немецкой стороны от города или государства никакой реакции не было. Со стороны знакомых и друзей были звонки, расспросы, тёплые объятия и поздравления. На очередном синьорен-вечере меня прилюдно поблагодарил представитель Татьяны Лукиной, председателя общественной организации «МИР», от Союза соотечественников Баварии Елена Герцог, от землячества «Немцы из России» меня поздравил Вальдемар Айзенбраун.

– **Как ваша семья отнеслась к тому, что вы стали знаменитым?**

– Дочь, как узнала, плакать начала. Говорит: «Папа, ты ведь мог погибнуть из-за той девочки?!» Я ей ответил: «Может, я твою дочку спасал, мою внучку! Дети не могут быть чужими. Мы все за них в ответе».

– Как в Германии устроились Ваши дети?

– У меня старшая дочь родилась 23 сентября с 1983 г. Живёт в Мюнхене, замужем, но оставила себе нашу графскую фамилию. У неё 25 сентября 2007 года родилась первая дочь Алевтина, затем 19.12.2012 г. – сын Леон. В этом году я им устроил весёлый утренник, настоящий праздник «День рождения». Позвал много детей. Пригласил заслуженного артиста Болгарии Генчо Тодорова из Софийского театра. Он показал своё светлое искусство пантомима и довёл детей до слёз – от смеха, радости и счастья! Жалко, что у меня не было адреса той спасённой девочки, ей это бы тоже доставило большое удовольствие.

Второй мой сын Виталий – родился 20.11.1990 г. Закончил шпяхкурс по штуфе «Б-1», сдал на отлично экзамен и сейчас ищет «аусбилдунг» по компьютерным технологиям. Виталий хорошо поёт и играет на гитаре. Он, как и его дед по маме, Владимир Трошинец, чемпион мира по акробатике, живущий сейчас в Киеве, активно занимается спортом.

– Какие ваши планы на будущее?

– Жить! Растит внуков, ожидать новых. Найти хорошую работу. Радовать людей своим творчеством.

– А какие ваши творческие продвижения?

– Недавно провёл вечер, посвящённый армейской тематике «Осенний призыв», на основе пропавшего моего творческого архива.

Когда я служил в армии в Кёнигсберге, я уже писал стихи, и солдаты под гитару их напевали. У каждого тогда был свой песенник – такая толстая общая тетрадка. Когда я переезжал в Германию, она куда-то задевалась. А этим летом, будучи на Украине, я встретился со своими старыми армейскими друзьями и услышал там до боли знакомые

песни. «Так это же твои песни», – ответили друзья и показали свои солдатские песенники. Оказывается, они тогда списали из моей тетрадки все мои песни и стихи. Таким неожиданным образом я полностью восстановил свой пропавший архив и посвятил этому творческий вечер «Осенний призыв!».

– Значит, в этом году вы побывали на Украине?

– Да! Встречался там с молодым инициативным юристом, украинским немцем Владимиром Лейсле, председателем «Rat der Deutsche aus die Ukraine», раньше, когда председателем там был доктор Генрих Гроут, организация называлась «Volksrat».

Ещё в 2011 году немцы Украины прислали мне письмо с просьбой посодействовать установлению памятника немецким трудармейцам, возле церкви Святой Екатерины в Киеве на Лютеранской улице.

Я тогда в Мюнхене сразу в присутствии Марии Шефнер и Елены Миллер обратился к представителю старого землячества госпоже О. Г. с просьбой отправить к тогдашнему председателю землячества эти документы с эскизами памятника. Но она сказала мне, что не будет заниматься этой ерундой. После такого ответа я с возмущением вышел из рядов землячества «Немцы из России».

Теперь при новом правлении, как и вы, Папа Шульц, я вновь вступил в землячество и снова вернулся к этому вопросу. Стариков-тудармейцем с каждым днём становится всё меньше. Может, мы все вместе сможем помочь этому делу? Старшее поколение, наши отцы и матери, надеется на заслуженную о себе память. Надо спешить! Спешить делать добро!

Интервью взял Райнгольд Шульц. (Папа Шульц)

СТИХИ О МАМЕ

Приснилось мне, что ты ещё жива!
В лесу гуляем мы с тобою.
Твоя седая голова
В любви склонилась надо мною.

Своей шершавою рукой
Ты гладишь мой кудрявый чуб,
И над тобой и надо мной
Склонил листву могучий дуб.

Мне хорошо в листве густой
Вдыхать лесные ароматы.
Я радуюсь мечте простой,
Когда мы вместе, мы богаты!

И хоть прошло так много лет,
Когда не стало моей мамы,
Мне всюду светит её свет.
Он самый теплый, яркий самый.

И вы цените своих мам,
Почаще дом их навещайте.
Делите радость пополам
И все ошибки им прощайте.

Ведь всё, что в жизни дал нам Бог,
Нам наши мамочки приносят.
Пройдём мы к ним хоть сто дорог,
Они ведь ласку нашу просят.

И я уже отец и дед,
Но всё же маму вспоминаю.
Она дала мне целый свет,
Его потомкам завещаю.

Везингер Эдуард 0176-64 64 05 40
"Eduard Rosi4" <e-rosi4@rambler.ru>

Предигер Андреас – художник публицист

Портрет Предигера Андрея Андреевича.
Работа Гельмута Фрельке. Берлин. 2014 г.

– Песню надо слушать, а картину надо видеть, – говорит известный среди немцев переселенцев ветеран-художник, написавший более 500 картин, патриот и пропагандист Андреас Предигер.

– Моя фамилия Предигер – проповедник, и я всю жизнь проповедую в своих картинах немцев России, их историю. Мы – немцы из России, и судьба у нас одна!

Моя бабушка, Феломина Ивановна, говорила: «Надо всегда жить вместе со своим временем!» И я стараюсь добросовестно выполнять её наставления.

Около сотни его картин обличают преступления Советского государства против немцев России. Это такие полотна, как «Без вины виноватые», «Многоликий Янус», «Убей немца», «Память», «Никто не забыт, ничто не забыто» и другие. У него много великолепных отзывов. Часть этих картин можно посмотреть в интернете по адресу: www.01.andreas-prediger.de

У Андрея Андреевича прекрасная память, он может часами говорить о прошлом. Его рассуждения мудры, уникальны и обоснованы. Его судьба – история народа!

Андреас Предигер родился в 1926 году на Волге, в селе Мариенфельд, недалеко от города Камышина, затем семья уехала в Белоруссию, а оттуда они попали на Кавказ, жили недалеко от Тбилиси, в городе Зестафони, где родители работали на построенном немецкими специалистами металлургическом заводе. Там Андреас пошёл в первый немецкий класс. В семье было семеро детей.

В 1933 году от спровоцированного голода умер отец – Андрей Михайлович Предигер, две сестры, Катя и Аня, и братик Александр.

Матери – Марии Ивановне Гайдт – пришлось выйти во второй раз замуж за односельчанина – Фёдора Степановича Дилера. Потом их отправили работать в Сталинград, на тракторный завод, а когда началась война, выслали в Восточный Казахстан, в Самарский район, в Палатцы, на рудник имени Розы Люксембург. Там добывали редкие металлы, молибден и вольфрам, необходимые для изготовления брони советских танков.

После седьмого класса он уже работал как взрослый, а когда исполнилось 16 лет, был мобилизован на трудовой фронт.

В трудовой книжке есть запись: рассчитан с работы в связи с призывом в трудовую колонию. Не в трудармию или в трудколонну, а в колонию – как преступника! С такой обидой и печалью он жил.

В то время советским немцам не давали поднять голову – получить образование, занять престижную должность, – они обречены были трудиться только физически и не в помещении, а под открытым небом.

После освобождения он остался на поселении, в городе Прокопьевске, двенадцать лет проработал шахтёром, трижды был на грани смерти. Окончил вечернюю школу рабочей молодёжи, очень хотел учиться дальше, но советским немцам по всем направлениям установили запретительный шлагбаум.

Лишь в 35 лет ему удалось поступить в Красноярский пединститут на заочное отделение. Потом он заочно окончил институт иностранных языков в Москве, работал в школе учителем черчения и рисования, декоратором.

В свободное время он прикасался к прекрасному – рисовал то, что не давало ему покоя, чем страдала его душа: он писал натюрморты, пейзажи, портреты, исторические полотна, в стиле политического плаката, – на них видны известные события и знакомые лица. Он выпустил цветной каталог своих картин, проводил персональные выставки, женился, учился, воспитывал семерых детей. У него семь внуков и четырнадцать правнуков, некоторые ещё – в России.

В 1968 году из зашторенного СССР он приезжал в Западную Германию под Дюссельдорф в гости к родственникам, его возили по стране, показывали чудеса и сказку про «загнивающий капитализм».

В 1993 году, через 25 лет политической борьбы, Андрей Предигер с семьёй уехал в Германию на ПМЖ и попал в Баварию, в курортные места.

– После трудармии и тяжелой жизни это вполне заслуженно, – шутит он.

На новом месте жизнь не была сахаром. В 1996 году, во время операции на сердце, прямо на операционном столе умерла жена – Полина Яковлевна Грэфенштайн. Из семерых детей (Владимир, Аня, Валя, Нина, Елена, Андрей, Наташа) в живых остались только две дочери – Нина и Елена. Не дай Бог никому испытать такое горе. Забота и работа над картинами спасла его от депрессий и болезней.

В 2000 году Андреас Предигер стал лауреатом в области изобразительного искусства, правительство земли Баден Вюртемберг удостоило его высокой награды с вручением диплома и денежной премии в 5000 ДМ.

В 2012 году Андреас съездил к двоюродным братьям в Аргентину, посмотрел Новый Свет.

Сегодня Андреас Предигер живёт в городе Bad Reichenhall, в шести километрах от Зальцбурга. Каждое утро из своей квартиры он шесть минут идёт пешком в соседний Дом престарелых, где за ними ведётся профилактический, медицинский и дневной уход (Тагеспфлеге).

Из окна видны снежные Альпы – прекрасные пейзажи, он пишет портреты своих новых друзей, пожилых соседей, устраивает в фойе выставки. Жизнь коротка, искусство долговечно!

Бывший трудармеец, активный участник национального движения российских немцев за реабилитацию, член Общества «Видергебурт», делегат многих конференций и всех общенациональных съездов немцев СССР, СНГ и 1-го съезда немцев России, член Землячества немцев из России, член Международного Конвента российских немцев, стойкий художник с удивительной судьбой, Андреас Предигер ещё полон сил и творческих планов.

Он принимал активное участие в митингах протеста, посвящённых фальсификации истории российских немцев в школьном учебнике ФРГ.

Двенадцать лет регулярно ездит в Берлин на митинги, посвящённые Дню памяти и скорби, траура и депортации советских немцев.

Ни одно крупное мероприятие российских немцев в Германии не обходится без передвижных выставок его картин.

Его волнуют проблемы земляков, он искренне переживает раскол и раздробленность своего народа, пишет картину на эту тему со многими знакомыми, положительными и отрицательными героями нашей истории. Он живёт со своим временем и старается увековечить исторические факты.

Мечтает дописать серию картин под названием «Исход». Написал и хочет издать книгу «Моя исповедь в картинах». Ищет спонсоров, помощь и – кому можно завещать свои полотна так, чтобы к ним был доступ народа. Картины принадлежат народу и истории!

Как реактивный самолёт оставляет красивый конденсационный след в высоком синем небе, так и люди с высокой организацией героической души оставляют след в истории человечества и в сердце каждого человека, который соприкоснулся с их деятельностью. Красивая внешность есть у многих, а красивая душа – не у каждого. Как же здорово, что среди нас есть люди, после общения с которыми происходит прилив сил, открывается второе дыхание, снова светит солнышко и мир кажется уютным и прекрасным!

16 ноября 2014 года Андреасу Предигеру исполняется 88 лет! От всей души, от всего сердца, от всех русскоговорящих немцев пожелаем юбиляру здоровья, счастья, духовного умиротворения, благополучия, народной любви, счастливых встреч, моря улыбок и исполнения всего задуманного в жизнь. Живите долго, будьте здоровы и очень счастливы! Вы это заслужили!!!

С праздником Вас, дорогой юбиляр

С огромным уважением, Райнгольд Шульц. Гиссен. Германия.

PS: Исходя из бесчисленных общений с нашими ветеранами напрашивается вывод, на который хочется обратить внимание руководителей всех общественных организаций немцев из России. Таких людей – трудармейцев, как художник Андреас Предигер, внесших большой вклад в народное дело, не надо предавать забвению, а необходимо было бы срочно признать их деятельность героической, общественно полезной и за заслуги перед немецким народом ходатайствовать о награждении к юбилею орденом государственного и общественного признания или хотя бы самостоятельно наградить простой, но официальной грамотой. Уважение для стариков – лекарство.

Молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почёт?

ДЖОКОНДА

художника Предигера

В 1503 году итальянский художник Леонардо да Винчи написал по заказу портрет госпожи Моно Лизы дель Джоконда, третьей жены богатого флорентийского купца, торговца шёлком. Художник в работу вложил душу.

Губы он рисовал 12 лет, картину дорисовывал всю жизнь, заказчик же портрета не дождался.

Лиза была очень красива. Мастер влюблённым взглядом создал загадочный портрет – достойный образа Богини.

В этом произведении улыбка настолько лёгкая и приятная, что кажется, будто зритель созерцает надчеловеческое божественное существо, на которое невозможно насмотреться.

Женщина с изюминкой привлекает к себе всеобщее внимание. Если Вы, не спеша, как бы безразлично, пройдёте мимо картины, Джоконда ревниво меняет выражение лица и, как живая, следит за вами томными глазами.

Вот уже 500 лет люди удивляются этой слегка иронической, флиртующей, живой улыбке, которая достигла в живописи своего совершенства и является одной из самых знаменитых загадок необычайной картины. Лиза, позировавшая художнику, умерла молодой, в возрасте 28 лет.

А легендарная улыбка, между тем, с годами всё ясней. Не меркнет и не угасает – светлее дня, сильнее тьмы. Джоконда, видно, что-то знает, чего ещё не знаем мы.

Говорят, тому, кто раскроет тайну этой улыбки, Лувр выдаст миллион долларов.

Свой вариант раскрытия великой тайны попробовал сделать немец из России, теперь житель баварского городка Bad Reichenhall, что в шести километрах от Зальцбурга – почти девяностолетний художник – Андреас Предигер.

Прочитав работу российского немца Отто Эстерле «Стратегия золотой середины», художник тут же спроектировал в фантазии свою Джоконду, скомпоновал её в композиции с трёхликим Янусом и назвал новую картину «Улыбка, правда и неправда».

В центре внимания таинственная женская улыбка, результат зарождающихся в голове сладких воспоминаний, а может быть, новых планов, сумбурный водопад святых и грешных мыслей.

Справа за душой стоит эталон чистоты и совершенства – Сын Божий, который до сих пор в изгнании у многих лиц и народов. Слева – противоположный символ красной религии – Владимир Ленин. Его пытались поставить вместо Иисуса, его боготворили, на него молились. Его портреты вытеснили иконы почти во всех русских избах. Всплывшая о нём правда лучше бы была ложью! Между правдой и неправдой – бездна. Вот такая получилась троица. Но человек – парное существо.

Одного из них всегда берёт себе в спутники и ставит рядом или впереди, берёт с него пример. Другой – остаётся невостребованным, сзади, в тени, и подвергается гонениям. Каждый выбирает для себя женщину, религию, дорогу...

Нельзя служить двум господам сразу. Несовместима сладкая ложь и горькая правда. Многие хотят сладко жить, сладко есть, сладко спать, сладко улыбаться, – как бы сладкоежкам не заболеть сахарным диабетом.

Правда с ложью – вечные враги. Борьба добра и зла – смертельная борьба. Зло порождает зло. Добро зло обрывает. Разные мысли рождаются в человеческой голове, поле боя – его душа, улыбка, как витрина магазина, а документ всему – картина.

Как-то в разговоре с художником кто-то высказал мысль, что остриё бритвы может служить примером понимания добра и зла. Художнику захотелось это изобразить в своей картине под названием «Что есть истина».

Как острие бритвы, отсекающую ложь от правды, он изобразил Иисуса Христа. Справа от Сына Божьего – поставил чистого, верного, светлого Ангела Хранителя.

Перед ними срезавшийся падший ангел, в виде сатаны, превратившегося в тёмную, отвратительную, лживую силу: с рогами, копытами и корыстными планами. Так художник попробовал ответить на вопрос «Что есть истина».

Христос сказал: «Я есть путь, и истина, и жизнь!» Он, как бритва, отделяет ложь от правды, и всё ставится на места! Грешный человек истиной быть не может. Он может только таинственно улыбаться, но видит Бог, что происходит у него в уме, какие страсти там бурлят в борьбе греха со святостью, и как это выливается в лёгкую улыбку. Свой вариант понимания Джоконды художник выставил на суд зрителей!

Андреас Предигер, несмотря на свой солидный возраст, в последнее время много читает, размышляет, философствует, он написал несколько новых картин.

Среди них – «Три автора экономического чуда Германии», «Немецкие чемпионы по футболу 2014 года», «Цветы для фрау Триммер».

Натюрморт «Умом Россию не понять, в Россию можно только верить», созданный по мотивам известного стихотворения Фёдора Ивановича Тютчева, написанного в Мюнхене, где тот служил в качестве атташе русского посольства.

Опытный художник Предигер завершил иллюстрацию к книге берлинского писателя Лео Германа «Правда о великой лжи» (Том 1. Страница 126).

На переднем плане картины изображена заспиртованная голова царя Николая II, извлечённая после смерти Ленина из его большевицкого сейфа.

На картине революционная тройка – троица и её жертва. В головах Сталина, Куйбышева и Дзержинского замышляются новые кровавые планы. В сговоре у всех загадочные лица.

ХУДОЖНИК ГЕЛЬМУТ ФРЕЛЬКЕ

Предки Гельмута Фрельке, откликнувшись на приглашение Екатерины II, выехали из Тироля и попали в Житомирскую область, в Новоград-Волынский район, в немецкую колонию Зигенталь, ныне село Боголюбовка.

Долгий и тяжёлый труд превратил бедных немецких крестьян в зажиточных колонистов.

В тридцатые годы, в период раскулачивания, у них отобрали всё, а самих депортировали в Казахстан, в Талды-Курганскую область, в село Сталинское, позже село Крупское.

Отец, Фрельке Фридрих Августович, стал работать кузнецом, мать – Эмма Карловна Тецлау – свекловичницей. Она умерла в сорок девять лет от непосильной работы, но в справке написали – от материнской болезни.

В семье осталось трое детей – Эрика, Неля и Гельмут. Старший брат Володя умер ещё в годовалом возрасте. Отца забрали в трудармию, где, по его рассказам, погибло 70% личного состава.

Гельмут родился в селе Крупское 11.07.1951 г., с восьми лет пошёл в школу. Детство у него было строгое, дома говорили только по-немецки, на улице – как хочешь. Библия была всегда с ним, хочешь – не хочешь, а утром и вечером должен её читать, обязательны утренняя и вечерняя молитвы, благодарение перед едой и весь день соблюдения христианских принципов.

После окончания школы со всего села дальше поступили учиться только два человека. Гельмут поступил в Ленинградское художественное училище имени Валентина Серова и проучился там четыре года. Затем служил в Киргизии на озере Иссык-Куль, в городе Рыбачье.

Потом поступал в Ленинградскую художественную Академию, но его не допустили, и он, чтоб не пропало время, поступил в Ленинградский педагогический институт имени Герцена на художественно-графическое отделение. Учился, подрабатывал, писал картины, выставлялся, стал членом Союза Художников СССР. Три года учился там, и каждый год параллельно поступал в художественную Академию, на четвёртый год поступил.

При приёме настойчивому абитуриенту сказали: «Если хотите, можете поступить на театральное отделение, по специальности художник-декоратор, больше Вас никуда не возьмут».

Гельмут, не раздумывая, ответил согласием.

Его приняли на театральное отделение к народному художнику России, действительному члену-корреспонденту Российской Академии художеств, лауреату

Государственных премий, кавалеру Ордена «За заслуги перед Отечеством», профессору Кочергину Эдуарду Степановичу. Гельмут, как губка, впитывал в себя знания своего учителя.

После окончания художественной Академии профессор Кочергин взял Гельмута в качестве художника к себе в БДТ – большой драматический театр Товстоногого. Каждый день Гельмут встречался с элитными людьми, носителями славы и культуры. Среди них были – Алиса Фрейндлих, Татьяна Доронина, Олег Басилашвили и многие другие.

Престарелый отец Гельмута жил в Германии уже 15 лет, с 1974 года, и нуждался в повседневной физической помощи своих детей. 17.12.1989 года Гельмут с семьёй переехал в ФРГ.

После языкового курса Гельмут два года работал художником в городском театре города Брауншвайга, затем год учился в Бонне, изучал графику и искусство интарсии, одной из разновидностей инкрустации. С помощью различных пород дерева он имитировал неповторимую текстуру различных пород дерева, создавая сказочные картины. Каждая такая картина уникат. В Бонне в этом направлении так же работает талантливый художник-переселенец Петер Кремпель

Затем Гельмут окончил курсы мозаики по дереву. Осваивал все тонкости искусства и стал свободным художником, писал картины, много выставлялся.

У него были выставки в России – в Ленинграде, Москве, Новосибирске, – в Японии и Германии – в Аахене, Вольсбурге, Зигбурге, Дрездене, Мюнхене, Штутгарте, Франкфурте-на-Майне, Гамбурге, Кёльне, Бонне, Берлине, – и во Франции – в Париже. Его картины скупали прямо на выставках.

Чтобы иметь больше личного времени, Гельмут принял предложение досрочно выйти на пенсию, но писать собирается и дальше, он полон планов. Жена Ольга, бывший преподаватель русского языка и литературы, поддерживает его во всех начинаниях. У них два сына: Артур и Эдик.

Артур в 17 лет на соревнованиях в Италии на чемпионате мира по кун-фу завоевал третье место. Когда семья переехала из Вольсбурга в Берлин, его спортивная карьера закончилась. Он уехал в Ленинград, закончил там университет «Кино и Телевидение», получил профессию художника-аниматора. Младший сын тоже закончил факультет дизайнера в Берлинской технической школе, но его работа больше связана с рекламой.

В последнее время Гельмут Фрельке взялся за историческую тему «Немцы России», он как бы стал успешным продолжателем идеи других легендарных художников из российских немцев – Андреаса Предигера из Фульды и Виктора Гурра из Оснабрюке.

На одной из встреч «в верхах» Гельмут вручил депутату Бундестага картину, на которой была изображена Ангела Меркель. Господин Вегнер был сильно удивлён и вдохновенно обещал передать эту картину канцлеру.

Гельмут Фрельке уже написал 22 картины, посвящённые истории немцев в России, под общим названием «ИСХОД». На выставке в Берлине я долго и внимательно рассматривал его картины, уходил и возвращался вновь. Хорошая картина – как красивая женщина, от себя не отпускает и не даёт покоя. Уходишь, думаешь о ней и возвращаешься. Любуешься ею, рассуждаешь, всматриваешься и находишь всё новые и новые, неизвестные ранее, смысловые залежи художника-создателя.

С одной из картин, под названием «Исход», на нас смотрят две немки. На левой стороне изображена русская царица Екатерина II с Указом в руках. Указ о том, что иностранцы приглашаются на ПМЖ в Россию.

На правой стороне этой же картины изображена госпожа Меркель, которая держит в руках исторический документ о том, что Германия принимает немцев России, решивших вернуться на историческую родину.

Далее водоворот людей в природе. В левой части картины изображено зимнее морозное утро, во времена Екатерины II по дороге движутся в Россию три потока тяжелогружённых обозов с немцами переселенцами. На горизонте – Россия: белокаменные церкви, золотые купола, крест – символ христианства.

Посередине полотна трещина, разлом, как бы разрывающий картину на две части. Над страшной пропастью, на фоне красного революционного неба, над частью коммунистической пятиконечной звезды стоит Ленин и правой рукой показывает путь в светлое будущее. Там – торжество идей, там – шумный праздник. Музыка духовых оркестров, там движутся красные колонны с песнями, с плакатами и знамёнами.

Совершенно противоположное состояние прежней, тихой, скромной, христианской Руси слева. Нижний конец красной звезды, на которой стоит Ленин, нагло упирается в сторожевую вышку охранника ГУЛАГа. Вся власть держится на колючей проволоке, на обмане, штыках и насилии. В разломе, посередине картины, – «зона всеобщего покоя». Между двумя высокими заборами с колючей проволокой молчаливая теснота. В небытие уходит лавина замученных трудом заключённых трудармейцев. Никто не забыт и ничто не забыто!

Как следствие, на правой стороне картины – презренные, выжившие немцы России, невинно оклеветанные, осуждённые, не дождавшиеся извинений и реабилитации, сумели оторваться от праздничных колон несущих портрет Горбачёва, и тонкой струйкой возвращаются в Германию, где прячутся за надёжной спиной канцлера ФРГ.

Огромный смысловой перепад прихода и исхода. В Россию идут три богатых обоза, каждую хорошо гружёную телегу натужно тащит лошадь, или даже две. Пограничные шлагбаумы открыты, досмотра нет. Русь радуется трудолюбивым немцам-колонистам и их богатству.

Переходим в правую часть полотна, через траурный исторический пролом. Справа исход немцев из России, это не колонна, не обоз, а длинная очередь обобранных до нитки людей, ничего при себе не имеющих, редко у кого виден маленький чемоданчик.

Обманутые и ограбленные, лишённые родных и близких, имущества и наследства, они вырываются из социалистического плена и спешат на историческую родину.

Вся история немцев в России – в одной картине. Таких картин этой серии 22, и о каждой можно написать большую отдельную статью. Но лучше один раз увидеть, чем сто раз прочитать. Эти картины можно посмотреть в «Одноклассниках» на странице автора статьи. Картины сами говорят за себя.

Они так же использованы как иллюстрации в книге «Волга – моя колыбель». Это повесть о поволжских немцах.

Художник – зеркало эпохи! Работы многих художников можно назвать хорошими картинами. Картины Гельмута Фрельке – это честная и трагическая история российских немцев. Наберите в интернете имя художника, и вы значительно расширите свой кругозор.

Папа Шульц. Гиссен. Германия

Окончено 07.07.2014.

T 030-54 81 92 66.

H.Frelke@ gmx.de

ФРЕЛЬКЕ ГЕЛЬМУТ И ЕГО КАРТИНЫ

Когда любуюсь картиной мы, забываем обо всём,
то для художника это, лучшая оценка.

Кроме самих экспонатов, больше всего в картинных галереях мне нравится то, как рассказывает экскурсовод о том, что изображено на картине, об истории её создания, о её смысле, о том, что хотел нам рассказать художник.

И зритель удивляется, какой огромный замысел был у творца картины. Непостижимо! Вот что такое талант!

Но даже после близкого знакомства, хорошая картина далеко не прочитана и хранит в себе много смысла, красоты, духовности, открытий!

Многие посетители в картинных галереях рассматривают картины не останавливаясь, на ходу, мгновенным взглядом, поверхностным знакомством, и души их пусты, пустынные – пустыня.

Картиной, как женщиной, надо восхищаться, надо уметь рассмотреть в ней прелесть, новизну, прекрасность и загадку! Дело художника – вызывать у смотрящего удивление и восторг.

Художники чувствовали события! Они сквозь сердце пишут на холсте с любовью, и руки их кончаются кистями! Художник должен чувствовать движение, время, красоту и вечность, всегда быть ультрасовременным. Он – зеркало, но зеркало живое, с увеличительным стеклом своей души и отражением эпохи. Картина – часть его таланта.

О творчестве самобытного, высокообразованного немца-переселенца, который живёт в Берлине, я уже писал в очерке «Художник Гельмут Фрельке». Содержание можно найти в интернете, набрав название статьи и имя исполнителя. Там много информации. Не будем повторяться, сейчас речь идёт о его картинах. Чтобы рассказать о всех его работах, пришлось бы написать энциклопедию в несколько томов. Остановимся на его последнем триптихе «Крестный путь 2013».

Художник как бы проводит интересную параллель между тысячелетиями. Он взял тему христианства и сделал так, как будто Иисус Христос пришёл в наше время, но люди поступили с Ним так же, как две тысячи лет назад.

С того исторического события присутствия Бога на земле прошли тысячелетия. Сегодня внешний мир человека изменился до неузнаваемости, изменилось качество жизни, её комфортабельность, жильё, мода, техника, технологии – на грани фантастики, простые люди живут лучше бывших царей и королей, а внутренний мир человека остался без изменений. Душа зависла, осталась без усовершенствования и даже наоборот.

Под современной оккупацией «люцифера» оказались почти все человеческие души, мало кто вырвался из его плена. Сатана уверенно готовит своих людей к гибели.

На улице и на картине «Суд Христа» видно – многие с партбилетом сатаны, с его меткой. Они, не задумываясь, носят футболки с изображением человеческого

черепа и других символов смерти. Они утопают в алкоголе, в наркомании, в татуировках, в персингах, першингах, слушают тяжёлый рок, ругаются матом, а мат – молитва сатане. Говорят мусорные слова, например: «пошёл к чёрту», а это его пароль, страшное проклятие! Как мотыльки летят ночью на свет и сгорают в пламени свечи, так и неверующие по незнанию и безверию своему идут на погибель, и сгорают в аду. А ад уж переполнен и извергается наружу сквозь жерло оживших вулканов кипящей магмой грешных душ. Если вдуматься в смысл – ужасная картина.

На первой картине триптиха «Суд над Христом» изображено современное общество. Как и в далёком прошлом, после ночного своего суда, первосвященники со старейшинами и книжниками и весь синедрион немедленно поутру провели совещание и, связав Иисуса, отвели и предали Пилату.

В центре в военной форме стоит представитель оккупационных войск, Римский генерал, комендант, наместник Понтий Пилат. Девушка адъютант держит перед ним чашу с водой. Генерал уже принял решение и умывает руки. За ним стоит фарисей и царь Ирод.

На заднем плане слева – солдаты древнего Рима, справа – современные силы безопасности, на них униформа толи ООН, толи ОМОН. Офицер в мегафон что-то кричит обезумевшей толпе.

Событие сногшибательное! Сенсация! Перед генералом слева, справа, сзади – представители СМИ, фотокорреспондент и кинооператор в упор снимают Пилата, сзади – корреспондент радио протягивает на штативе свой микрофон. Что будет сказано?

В левом нижнем углу – в чёрных кожаных фуражках шестиклинках толпа голубых садомистов, чуть ниже – бритоголовые неонацисты, националисты, женщина лёгкого поведения, человек в маске, ирокезы, панки, язычники. В наушниках – любители рок-музыки, чуть выше на фоне флага с крестом в белом круге стоит кто-то с рисунком черепа на спине и рожками на голове. Можно догадаться кто это?

В правой части картины изображены мусульманин, иудей в чёрной «штраймл» шапке, протянутые руки в приветствии «Рот фронт», а рядом – приветствие в виде «Аве Цезарь или Зиг Хай!»

В толпе виден плакат «Стоп!» и рядом – другой, с указательным пальцем вниз, что означает «смерть», «ненависть», и таких в толпе большинство.

На видном месте картины стоит спокойный, смелый, молодой человек, уверенный в своём правильном выборе. В нём злобы нет.

Перед ним два прокурора-обвинителя, один из них яростно тычет пальцем в небо и вопрошает: «Ты сын Божий?» Второй – тычет пальцем в грудь Иисусу и, пресмыкаясь перед Пилатом, истерично обвиняет в несодеянном. Все – в чёрном, все чёрные силы собрались на свой суд.

Единственная светлая личность – Иисус Христос!

Триптих «Крестный путь» или «Путь к спасению» – это поэтапная фиксация реального исторического события, состоящего из 16 картин: Суд. Одевание короны в подвалах тюрьмы. Иисус несёт на себе крест. Три падения измученного Христа. Симон несёт крест. Иисуса держат на коротком поводке, на нём верёвки – проявление унижения, презрения, цинизма греха над святостью. Далее происходит встреча с матерью, встреча с женщиной, встреча с Вероникой, проявившей сострадание и вытершей пот с лица сына Божьего, и Лик Христа отпечатался на её платке, как на плащанице. Потом с Иисуса срывают одежды. Прибывают к кресту. Римские солдаты, жестокие садисты, без сострадания заколачивали гвозди в живое, трепетное тело. Распятие!

На втором плане многих картин можно отыскать образ барабанщика в расистской одежде куклуксклановца, он, как стервятник, чует грешный запах. Но на всех картинах Иисус находится в светлом круге – это как луч прожектора, свет Божий. Сын всегда находится в поле зрения Отца Небесного. А за спиной Иисуса живая цепь ангелов-хранителей. Следующее полотно: Христос умирает за грехи всего мира. Иисуса снимают с креста. И – радостная заключительная картина «Воскресение».

На ней мы видим, что тяжёлая каменная могильная крышка лежит в стороне. Иисус воскрес и выходит, взлетает из могилы. Мы видим его со спины, он – счастливый и вдохновлённый. Два ангела с радостью открывают ему невидимую завесу в царство Божие.

Впереди – ярче солнца, свет Божьей славы! Справа на горизонте виднеется крест голгофы.

У распахнутых дверей пали в страхе – слева – древний римский воин, справа – современный солдат с щитом и автоматом. Оба – в шоке. Солдаты – слуги смерти, в ужасе. У них идёт крушение души и самосознания.

Христос воскрес! Он сильнее смерти! Он победил смерть и вознёсся к своему Отцу в царство небесное! Он дал эту возможность всем, кто в него верит! Триумф!!!

Гельмут посылал свои работы в центральное церковное управление с просьбой оказать содействие в устройтельстве выставки, но ему отказали без указания причин.

Но объединёнными силами общественных организаций переселенцев всё-таки удалось организовать в Берлине выставку картин Гельмута Фрельке, которая будет проходить 19 декабря 2014 года, в 18 часов вечера, в русско-немецком доме, по адресу Фридрихштрассе 176 -179. Телефон для справок 030-33 02 59 79. Приглашаются все желающие. Добро пожаловать! Всех рады видеть!

Райнгольд Шульц. Германия. Гиссен.

PS:. Картины можно посмотреть в одноклассниках на странице автора, в фотоальбоме: «Мой друг – художник Гельмут Фрельке».

Начато 05.10.2014 - Окончено 22.10.2014.

T 030-54 81 92 66. H.Frelke@ gmx.de

Фрельке Гельмут и его невероятные картины

Каких только картин на свете не бывает. Картины из живых людей на праздничных трибунах стадионов, картины на асфальте, на заборах, на стенах домов, на потолках, на шкатулках, на пивных пробках, из пивных пробок. Есть картины из птичьих перьев, на птичьих перьях, из соломки, янтаря, морских ракушек, песка, из цветов, овощей, сухих листьев, из зерна и вермишели. Рисуют на пасхальных яйцах, на стекле, на бересте, есть великолепная палехская роспись. Известна пол-артовская, тибетская, цифровая и миниатюрная живопись. Существуют картины из пайеток, из пластилина, из кожи, из объёмных красок, витражи, мозаика, выжигание по дереву, картины-татуировки, литые из чугуна, бронзы, алюминия, на тарелках, на вазах, на тортах. Бывают картины вышитые, из драгоценных камней, но самые редкостные – это когда их создаёт сама природа на шпоне деревьев разных экзотических пород.

На развёрнутом шпоне, толщиной в один-три миллиметра, можно обнаружить фантастические сюжеты для невероятных картин. Художнику надо лишь их

распознать, узреть предполагаемую картину на задуманную тему и приложить свои умелые руки. Но прежде чем руки художника сделают доброе дело, картины должны родиться в голове художника, в его фантазии. Шпон оливкового дерева, которое растёт только в южных странах, обладает природным рисунком, имеющим очень богатую художественную основу. Это очень дорогой материал, стоит от 30 до 3000 евро за один квадратный метр. Каждый рисунок неповторим, и каждый слой шпона отличается от предыдущего, поэтому копию картины сделать невозможно. После составления эскизов очень много времени, от 2 до 3 лет, уходит на скрупулёзный подбор шпона из внутренней структуры дерева.

Шпон из дорогих пород дерева делали давно. Ещё в средние века его применяли для изготовления красивой мебели для знатных и богатых людей. Тогда же появилось искусство инкрустации. Разными узорами украшали шкафы, столы, шкатулки, шахматные доски, но всё это ничего общего с картинами на шпоне не имеет. Есть много картин из шпона, но есть картины на шпоне, и эти очень редкие произведения искусства существуют пока в очень ограниченном количестве.

По библии оливковое дерево после потопа выросло самым первым. Картина с белым голубем, принесшим Ною ветвь оливкового дерева, является символом мира. Вечнозелёное субтропическое дерево из рода маслинов является двуполым растением, поэтому в каждую ямку сажают два дерева, женской и мужской особи. Оливковое дерево бессмертно – из дупла старого дерева вырастает молодое новое, и так повторяется без конца.

Гельмут Фрельке, талантливый художник, живущий в Берлине, уже с громким именем, впервые узнал об этом направлении, будучи в гостях у первооткрывателя этого направления в искусстве Пауля Кренца. Там были и другие художники-переселенцы: Виктор Ланг и др. Хозяин дома рассказывал гостям о своей оригинальной идее, показывал новое начинание и подарил каждому по куску оливкового шпона. Когда Гельмут Фрельке впервые взял в руки художественный шпон, он был просто изумлён от обилия возможных тем для будущих картин. Шпон был удивительно красив с фантастически разнообразными рисунками.

Гельмут Фрельке, написавший серию картин по истории советских немцев, давно знаком читателям газет по очеркам «Фрельке Гельмут художник», «Фрельке Гельмут и его картины», «Фрельке Гельмут и его невероятные картины». Его история и история его творчества поэтапно раскрываются в его картинах, которые можно посмотреть в интернете на многих персональных сайтах. Гельмут более чем заинтересовался новым направлением в живописи. Живопись – это стихи, написанные кистью, поэзия, которую видят, которой любят и молча наслаждаются чувством прекрасного. Душа художника – храм красоты.

Пауль Кренц рассказал гостям, что родился он в 1948 году под Винницей, в селе Соколово. Немецкая семья потомственных инкрустаторов по дереву, из древнего швабского рода мебельщиков, обосновалась на Украине и жила в достатке. После кровавой революционной бури уцелел только отец Пауля Кренца, но у него была очень тяжёлая судьба. После школы Пауль учился в художественном столярном училище и за хорошие оценки получал государственную стипендию, которая сделала возможным дальнейшее обучение. Убеждённый католик, борец за справедливость, он превратился в ярого антисоветчика, за что и отсидел в советской тюрьме пять лет. В 1990 г. он вместе с женой и двумя детьми бежал через Чехию в Германию. Здесь он осел

Niederkassele Rheidt под Бонном и продолжает заниматься любимым делом. Кренц – единственный из всех переселенцев, работы которого трижды занесены в книгу рекордов Гиннеса. В 2000 году он подарил самому Папе Римскому Венедикту XIV инкрустированную икону «Мадонна», а в 2006 г. ещё три свои работы передал музеям Ватикана. Пауль сделал себе имя, капитал и теперь искал учеников и последователей.

Картина на шпоне сложное технологическое творение, трудная и кропотливая работа. Кроме немцев из России в Германии, нигде в мире таких картин пока не делают. Сначала готовится основание, деревянный щит, на него горячим способом наклеивается подобранный по структуре композиции будущей картины, подходящий шпон. Затем вытаскиваются образы из рисунка дерева, их проявляют и усиливают прозрачными красками типа «Бейц» в зримую реальность. В такой работе художники хоть и пользуются красками, но пишут чувствами.

Через год, будучи в Кёльне, Гельмут снова заехал к Паулю, они договорились о творческом сотрудничестве, совместной работе в этом направлении и наметили организацию будущей совместной выставки картин нового направления.

Через некоторое время для выставки набралось около сорока работ, в том числе по выстраданным эскизам Гельмута Фрельке было создано шестнадцать картин на шпоне, под общим названием «Крестный путь Иисуса Христа». Собственную технологию, много времени, всю душу и бессонные ночи вложили художники в эти картины.

Во время выставки в Кёльне, которую посмотрели полтора миллиона человек, неожиданно обнаружилось, что из комплекта Пауля Кренца украли две картины. Дело чуть не дошло до суда, но потом всё остыло. На мир надо смотреть с любовью, глазами Иисуса Христа, – решили верующие художники, и всё простилось.

После выставки в сердце Гельмута загорелась идея создать ещё один, свой личный вариант последнего пути Сына Божьего. Теперь в мире существуют две параллельные работы из цикла «Крестный путь». Каждый набор состоит из четырнадцати картин. Первый комплект находится у Пауля Кренца, второй – принадлежит Берлинскому художнику Гельмуту Фрельке. Это не повтор, не копии, а два разных оригинала.

Повторный комплект картин из цикла «Крестовый ход», выполненный на шпоне оливкового дерева, имеет абсолютно аналогичные названия картин:

- 1) Суд Пилата над Иисусом.
- 2) Иисус несёт свой тяжёлый крест.
- 3) Падение Иисуса под тяжестью креста.
- 4) Иисус под тяжестью креста падает во второй раз.
- 5) Иисус успокаивает плачущих женщин.
- 6) Симон из Цирении помогает Иисусу нести крест.
- 7) Иисус встречает свою плачущую мать.
- 8) Иисус падает в третий раз.
- 9) Вероника вытирает своим платком кровь и пот с лица Иисуса.
- 10) Солдаты делят одежду Христа.
- 11) Иисуса распинают на кресте.
- 12) Иисус умирает на кресте.
- 13) Иисуса снимают с креста.
- 14) Иисуса кладут в гроб.

«Я пришёл не судить мир, а спасти его!» – молча говорит Христос с картин Гельмута Фрельке. Картины – песни его души. Художникам не нужно делать памятников, они уже созданы их трудами. Сила картины во взгляде смотрящегося. Многие не могут оторвать от них взгляд. Нужна выставка! Необыкновенные шедевры ищут своего массового признания.

Художник-новатор схож с вперёд смотрящим на парусном корабле Колумба! Увидев берег, тот закричал: «Земля! Земля!» Матрос не предполагал, что увидел новый, неведомый континент, что первым открыл Америку.

Откройте свою «Америку»! Наберите в Интернете имя Гельмута Фрельке и наслаждайтесь виртуальным вернисажем удивительных творений немца из России.

Райнгольд Шульц. Гиссен. Германия.

Работа начата 20.11.2014.- окончена 25.11.2014.

БЛАГОДАРСТВЕННОЕ ПИСЬМО

Дорогой, многоуважаемый Гельмут Фрельке!

Разреши мне от всей души выразить Тебе, как художнику, свой неудержимый восторг, удивление и сердечную благодарность за твой прекрасный, фантастический и скрупулёзный труд! Я и раньше всегда восхищался твоим талантом и трудолюбием и как мог старался донести своё мнение до наших современников и земляков.

Твоё творчество вызывает большой интерес у широкого зрителя, оно отличается высоким профессионализмом, эмоциональностью и необыкновенной выразительностью.

Твоё высокое мастерство заставляет зрителя прикоснуться к прекрасному, проникнуться большим уважением и любовью к тебе и к твоим работам.

Ты замечательный художник с ярко выраженной индивидуальностью, достойный и уважаемый представитель нашего передового авангарда.

Твои полотна на философские, исторические и христианские темы пропитаны драматизмом, любовью, состраданием к нашей тяжёлой, многострадальной истории. Неповторимые её мгновения, запечатлённые в твоих работах, вызывают душевный трепет, размышления, негодование и задумчивость, вселяют гордость за наших людей, за их гражданскую позицию, за силу духа твоих картин!

Твои произведения являются истинным достоянием нашего народа – немцы из России.

Особо хочу поблагодарить тебя за великолепные портретные работы, в том числе и за твой для меня драгоценный подарок – портрет, который ты приурочил к моему шестидесятипятилетнему юбилею. Преклоняюсь перед твоим дружелюбием, искренностью, вниманием и щедростью, по-братски благодарю тебя за всё, с низайшим христианским поклоном!

От чистого сердца желаю Тебе крепкого здоровья, достатка, успехов, всенародной любви, творческого вдохновения и долгой приятной жизни!

Писатель публицист

Папа Шульц.
Германия. Гиссен.
14.11.2014.

МАРИЯ И ЕЁ КРЕПОСТЬ

Интеграция

МАРИЕНБУРГ – так называется очень хороший и недорогой пансион-отель, находящийся в шести минутах ходьбы от станции Берлин-Лихтенберг. На этой станции надо выходить в сторону Weitlingstrasse. Выйдя из вокзала, повернуть направо, пройти два квартала до почты, там повернуть налево, перейти улицу, опять пройти пару кварталов до улицы Zacherstrasse, дом 11.

Над входом увидите оригинальный герб с надписью www.pension-marienburg.de. Тихий, уютный спальный район, много бесплатных парковочных мест, напротив – продуктовый магазинчик, чуть дальше – Lidl, Aldi, Togo. Комнаты чистые, светлые, большие, потолки высокие. В пансионе 13 комнат, 26 мест. В каждом номере свой цветовой дизайн и романтическое название, например, «тысяча и одна ночь», «дикая кошка», «бабочка». Во всех номерах – телевизор, холодильник, сейф, шкаф, стул, стол, кровать. Хозяйка пансиона – немка-переселенка из Сибири Мария Владимировна Дерр.

Родителей Марии, Владимира и Милиду Дерр, урожденную Дорн, в сорок первом году выслали из Саратовской области, где они жили в деревне Курнаво Нойвальтерского района. После долгой и трудной дороги лютеранская семья оказалась в Омской области, в Полтавском районе, в деревне Соловьёвка.

Мария родилась в Соловьёвске в январе 1955 года, потом они переехали в райцентр Нововаршавку. В семье было трое детей – Валентина, Мария, Виктор. После школы Мария закончила Омский сельхозинститут, экономический факультет, отделение бухучёта. В 1982 году получила диплом, работала экономистом в исполкоме райсовета, потом была ведущим специалистом по экономике в администрации района.

Муж, Александр Азаренко (Царство ему небесное), был русский, и в 1994 году ехать с семьёй в Германию отказался. Мария оформила развод, поехала сама с двенадцатилетним сыном Димой.

Первое время на исторической родине было очень сложно, хотя по-немецки она почти всё понимала, но говорила с трудом. Приехали колхозом – всей родней. Первым лагерем для них оказался Брамше, вторым – Мариенфельд в Берлине, затем жили в Кёпенике, потом получили квартиру в Лихтенберге.

Диплом о высшем образовании ей признали без ограничений. После «шпрахкурсов» она сразу пошла на курсы повышения квалификации по специальности, освоила компьютер, затем нашла работу в «Unfallkasse Berlin». Работала бухгалтером, начисляла страховочную выплату мамам, дети которых пострадали от несчастного случая.

Шеф и все коллеги были добрые, вежливые, милые, общительные. Это был очень хороший коллектив, подобрались такие замечательные люди, что она не чувствовала себя чужой на новом месте. Это придало ей уверенности в себе и приятное чувство родины.

Работа была ограничена по времени, только на один год. Мария проработала там три года. После трёх лет по закону работодатель обязан либо продлить трудовой договор на бессрочное время и повысить зарплату, либо не продлять. Марию сократили. Пришедший на фирму последним всегда вылетает первым.

Живя на социальном пособии, Мария работала «эренамтлик», совершенно бесплатно, надеясь в будущем получить место. В то время она подружилась с

берлинской писательницей Лорой Рихтер. Куда только они вместе ни ходили, чтоб устроиться на работу и найти своё место в жизни. Когда стало совсем тяжело, Мария пришла к Богу, покаялась и в 1996 году приняла водное крещение в Лютеранской церкви Берлина.

Потом случайно нашлась работа в небольшом отеле-пансионе, стоящем в очень удобном месте. Отель от пансиона отличается тем, что в пансионе ванная и туалет общий, но зато и цены там намного ниже, чем в отеле, а это очень привлекает гостей Берлина.

Проработала там полгода, и пансион стали продавать. Мария уже поняла, как работает эта система, и хотела сама его купить, но ей не дали необходимый кредит. Когда её уволили, она твёрдо решила заняться своим делом: «Зачем я должна на кого-то работать?»

Для начала решила взять в аренду две 4-х комнатные, одну 3-х комнатную квартиру и обустроить их под пансион, наработать деньги и расширяться дальше. В 2008 году нашла подходящее запущенное помещение, арендовала его, сделала большой ремонт, купила мебель, кровати, постельное бельё, картины, зарегистрировала фирму. Сколько она вложила туда труда и денег – вспомнить страшно!

Первое время было очень трудно, зимой клиентов почти не было, она платила аренду за пустые номера из своего кармана, но потом пансион приобрёл некоторую известность, и стало легче. Сейчас Мария довольна жизнью и рада, что тогда решилась на отчаянный шаг, а не сидела дома перед телевизором.

Мой дом – моя крепость! Желая своему «гешефту» непотопляемости, стабильности и долголетия, Мария назвала пансион своим личным именем «Марьина крепость», «MARIENBURG».

Средневековые рыцари-крестоносцы Германского Тевтонского Ордена построили в 80 километрах от границы с Калининградом самую большую кирпичную крепость в мире. Этот исторический памятник на высоком откосе правого берега реки Ногат называется Мариенбург – в честь девы Марии. Уже семь веков монументальная громада восхищает взоры своим величием, множеством разнообразного оборонительного оборудования, толщиной могучих стен, смелостью конструктивных решений и богатством разных архитектурных элементов. Укрепительное сооружение занимает территорию более двадцати гектаров и состоит из трёх замков, объединенных в один оборонный организм с системой мощных фортификаций. Там всё продумано: место, ходы, стены, башни, брустверы, колодцы. Мы покупаем нынче сувениры, забывая споры тех времён. Где-то в прошлом – рыцари, турниры и борьба за королевский трон.

В своём Мариенбурге Мария сама себе королева, хозяйка, экономка и служанка. Рабочий день круглосуточный, без праздников и выходных. Болеть просто нельзя. Она каждый день сама готовит завтраки, сама стирает, убирает, меняет постельное бельё, сидит в регистратуре, каждый день общается с клиентами. Она нужна людям. Работа приносит удовольствие, и при этом она ещё что-то зарабатывает. На жизнь хватает, и на отпуск хватает, и для сына, и для его наследства.

Дима был маме всегда первым помощником, работает у мамы и параллельно заканчивает Технический университет Берлина по специальности инженер-мехатроник. В 2009 Дима женился на местной немке Джанин Кюль с острова Рюген. В 2012 году построил дом в Берлине-Биеддорфе недалеко от озера. Очень хорошее место. В январе 2014 у него родился сын Джеми. После окончания учебы Дима вероятнее всего пойдёт на работу по своей новой престижной специальности.

Мария живёт на съёмной квартире с мамой Милидой, которой 85 лет. Мама – золотой души человек, ещё бодренькая, сама готовит обед. Отец умер давно, в Сибири, когда Марии было 20 лет. Квартира находится недалеко от её Мариенбурга, 10 минут

пешком или три минуты на машине. Бывает, гости приезжают ночью, стоят перед закрытой дверью и звонят. На машине Мария в мгновение ока появляется пред ними, и все проблемы тают, как туман. По предварительной договоренности она может встретить гостей на железнодорожном вокзале и в аэропорту. Как Мария делала водительские права, училась ездить и добывала на учебу деньги, – отдельная, невероятная история.

Её старшая сестра Валентина и младший брат Виктор трудятся в Берлине на хороших местах. Интеграция прошла успешно! Ностальгии у Марии нет, вся родня здесь.

В 2012 г. у Марии умер второй муж Владимир Ефименко. У него было больное сердце. Когда Мария пришла домой, он лежал на полу. Вызвали скорую, он месяц лежал в коме, но спасти его не удалось.

Первая жена Володи была больна раком. Она приехала в 2000 году из Санкт-Петербурга в Берлин лечиться и забрала с собой младшего сына. Когда Татьяна уже умирала, вызвала к себе мужа. Он бывший военный, подполковник, был советником во Вьетнаме, приехал сразу и подал документы на «азюль», но ничего ещё не успел получить, как жена умерла. Ему надо было остаться в Германии. Люди познакомили его с Марией. Они понравились друг другу и в 2002 расписались. Несмотря на непреодолимые бюрократические барьеры, Мария всё же усыновила его младшего сына Андрея, чтобы он смог остаться со своим отцом.

Но вскоре Андрей стал выходить из-под контроля родителей, и, чтобы не случилось худшее, его отправили в армию. Ему там понравилось, сейчас он профессиональный военный, на службе уже 11 лет, но с Марией прекратил всякие отношения, забыв всё, что для него было сделано. Старший сын Владимира живёт в Санкт-Петербурге.

Когда Мария ездила с Володей в город на Неве, она «пропитывалась» там русским духом, окуналась в русскую речь и образ жизни и всякий раз уезжала со слезами на глазах. Но, приехав в Берлин, чувствовала себя дома, настоящей немкой, и всё становилось на свои места.

В Берлине у Марии доброе имя, с неё многие могли бы брать пример. У неё регулярно собираются русскоязычные литераторы из общества «Blik e.V.» и проводят там интересные творческие вечера. Там же обсуждают публицистику члены клуба любителей журнала «Ost-West Panorama». С 2011 года пансион является официальным партнёром известной хоккейной команды «Eisberen Berlin». Являясь членом партии CDU, Мария активно участвует в общественной жизни. Посещает разного рода мероприятия на городском и государственном уровне. Принимает участие в политических дискуссиях и предвыборных кампаниях. Её приглашают на встречи с видными общественными и политическими деятелями. Она всюду отстаивает своё мнение и показывает крепость духа. Мария хочет гордиться своей страной, видеть её успешной и процветающей, чтобы в ней счастливо жилось, и не было бы стыдно перед современниками и потомками.

На будущее у Марии свои планы: надо помочь сыну вырастить внука и успешно расширить своё дело так, чтобы её Мариенбург был нерушимой, надёжной немецкой крепостью.

Папа Шульц, Берлин-Гиссен. 22-29.04.2014г.
Мария Дерп Тел. 030-83 03 89 91; 0176-27 27 29 45.
kontakt@pension-marienburg.de

Maria und ihre Burg

Marienburg - So nennt sich eine kleine Pension im Herzen von Berlin-Lichtenberg. Es ist sehr verkehrsgünstig gelegen, vom Bahnhof sind es nur 6 Minuten Fussweg. Über dem Eckeingang der Rezeption an der Zacherstraße 11 hängt der Name und heisst jeden Reisenden Willkommen in dieser wunderbaren Stadt.

Berlin Lichtenberg ist ein ruhiger Bezirk mit wenig Trubel. Die Pension besitzt 13 Zimmer (26 Betten) die Parkplätze sind kostenlos und befinden sich direkt vor der Tür. Direkt gegenüber ist ein Cafe und Zeitungsladen, weitere Einkaufsmöglichkeiten sind binnen weniger Minuten zu Fuss zu erreichen.

Die Zimmer sind sauber, hell und großzügig. Wie in einem Berliner Altbau üblich bekommt man hohe Zimmerdecken mit Stuck und Dielenböden. Jedes Zimmer ist einem anderen Motto zugeordnet und dementsprechend auch eingerichtet. Es gibt Zimmer mit solchen phantasievollen Namen wie: "Tausend und eine Nacht" "Froschkönig" oder "Little Tokio".

Maria Derr, die Inhaberin, ist eine Spätaussiedlerin aus Sibirien.

Die Eltern Wladimir und Milida Derr wurden 1941 aus der Wolgarepublik deportiert. Sie wohnten dort im Dorf Kurnavo in der Nähe von der Stadt Saratow. Nach einer langen, beschwerlichen Reise fand sich die ganze Familie mitten in Sibirien wieder, im Dorf Solowjowka im Gebiet der Stadt Omsk.

Maria wurde 1955 in Solowjowka geboren. Später ist die Familie umgezogen nach Nowowarschawka eine Kleinstadt mit besseren Möglichkeiten. Familie Derr hatte bisweilen drei Kinder Valentina, Maria und Viktor. Maria

schloß 1982 die Hochschule in Fachrichtung Ökonomie und Buchhaltung mit Diplom. Sie kam in der Verwaltung der Stadt unter und war in kürzester Zeit die Hauptverantwortliche für die Ausgaben der Stadt.

Der Erste Mann von Maria, Alexander, war Russischer Staatsbürger und hat sich geweigert mitzukommen, als 1994 die Familie nach Deutschland ausgewandert ist. Maria hat sich scheiden lassen und ist alleine mit ihrem damals zwölfjährigem Sohn Dimitri zu neuen Ufern aufgebrochen.

Die erste Zeit in der historischen Heimat war sehr schwer. Auch wenn man die Sprache größtenteils verstand, war das Sprechen ungemein schwerer. Aber durch Zusammenarbeit mit den Geschwistern und Kindern war auch diese Aufgabe gemeistert worden. Das Diplom wurde nach wenigen Hürden anerkannt und nach der Teilnahme an Sprachkursen und Fortbildungsmassnahmen fand Maria eine Anstellung als Buchhalterin in der Unfallkasse Berlin.

Die Belegschaft nahm Sie auf und Sie wurde gefördert. Sie fühlte sich willkommen und neuen Aufgaben gewachsen. Leider fielen drei Jahre später im Zuge der Sparmassnahmen viele Stellen weg, unter anderem auch Marias.

Arbeitslos jedoch nicht Arbeitsmüde übernahm Sie Ehrenämter und so lernte Sie die Berliner Schriftstellerin Lorida Richter kennen. Von da an waren Sie zusammen in diversen Vereinen tätig. Aber Maria fand trotzdem keine Anstellung. Als es sehr schwer wurde kam Maria zum Glauben und hat sich 1996 in einer evangelischen Kirche taufen lassen.

Dann plötzlich hat ein Freund eine Verwaltungsfachkraft in einem kleinen Hotel gesucht. Maria wurde sofort eingestellt. Sechs Monate später stand das Haus zum Verkauf und Maria wollte ihre Chance nutzen, aber bekam keinen Kredit in ausreichender Höhe. Aber Sie war fest entschlossen ihr Leben in die Hand zu nehmen und sich selbstständig zu machen. Nach beschwerlicher Suche fand sich ein passendes Haus in Berlin Lichtenberg. Der Plan war mit wenigen Zimmern anzufangen und sich nach und nach zu vergrößern. So wurden erst 4 dann 8 und schließlich 13 Zimmer zu Pension Marienburg.

Aller Anfang ist schwer und auch diesmal war es nicht anders. Die erste Zeit mit einem praktisch leeren Haus war sehr nervenaufreibend. Aber durch wirksame Marketing und Werbemaßnahmen fanden Touristen und Geschäftsleute ihren Weg in die Pension.

Heute ist Maria sehr froh darüber, dass Sie den Schritt gewagt hat und nicht einfach zu Hause vor dem Fernseher saß.

Mein Haus - meine Burg! So entstand der Name dieser Pension und Maria ist stolz darauf was Sie geschaffen hat.

In ihrer Burg ist Maria gleichzeitig die Königin, die Bedienstete und auch die Zahlmeisterin. Der Arbeitsalltag ist hart. Maria ist 24 Stunden am Tag, sieben Tage die Woche erreichbar. Sie heißt täglich an der Rezeption Gäste willkommen, bereitet das Frühstück vor und übernimmt die Aufgaben eines Zimmermädchens. Feiertage kennt Sie nicht und krank zu sein kann Sie sich nicht leisten. Aber Sie ist mit Leidenschaft dabei und würde es nicht tauschen wollen. Sie ist ihr eigener Chef und Niemandem Rechenschaft schuldig.

Dimitri war schon immer der erste Helfer für Maria auch in der Pension packte er beim Aufbau und der Einrichtung an. 2009 hat er eine gebürtige Deutsche geheiratet und wurde selber 2014 Vater eines Sohnes.

Marias Geschwister Viktor und Valentina sind Angestellt in Berlin und gehen ihren Berufen nach. Familie Derr hat sich vollkommen integriert.

Maria selbst wohnt zusammen mit Ihrer 85-jährigen Mutter. Milida ist ein Goldschatz Sie ist immer noch rüstig, kocht und hält den Haushalt in schuss. Marias Vater ist gestorben als sie zwanzig war noch in Sibirien. Die gemeinsame Wohnung ist nicht weit weg von der Pension. Zehn Minuten zu Fuß oder drei Minuten mit dem Auto. Die Rezeption ist von acht bis zwanzig Uhr besetzt, ausserhalb dieser Zeiten rufen die Gäste an und Maria ist binnen weniger Minuten vor Ort. Nach vorheriger Absprache kann man auch eine Abholung vom Flughafen oder Bahnhöfen buchen.

In 2012 starb der zweite Mann von Maria, Wladimir Efimenko. Eines Tages kam Maria nach Hause und er lag auf dem Boden - Herzinfarkt. Die erste Frau von Wladimir hatte Krebs. In 2000 kam Sie mit Wladimir und ihrem Sohn Andrei aus Sankt-Petersburg nach Berlin um sich behandeln zu lassen. Wladimir war Offizier, als Sie nach Deutschland kamen stellte er einen Antrag auf Asyl aber vor der Bewilligung starb seine Frau. Nach der Beerdigung lernte er Maria durch Freunde kennen und Sie half ihm mit allen Formalitäten. In 2002 haben Sie geheiratet. Maria adoptierte Andrei und so konnte auch er in Deutschland bleiben.

Als Maria mit Wladimir nach Sankt-Petersburg reiste tauchte Sie in eine andere Welt ein, es war jedes mal ein einschneidendes Erlebnis und sie verließ die Stadt mit Tränen in den

Augen. Zurück in Berlin fühle Sie sich jedoch zu Hause, als eine echte Deutsche und alles fand wieder den richtigen Platz.

In Berlin hat Sie einen guten Ruf. In der Pension finden regelmässig Versammlungen des russisch/deutschen vereins "Blik e.V." statt. Auch die Leser des Magazin "Ost-West Panorama" finden den Weg hierher. Seit 2011 unterstützt die Pension auch den bekannten Eishockey Club "Eisbären Berlin"

Für die Zukunft wünscht sich Maria mehr Zeit für ihren Enkel und volle Zimmer damit ihre Burg noch lange bestehen bleibt.

РЕМПЕЛЬ МАРИНА ИЗ ДРЕЗДЕНА

Дерево ценится своими плодами,
а человек - трудом для других.

Марина Ремпель родилась в 1975 году в Казахстане, в городе Чу, на самой границе с Китаем. Когда ей исполнилось двенадцать лет, её родители переехали в Тольятти. Там она успела закончить школу, педучилище, поработать учителем физкультуры, спортивным тренером, а ещё с удовольствием проводила в школе разные молодёжные вечера.

В Германию, в Дрезден, Марина переехала в 1996 году, когда ей исполнился 21 год. Здесь она окончила курсы «бюро менеджеров» и выбрала сферу своей деятельности – концертное агентство, потому что очень нравится Марине приносить людям радость и устраивать праздники взрослым и маленьким детишкам.

Она зарегистрировала в Германии своё концертное агентство «EuropaArts». В агентстве работают активные единомышленники. Они с успехом устраивали авиационные гастроли Петросяна, Плющенко и других звёзд российской эстрады.

Но самые красочные спектакли были, конечно же, для детей!

С успехом прокатились по Германии праздники мыльных пузырей, у Лукоморья, выступления Лицедеев, Чудаков и Бременских музыкантов.

На время гастролей концертное агентство дополнительно привлекает наёмных сотрудников. Все вместе они не только сопровождают артистов по турне, но и становятся участниками спектакля. Они переодеваются в соответствующие костюмы, встречают зрителей у дверей, общаются, развлекают, провожают до своего места. Клоуны перед спектаклем и в антрактах со всеми шутят, танцуют в фойе, показывают фокусы, устраивают конкурсы рисунков и костюмов. Дети, пришедшие в карнавальных костюмах, получают памятные призы и подарки.

У Марины доброе сердце, она очень любит детей. Она хорошая мама, у неё двое сыновей – Эрвин и Эдуард, родились они в Дрездене, в городе сказочной красоты.

Но всё-таки здесь в Германии оказывается, очень мало что можно показать детям, кроме развлекательных парков, куда не так уж часто возят малышей родители. В каникулы, как правило, ребята сидят дома у компьютеров и телевизоров. У них нет

кучи друзей, радости общения, и Марина хочет показать им пример и сказку на эту тему.

Первый проект у неё был с московским театром кошек Юрия Куклачёва, где они охватили огромную аудиторию семейной публики в Германии. Дети, внуки, мамы, папы, дедушки и бабушки – все возрасты сравнялись в зрительском интересе. Были счастливые улыбки, поклоны, благодарные звонки и письма!

Но это был очень тяжёлый проект. Чтобы завести кошек в Германию, надо соблюсти массу предписаний и ветеринарных требований. Марина отработала несколько лет с Юрием Куклачёвым и с группой его старшего сына Дмитрия. Дети были в восторге!

Дети – благословение Божие! Семья без детей, что телега без колёс. Бездетной, взрослой немецкой публике «куклачёвские» кошки не понравились, они уходили из зала, у входа были демонстрации «Защитников животных». Были случаи, когда перекрывали дороги с плакатами «Русские мучают животных» – они их дрессируют, заставляют работать на сцене, ограничивают свободу, заставляют кошек жить в клетках.

Пришлось для кошек заказывать отдельные гостиничные номера. Условия проживания животных круглосуточно контролировались местными ветеринарными службами. В каждом городе, в каждой земле, в каждом отеле свои правила, которые очень трудно соблюдать, шёл тотальный контроль. Всё это стоило огромных нервов и финансовых затрат, этот проект оказался очень тяжёлым!

Теперь у неё в работе новый увлекательный проект «Маша и медведь». Дети на спектаклях просто поражены огромными живыми куклами. Они все тянут свои ручонки к Маше и Мишке – медведю. Этого уже достаточно для детского безграничного счастья. Дети очень восхищённо реагируют на живых кукол из любимых мультиков. Все хотят подержаться за ручку, поговорить, прижаться к любимому герою, показать свою любовь, сфотографироваться. К детям надо относиться с величайшим уважением! Дети – цветы родительской любви! Родители счастливы, когда их дети восхищаются с любовью!

Любовь особенно важна в наше непростое время, когда все народы сорятся друг с другом. Как правило, сорятся в верхах, но все беды валятся вниз на простых людей и их детишек. Люди гибнут, остаются больными, калеками, бездомными, впадают в депрессию. Чтобы этого в жизни никогда не было, тем более, у маленьких детей, Марина показывает им красоту общения, уважение, дружбу, любовь!

На спектакле «День рождения кота Леопольда» был вообще вулкан детской любви! Мгновения счастья помнятся годами. Марине так хочется, чтобы все дети были счастливы! Чтобы счастливы были их родители, бабушки и дедушки! Кот Леопольд говорит замечательные слова: «Ребята! Давайте жить дружно!»

На всё, что касается детей, агентство Марины Ремпель делает разные скидки, малыши до трёх лет проходят бесплатно с родителями. На спектакли приходит много цветных детей. Есть различные льготы для больных, для детей инвалидов, иногда она дарит бесплатные места детям из малоимущих семей. Чем иметь полупустые залы, лучше их щедро заполнять детьми – самыми благодарными зрителями.

Делая праздник чужим детям, она почти не видит своих.

– Это трудная и ответственная работа, но когда видишь восторженные глазёнки малышей, забываешь обо всем! – признается Марина.

Это трудный хлеб. Чтобы осуществить очередной проект, надо ездить по России, иметь связи, рекомендации, обладать организаторским талантом и талантом убеждения своего видения.

Затем в Германии надо составить термины, приготовить афиши, арендовать зрительные залы, гостиницы, транспорт, организовать питание, провести культурную программу для артистов, с гордостью показать им красоту немецких городов и туристских достопримечательностей.

Бывает, она выдыхается, выбивается из сил, преодолевая всякие бюрократические трудности, заходит в тупик, у неё опускаются руки, и, когда кажется что всё бессмысленно и сил больше нет, тогда всякий раз в душе появляется нежное, эфирное чувство, как будто сверху её кто-то опекает, будто там наверху у неё есть очень влиятельный покровитель и добрый наставник.

И тут же возникают неожиданные знакомства, открываются новые двери, появляются новые идеи, проявляются новые возможности, планы и перспективы. Марина с благодарностью принимается за новое дело и движется дальше, даря людям волшебный, счастливый праздник. Счастье – это всегда новая идея!

Всяк кузнец своему счастью. Сейчас Марина занята проектом «Московской ёлки», которую мечтает провести под Новый год в 22 городах Германии! В Интернете на сайте www.europaarts.de легко можно найти театральные афиши с терминами именно для вашего города. Тысячи детей на местах смогут побывать на ярком, весёлом празднике, увидеть живую ёлку и настоящего Деда Мороза!

В Германии, в русских центрах проводятся новогодние утренники с ёлкой, но они, как правило, не такие зажигательные, зрелищные, профессиональные.

А этот шикарный, красочный спектакль уже смотрели в России, в Англии, в Германии, в Польше, в США, в Объединенных Арабских Эмиратах и других странах.

Увлекательное представление наполнено поиском пиратских сокровищ, невероятными и смешными поворотами, световыми эффектами, красочными костюмами, клоунами, многими сказочными героями, говорящей ёлкой, красивой снегурочкой и добрым Дедом Морозом, который в конце праздника подарит каждому ребёнку настоящий новогодний подарок. Марина верит в успех, и успех верит в Марину.

В добрый путь, фея счастья малышей и взрослых.

Дорогие товарищи взрослые, подарите своему ребёнку кусочек настоящего счастья!

Человек создан для счастья, как птица для полёта! Так летайте высоко, далеко, красиво!

Это счастье запомнится детям на всю жизнь!

Папа Шульц
Германия. Гиссен.
25.08. - 28.08. 2014

Телефон Марины Ремпель 0351 322 77 62.
info@europaarts.de, info@russ-sterne.de

Ёшка Заврилов и «Герболайф»

Рассказ

Иосиф всю жизнь работал в советском речном пароходстве. Как все флотские, очень любил просторы, тельняшку и свою самоходку – баржу с мотором. Как и любой моряк, имел свои слабости: всё лето на свободе! На берегу он ходил в капитанской форме, носил красивую фуражку-мичманку, счастливый и гордый стоял у штурвала. Работу свою любил, собой гордился. Даже в баню всегда ходил в галстуке. В посёлке водоплавающих он был единственным баннным интеллигентом и гордился, что Иосиф Сталин был его тёзкой, хотя оба носили еврейские имена.

У него, исконно русского человека, жена была русской немкой, жизнерадостные дети обладали наследством обоих народов. Семья, как и все, жила очень скромно и, как весь советский народ, надеялась на светлое будущее!

В СССР оно не наступило, коммунизм так и не построили и в конце двадцатого века; великая страна под управлением пьяного капитана, как огромный «Титаник», развалилась и пошла ко дну. Сорокалетнего Ёшку вместе с семьёй первой же волной смыло в Германию.

В то время в Германии был коммунизм на каждой полке супермаркета. Всё было – денег не было.

Деньги – зло! Но как пойдёшь в магазин, так зла не хватает! – злились переселенцы и заболели надеждой.

«Как говорила моя бабушка, – поучал Ёшка, – самое лучшее лекарство от всех болезней – пересчитывание денег. Это упражнение для рук снимает боль в суставах, нормализует давление, полностью убирает зубную и головную боль, улучшает зрение, аппетит, гардероб, внешний вид, жизненные условия и качество жизни на этой грешной матушке-земле».

Здоровье не купишь, но заработать на нём можно! Большие деньги заработать невозможно, их надо сделать! – твёрдо решил он и занялся бизнесом. Держись, Германия!

«Лучше быть молодым, здоровым и богатым, чем старым, бедным и больным», – думал Ёшка и спешил перегнать Америку.

В новой жизни новые друзья обещали сделать из него богатого и успешного бизнесмена. Паролем к светлому будущему стало волшебное слово «Герболайф»! Пропуском послужил новый красный пиджак. На его машине появилась яркая реклама. Реклама – двигатель торговли. Торговля – капиталу мать!

После двух семинаров он начал ездить по терминам. Все его речи начинались со слова «герболайф»! Язык у него был хорошо подвешен, и рот не закрывался. Время – деньги! Время пошло! Деньги наживёшь – без нужды проживёшь! Куй железо, пока молот не поломался!

Профессор кислых щей загружал информацией всех подряд и постоянно искал свободные уши. Он ко всем приставал, как банный лист, предлагал свои товары и назначал термины. «Липучку» стали сторониться и избегать все, даже родные.

В СССР было трудно купить, легко продать, но в Германии – наоборот. «Интим и «Герболайф» не предлагать!», – писали в газетных объявлениях. Достали!!! Проходу нет от этих терминаторов.

Всюду страховщики, кастрюльщики, пылесосники, одеяльщики, амвейщики. Все продают косметику, чистящие средства, посуду, алоэ, мумиё, прополис, фен-шуй, тианши, бодифлекс, антидот, ветом, трансферты, герболайф...

Герболайф в переводе – трава жизни. Герболайф – чудо-таблетка от всех болезней! Чтобы утром стать стройной и здоровой, пейте вечером герболайф. Пейте с нами, пейте как мы, пейте лучше нас! Мы состоим из того, что едим. Сделай лекарство своей пищей, а пищу – своим лекарством! Формируйте свои привычки, которые сформируют вас!

Герр Заврилов заливался соловьём и наседавал на потенциальных покупателей так, что они верили, увлекались, забывались, сдавались и закупались. Вера творит чудеса! Хер болайф! – стало его служебным званием. Великолепный актёр, блестящий аферист, заводила, невероятно обаятельный человек всегда был необыкновенно убедительным и эффективным!

Как укрепить свой иммунитет? Как улучшить пищеварение? Как сбросить вес? Как избавиться от болей? Герболайф поможет во всех ситуациях. Займитесь герболаем, и вы сразу будете здоровы, красивы, счастливы, богаты! Это замечательная мультивитаминная, биологически активная пищевая добавка для сбалансированного питания, похудения и контроля веса. Это великолепное средство ухода за кожей и волосами производит омоложение, избавляет от целлюлита и бездетности!

По удивительной цене, только сегодня и только у меня, – увлекал Ёшка и продолжал объяснять.

Все знают, что продукт будет стоить намного дешевле, если он, минуя наценки баз и магазинов, будет покупаться прямо у производителя. Для такой прямой продажи существуют пирамидальные схемы сбыта новой управляемой организации потребителей. Успешные представительства американской компании «Герболайф» по системе МММ открылись уже в 89 странах. Ёшка так и сыпал умными словами, такими как, вирусный, сетевой, ступенчатый маркетинг, финансирование, инвестирование, доминирование, акцептирование, инновация, сенсация!

Он говорил о новейших методиках заработка на Бинарных опциях, о том, что принимает участие в создании и разработке уникальной системы автоматической торговли по системе U-Vot.

Ёшка не только продавал герболайф, он ещё вербовал в свою секту помощников, направлял на учёбу и превращал их в своих подчинённых продавцов.

После нескольких семинаров, почуяв перспективу и запах наживы, новые терминаторы наперегонки готовы были навязать герболайф родным, семье, родной маме. Соцсоревнование при капитализме называется конкуренцией. В этом деле скромность не нужна! Богатеет шустрейший и наглейший!

В Ёшкиной команде набралось много идейных исполнителей, впавших в экономическую зависимость. Они вертелись, как волчки, и отчисляли со своей прибыли проценты в Ёшкин кошелек.

Структура фирмы простая, как насест для кур в сарае. Каждый норовит занять место повыше, клюнуть ближнего и загонять тех, кто внизу; такой пирамидальный способ позволяет тем, кто на самом верху, стать миллионером, не напрягаясь.

Изменений в организме, отдалённых, обратных, негативных последствий, как и бега на месте за здоровьем, никто замечать не желал. Деньги застилали глаза делающим деньги.

Не зная немецкого языка, папуасная диаспора в Германии жила по законам параллельного общества, вовлекая в бизнес ближнего своего! Дремучие соотечественники из совкового питомника всему верили и наивно надеялись, что как в сказке, придёт добрый дядя – «благодетель наш», и сверху свалится богатство, найдётся клад и откроется золотая жила. Ёшка спешил побыстрее встать на ноги.

Он хотел взлететь круто, на форсаже!

По условиям маркетинга продавец обязан купить у фирмы товар оптом, чем больше, тем дешевле, а потом сбыть его с наваром. Ёшка забыл обо всём, как одержимый, накупил герболая на все фамильные сбережения. Квартира превратилась в склад. В семье начались проблемы. На нервах бизнес не пошёл. Ёшка ушёл в долги. Жена ушла от Ёшки.

Он трудно устраивал свою жизнь. В преклонном возрасте, с плохим здоровьем, без языка тяжело было устроиться, даже на плохую работу.

Ёшка сел на социалку и не выходил из дома. Ел, пил, грустил. Вёл праздный образ жизни бесперспективного социальщика. Ничто не ранит человека так, как осколки собственного счастья. Здоровье стало подводить, склероз повалил его на лопатки.

Склероз – самая лучшая болезнь. Во-первых, ничего не болит, во-вторых – столько новостей!

Склероз развивается от переутомления, перенапряжения, стресса или наоборот, от отсутствия физической и умственной нагрузки. Надо было бы на социале хотя бы стихи наизусть учить или собачку завести и выгуливать. Жизнь не прощает человеку даже минуты стресса – всё это, как квитанция, возвращается в старости с большими процентами.

Гражданская жена выставила больного за порог и сказала: «Езжай обратно к своим». А он годами был с семьей в полярных отношениях. Родные люди друг другом не интересовались и не имели связи.

Делать нечего, Ёшка написал детям письмо: «Дорогие дети, заберите меня к себе!»

Бывшая жена, мать его детей, нашла в своих краях пансионат для тяжелобольных пенсионеров и перевезла туда несчастного бизнесмена. Сейчас она ходит к нему и кормит его с ложечки. У Ёшки иногда наступает просветление; он узнает её и детей, а остальное время живёт в своем безликом, равнодушном мире.

Теперь ему ничего не надо.

Райнгольд Шульц, Германия. Гиссен.

Начато 11.11.2014 - 20.11.2014

Подробности о Герболайфе: http://www.k-istine.ru/mlm/mlm_herbalife-4.htm

Смотри фильм - Теория заговора.

PS: Пищевые добавки – это не лекарства и даже не еда, это ерунда за бешеные деньги и маркетинг, построенный на обмане, лжесвидетелях, обещании, забалтывании и вере. Добрым людям сложно отказать человеку, потратившему на них столько времени, им проще купить предлагаемый товар втридорога и ещё быть благодарными за это продавцу. На следующий день, одумавшись, многие хотят отказаться, но договор составлен, так что они теряют большую сумму, и становятся невыгодным. Многие продавцы увольняются с работы, уходят из семьи и искренне верят, что завтра они будут с миллионами и станут платиновыми директорами. На самом деле только 2% продавцов имеют доход в тысячу евро в месяц. Если успех не приходит, то по философии сетевого маркетинга виноват ты сам – плохо работал. Закон о защите потребителей ставит всё на свои места.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

От всей души, от чистого сердца, вместе со всеми земляками-современниками, "Немцами из России", доктора физико-математических наук Артура Бехерта, члена партии CSU, проживающего в городе Регенсбурге, с присвоением ему заслуженной почётной правительственной награды

За заслуги перед Федеративной Республикой Германия
Ордена Федеральный Крест Германии.

Желаем ему крепкого здоровья, грандиозных планов, вулканической энергии, всенародной любви и славных дел впереди!

Гордимся его вкладом в общенародное дело немцев из России.

От имени группы товарищей

с огромным уважением, Папа Шульц.

12.10.2014.

Arthur.Bechert@web.de

Vielen herzlichen Dank, Herr Schulz!

Большое спасибо!

Herzliche Grüße

Arthur Bechert 12.10.2014.

АРТУР БЕХЕРТ – ОРДЕНОНОСЕЦ

Сюда фото, подпись:

Министр по социальным вопросам Баварии Эмилия Мюллер вручает высокую награду Артуру Бехерту

Д-р Артур Бехерт (CSU), руководитель Землячества немцев из России в Регенсбурге (Бавария), получил высокую награду – Крест за заслуги перед ФРГ.

А. Бехерт – активный участник Комиссии по вопросам интеграции немецких переселенцев при городском совете Регенсбурга, а также Баварского интеграционного совета, Баварского совета по вопросам изгнанных и переселенцев, Исторического общества российских немцев и других общественных организаций.

– Дорогой Артур, я знаю вас как инициативного молодого человека, много знающего доктора наук, поэтому весьма обрадовался, когда узнал, что ваш огромный многолетний труд на благо нашего народа и, таким образом, на благо Германии по достоинству оценили на государственном уровне. Кто первым проявил инициативу? За что конкретно вам дана награда? Где и как вручили орден?

– Насколько я знаю, инициативу проявили Михаил Ваннер, председатель Исторического общества российских немцев и Вальдемар Айзенбраун, федеральный председатель Землячества немцев из России, а также Союз изгнанных, Землячество немцев Поволжья и др.

В каждой государственной структуре, на коммунальном, земельном и федеральном уровне, в каждом министерстве есть отдел по вопросам государственных

наград, в который можно направить предложения о награждении достойного, с вашей точки зрения, человека. Для рассмотрения соответствующих заявлений и принятия решения предусмотрен определённый порядок.

20 июня нынешнего года президент Германии Йоахим Гаук подписал документ о моём награждении. Исходя из речи баварского министра по социальным вопросам Эмилии Мюллер при официальном вручении ордена, в торжественной обстановке, 7 октября 2014 г. в Мюнхене, я думаю, что именно многолетняя работа на общественных началах послужила главным основанием для награждения.

Однако моя общественная работа была бы совершенно невозможна без поддержки со стороны моей семьи, родственников, сподвижников в общественных организациях, а также всех задействованных нами в этой работе людей, в первую очередь, наших земляков. Поэтому я рассматриваю награду как признание нашего общего вклада в благосостояние общества, улучшение межнациональных отношений и даже, в некоторой степени, межгосударственных культурных связей.

Многие наши земляки уже получили подобную или другие государственные награды на федеральном, земельном или коммунальном уровне. Но, конечно же, ещё большее число переселенцев заслужили высокой оценки их личного вклада в общее дело и достойны государственной награды.

– Действительно, подобной награды достойны и другие поздние переселенцы, люди с удивительной судьбой, трудармейцы, которых остается всё меньше. Почему бы, например, в память об этих людях не заложить в Берлине или хотя бы в Интернете виртуальный парк памяти и не увековечить их имена?

– Согласен, не только памятников очень мало, но и памяти, т.е. знания славной, очень успешной, почти тысячелетней истории нашего народа на необъятных просторах России, не говоря уж о трагическом конце этой истории, начавшейся погромами во время Первой мировой войны, достигшей своего апогея в ГУЛАГовской мясорубке 1933-1956 гг. и закончившейся массовым выездом нашего народа на историческую родину в 1990-х годах. Аллея Славы, причём как реальная, в столицах Германии и России, так и виртуальная – в Интернете, стала бы достойной данью нашим предкам за их героический труд и мужество.

– Расскажите, пожалуйста, о себе. Откуда и когда вы приехали в ФРГ? Почему поселились в Регенсбурге?

– Мы родом из Волыни. Но я, как и большинство моих земляков, родился уже в изгнании, в Казахстане. В 1991 г., после окончания аспирантуры в Томском университете, вместе с семьёй переехал в Германию. С Регенсбургом нас связывает всё ещё, к сожалению, не подтверждённая информация моей бабушки по материнской линии – о том, что наши предки, переехавшие на Волынь, были родом из Регенсбурга или его окрестностей.

– Вы – учёный, доктор физико-математических наук. Какие возможности это открывает?

– По образованию я физик. Это универсальная профессия. Физиков можно встретить во всех сферах жизни, от технических профессий до гуманитарных, как в культуре и искусстве, так и в политике. Например, канцлер Германии Ангела Меркель – тоже физик. Диссертацию я защитил на физфаке в Регенсбургском университете,

работаю консультантом по информационным технологиям и организации производства на фирме AUDI в Ингольштадте.

– Чем вы занимаетесь в свободное время? Ваше хобби?

– Почти двадцать лет являюсь «официальным гидом» Регенсбурга. Это хобби доставляет мне очень много удовольствия. Это нечто потрясающее – рассказывать и, главное, показывать посетителям Регенсбурга, да и коренным жителям города, ныне мало кому известную 2500-летнюю историю бывшей столицы Баварии, а также первой столицы Священной Римской империи немецкой нации, т.е. не только Германии, но и большей части Европы. Её первый «вечный», как тогда говорили, парламент – предшественник нынешнего Европейского парламента и Совета Европы. Особый интерес представляют при этом очень ранние и когда-то весьма обширные торговые, политические и религиозные связи с Киевской Русью и всей Восточной Европой.

– Какие у вас планы на будущее?

– Мне хотелось бы подчеркнуть важность участия наших земляков в деятельности не только своих, земляческих, но и местных общественных организаций, политических партий и, в особенности, государственных структур.

Хотелось бы использовать и передать активистам из числа российских немцев наработанный мной за последнюю четверть века опыт общественной и политической работы в непростых условиях «реально существующего мультикультурного общества».

Но это уже тема отдельного разговора.

– Благодарю вас за интересную беседу и от всей души поздравляю с высокой наградой!

Беседовал Райнгольд Шульц, Гиссен. Германия.

Редакция также поздравляет д-ра А. Бехерта с высокой наградой и желает крепкого здоровья, воплощения в жизнь новых планов и славных дел впереди!

РОЗА

Свет небес, святая роза – Lumen coeli, sancta rosa.

Розину бабушку с отцовой стороны звали Мария Вайлер. Она была «черноморской немкой» родилась в 1898 г. в Николаевской области, в городе Херсоне. Когда на Украине начался голод, немцы целыми колониями на телегах, с детьми, с вещами, со скотом двинулись огромными обозами на восток в тёплый Узбекистан, в хлебный город Ташкент.

Бабушка рассказывала, что долог был тот трудный путь. Переселенцы месяцами были в пути. Дорогой на них нападали разбойники, отбирали скот и вещи. Порой шли кровопролитные бои колонистов с дикими кочевниками. Узбеки буквально не давали прохода пришлым, и, не доехав до цели, обоз повернул на север.

На Урале в живописном месте образовали они новое католическое село. Селились в то время немцы строго все по конфессиям.

Розина мама, Екатерина Кунн, родилась в 1916 году в немецкой лютеранской семье в небольшом уральском городке Едкуль. Детство и юность были как у всех. Как-то туда приехал симпатичный парень из немецкого села и посватался к ней. Для того, чтобы выйти замуж и переселиться в католическое село, ей пришлось поменять конфессию и стать католичкой.

До войны в семье родились двое сыновей – Юра, 1937 г.р., и Иван, 1939 г.р. (он умер в 1999 г. от рака, его семья живёт в Германии). Они были на 20 лет старше Розы, ещё есть младшая сестра Анюта.

Детство у всех было интересное. Мама работала дояркой. Никогда ни при каких обстоятельствах она не говорила с детьми по-русски, только по-немецки. Мама прожила долгую и трудную жизнь, приехала в Германию и умерла здесь в возрасте 92 лет.

Отец Розы, Иосиф Мартин, родился в 1917 г. в Октябрьском районе Челябинской области в католическом селе Спорное. Там было всего 50 дворов, сельсовет, начальная школа, магазинчик, медпункт, коровники, свинарники и – вокруг божественная красота: тишина и нетронутая природа, леса, поля, луга, озёра, реки и долины, высокое голубое небо и пахучая трава по пояс. Коровы давали розовое, медово-ромашковое молоко. Куры несли «золотые яйца». В реке ловилась «золотая рыбка», всю ночь пели влюблённые соловьи, а утром по селу гуляли непуганые звери.

Село было чисто немецкое. Везде говорили только по-немецки. Русским был один единственный человек – школьный учитель русского языка, и ему пришлось срочно учить немецкий.

Отец с детства очень любил лошадей и работал конюхом. Подошло время, он женился на девушке из соседнего городка. Перед самой войной призвали его в Красную армию, где он прослужил в кавалерийской разведке всю войну, но в самом конце попал в немецкий плен, где пробыл всего пять дней. Потом их освободила Красная армия.

На военно-полевом суде за измену родине его приговорили к смертной казни, но позже смертный приговор заменили 10 годами каторжных работ. Он вернулся домой в 1954 году, а на другой год родилась Роза.

Возвращались с фронта мужики, из соседних деревень русские стали перебираться в богатое немецкое село, появились интернациональные семьи. Теперь почти все жители села живут в Германии, там осталось всего лишь несколько семей со смешанными браками.

Окончив на отлично школу, Роза Мартин поступила учиться в Магнитогорский педагогический институт на филологический факультет, чтобы стать учителем русского языка и литературы. Училась хорошо, за всю учёбу ни разу не ходила на танцы. Студенты их филфака отличались усидчивостью и фундаментальными знаниями своего предмета.

Однажды в женское общежитие пришли студенты из соседнего горного металлургического института.

Им надо было помочь избавиться от грамматических ошибок в дипломных работах. Ребята девушкам принесли фиалки, а Петя Тугов подарил Розе – розы. Так они познакомились.

На 3 курсе Роза вышла замуж, он к тому времени закончил институт и, как молодой специалист, получил направление на самый крупный в Союзе Челябинский металлургический комбинат.

Через полгода Роза перевелась в Челябинский пединститут и переехала к мужу. Вскоре родилась дочь Лена.

В СССР Роза Тугова была награждена всеми знаками общественного отличия – заслуженный учитель, отличник народного образования. Со временем Роза из простого учителя превратилась в завуча. Они тихо прожили в Челябинске до самого переезда в Германию. В Германии в 1999 г. они сразу попали во Фридланд, затем их направили в Лаубах (земля Хессен), а потом они нашли квартиру в Гиссене, где живут до сих пор.

Роза с детства отлично знала немецкий язык. Ещё во время шпрыхов нашла работу в городском интеграционном проекте «Переселенцы помогают переселенцам». Потом четыре года отработала в «Алисе франк шуле» учителем немецкого языка для детей иностранцев. Самую высокую оценку дали ей ученики: «Ди русише фрау ист ди бесте лерерин ин унзере шуле!» «Что твёрже камней и розы нежней?» – загадывали дети про неё загадку.

Родители из Ирана, Турции, Югославии, Бангладеш, России искренне благодарили её за огромное сердце, полное любви к их детям. За то, что тратит она на них столько времени и терпения.

Местные учителя относились к ней по-дружески и многому у неё учились. У Розы было такое впечатление, что она всю жизнь проработала в этой школе. С первого дня она вошла в колею, взяла в карьер, всё было бы хорошо и прекрасно, но трудовой договор ей всё же не продлили.

Оставшись без работы, она вступила в Штудгарское землячество, её сразу выбрали председателем, и с тех пор как бурлак на Волге который год бескорыстно тащит она лямку этой общественной организации на себе. Сколько сделано, переделано, что не вспомнишь порой.

Теперь в Гиссене уже и власти знают, что есть на свете «Землячество немцы из России». Сегодня нет, наверное, в Гиссене переселенца, который не знал бы в лицо Розу Тугову.

Её знают все, многим она помогла устроиться в жизни, многие земляки у неё в неоплатном долгу. Слава о её победных делах летает впереди её. Сегодня не только переселенцы, но и местные идут к ней с просьбой заполнить антракт так, чтоб их дело непременно выиграло. Таким должен быть каждый переселенец – активный, грамотный, культурный. Бывшую тихоню Германия превратила в яркого, идейного борца за права простого человека. Она отстаивает интересы земляков в арбайтсамте, перед судами, бюрократами, чиновниками. Борется за наших пенсионеров, за молодёжь, за права академиков, за культуру, за право переселенца быть равноправным немцем в родном отечестве.

У неё есть внучка Екатерина 13 лет, и пятый годик пошёл Максимке. Он уже местный, отлично разбирается в марках немецких автомашин и страшно удивляется, что Ома этого не знает.

Райнгольд Шульц. Гиссен. 24. 04. 10.

АЛЬТРУИСТЫ

ЕЁ СМЫСЛ ЖИТЬ ДЛЯ БОГА

Из цикла «Наш современник»

Наш бедный маленький народ «Немцы из России».

Сколько наших полегло там – на бескрайних просторах бывшего Союза, начиная с освоения пустынных Екатерининских земель, при создании немецких колоний, в долгих мученических дорогах, в красном от крови революционном котле, в голодной трудармии рабов, от государственного геноцида, теряя детей, родителей, свои половинки. Но выбрались потомки выживших колонистов в родное отечество, но и здесь история тихо повторяется.

При капитализме против капитала бедный человек – ничто. Никому не нужный, он теряет силу воли, надежду, уверенность, желание жить. И гибнут добровольно несогласные с действительностью или уходят из жизни по болезни, а как известно – все болезни от нервов, и нервы сдают у многих. Страшная статистика. Даже молодые живут без смысла, не имеют цели, медленно гибнут на исторической родине в пьяном угаре, в сигаретном дыму, от страшных наркотиков, никому не нужна бесценная простая человеческая жизнь.

В начале пути каждый приехавший с надеждой и энтузиазмом, засучив рукава, брался строить свой неповторимый воздушный замок. Многие построили дома, потеряли здоровье, влезли в семейные и финансовые проблемы. Свобода опьяняла, каждый грёб под себя, своя рубашка ближе к телу. Некоторые шли по головам, наживаясь на ближних своих, «лишь бы мне было хорошо, а там хоть трава не расти». Но, насытившись, многие теряли смысл жизни, блудили, заблуждались и впадали в депрессию, в огромные долги, в зависимость, в рабство. Всё разваливалось как картонный домик: распадались семьи, родственники становились чужими, отцы и дети врагами, родители балластом. Эгоизм, как крапива, всюду прорастает в современном обществе, и мусорная идеология, ложные ценности владеют миром и губят его, как раковые клетки. Без Бога всё можно! Я! Мне! Моё! Девиз преуспевающих, они не подадут, не остановятся, не выслушают попавшего в нужду, им некогда...

Но не все такие.

Есть редкие единицы, которые живут не для себя. Они знают, чего хотят, они – как «ДАНКО», который вырвал сердце из своей груди и поднял высоко над головой, чтобы все вокруг очнулись, пробудились, вышли из тьмы и ощутили радость жизни и свет Божественной любви.

Они ходят по тюрьмам и вселяют надежду оступившимся и обречённым. Они в своё личное время служат бесплатно другим переводчиками и ходят с несчастными по конторам, добиваясь справедливости и правды. Они молятся у постели безнадежно больных, вселяя веру в бессмертие человеческой души, говорят о вечной жизни Божественного замысла и необъятной нежности и любви. Они согревают добрым словом, ободряют попавшего в беду, раскрывают перспективы и новые горизонты. Они отдадут попрошайке последнее содержание своего маленького, тощего кошелька. Они, не брезгуя, подойдут к последнему наркоману и пьянице и поговорят с ним с любовью и уважением. У таких людей два сердца, и делают они всегда и всё за двоих: «за себя и за того парня». Милосердие, сострадание, добрая душа и дух Божий ведёт их ко всем нуждающимся, и слово Божье совершает вокруг нас великие чудеса.

Мутер Тереза – так зовут Лиину Фогель заключённые Германии, говорящие на великом и могучем русском языке. Они ждут её в своих камерах, как манну небесную, как своё освобождение и облегчение от самого себя, от мракобесия своих чёрных мыслей, от прошлых пошлых, гадких дел. Её светлые мысли, духовная чистота, сострадание и бескорыстность располагают к откровению. Преступники открываются, молятся и каются. После неё, как после бани, на душе становится светло и чисто. Она придёт и с каждым ласково, по-матерински, поговорит и посочувствует, разьяснит, убедит, разложит всё по полочкам, наставит на путь истинный, подтвердит свою позицию библейской цитатой, которых знает наизусть несметное количество. И Бог помогает, касается грешной души, и оживает дух в погибающем человеке. «Придите ко мне все огорчённые и обременённые, и я утешу вас», – говорит её кумир и учитель Иисус Христос. Он утрёт слёзы, ободрит, вселит надежду. Милосердие сближает сильнее кровного родства. Все люди дети Божьи. Человечество – наша семья. Только милосердие может искренне восхищаться каждым живым существом, потому-то оно дело рук Создателя. Великая радость заключена в том, чтобы посвятить себя служению другим людям. Самое важное лекарство – это нежная любовь и забота. Лина умная, красивая, с прекрасной фигурой женщина бальзаковского возраста, с нежными голубыми глазами, роскошной улыбкой и с ямочками на щеках, милым грудным голосом убедительно и увлекательно рассказывает о своей вере в Бога на примере своей трудной, но интересной жизни.

– Бог любит меня! – начинает она свой рассказ любимой фразой.

Лина Фогель родилась на Урале, в городе Уфе, в один день с матерью Терезой – 27 августа. Мама – русская, а папа – немец из Поволжья. Потом семья уехала в Кустанайскую область, и до пяти лет Лина прожила там, там и родился младший братишка Александр. Вскоре они опять переехали в город Миасс. Это там, где выпускают грузовой автомобиль «Урал». Закончив школу, Лина самостоятельно уехала в закрытый промышленный город Днепропетровск, училась от машиностроительного завода в техникуме, по специальности техник-технолог летательных аппаратов. Там вышла замуж, родились дочь Евгения и сын Георг. В 1991 году переехали на историческую родину и попали в город Гиссен. Поселили их на Лихерштрассе в Штойбенказармы. Год жили в деревянных солдатских бараках. Полгода училась читать и писать. Ещё в России Лина переквалифицировалась по зову души на работу с людьми, работала в государственном страховании, и здесь учитель шпрахкурсов сказал, что по этой специальности должно быть много вариантов. Он и предложил хорошую старинную фирму «Алте Лейпцигер ферзихерунг», которой почти двести лет и помог написать туда бевербунг. Её сразу взяли в интернациональный отдел. Но, чтобы ездить на работу, пришлось учиться на шофёра. Получила водительские права, затем стала переучиваться профессионально. Два с половиной года параллельно работе училась на вечернем отделении немецкого учебного заведения, закончила его, сдала экзамены в торгово-промышленной палате по своей новой немецкой профессии «Ферзихерунг кауф фрау». Сейчас Лина сидит в бюро во Франкфурте-на-Майне.

Как Мутер Тереза, Лина всегда находила наслаждение, когда служила своему народу, что-то хорошее делала для людей. Ещё со школы она была самая активная в классе, в пионерах была председателем совета дружины, затем – секретарём комсомольской организации, всегда воевала с двоечниками, ходила по домам, беседовала с родителями. Окружающие люди никогда не были ей безразличны. Ей надо было бы быть педагогом – чужая жизнь всегда её волновала. Но только когда нашла Бога, Лина по-настоящему поняла, как много надо для людей делать, чтоб сделать их чуточку счастливыми.

В Германии её тётя и дядя вдруг неожиданно пошли к баптистам, покаяться и стали верующими. Она подумала: «Ну надо же, были люди как люди и вот придумали,

и стали верить, и меня за собой потащат». Однажды они позвонили и сказали, что приедут в гости, и она подумала: «Ну вот, теперь они меня „каять“ будут». А с другой стороны, она их очень уважала, как умных и порядочных людей. «Не могу же я на них смотреть сверху вниз. Не больные же они на голову?»

В семье у Лины и раньше были проблемы, но жить как-то надо. «У других ещё хуже», – тешила она себя мыслью. Как у женщины, у неё всегда была собачья привязанность к семье, но на новом месте семья не выдержала жизненных испытаний и развалилась. У самых близких людей есть такие черты характера, которыми они могут медленно убивать другого. Легко любить дальних, но не так-то легко полюбить ближних. Осталась одна. Такое было отчаянное состояние. Она красок не видела, вкуса не чувствовала, смысла слов не понимала. Был такой разрушенный чёрно-белый мир. Обиды и воспоминания душили днём и ночью. Обидно! Если начать судить людей, то не хватит времени их любить. Величайшая в мире нищета – это нищета сердца. А Лина боролась, она всегда пыталась быть человеком – человеком с большой буквы. Она не сдавалась, хотя иногда доходила до отчаянья, впадала в депрессию, несколько раз хотела уйти из жизни. «А дети? – думала она. – Кому они будут нужны?» Но дети выросли. Дочь вышла замуж во Франкфурте-на-Майне за местного хорошего человечка, которого зовут Matthias, они вместе от церкви занимаются трудной молодёжью. Сын повзрослел и учится самостоятельности.

Пришли верующие родственники – дядя Володя, тётя Нина Meier и их сын Дитер, поговорили посочувствовали, сказали, что в такой ситуации только Бог в силах помочь. Ну, она и подумала: «Если только Бог в силах помочь, пусть помогает, а если нет, – хуже, чем есть, быть уже не может, должен же быть во всём этом какой то смысл». Лина покаялась добровольно-принудительно, она сникла и сказала:

– Говорите, что надо делать?

Она произнесла вслед за родственниками молитву покаяния, но в тот день ничего не изменилось. Лина продолжала постоянно молиться, и со временем пришёл покой, кто-то забрал весь духовный груз. Она снова стала слышать музыку, видеть цвета и краски, она полюбила уют, тепло, увидела свет, ощутила радость, поняла, что может опять красиво одеваться, вдруг вернулось вдохновение. Лина начала радоваться жизни, писать прекрасные стихи. Радость – это сети любви, и её – зауважали. Она поняла, что на Бога надо уповать и всей душой полюбить. Вскоре пришла стабильность и уверенность. Она стала всем говорить: «Бог любит меня!» Она была у баптистов, она так полюбила Бога, что ей было всё равно, как она одевалась, она с радостью меняла гардероб, завела длинные юбки и платочки. Дядя, хоть и верующий, но ругал их долго, говорил: «На кого вы в платочках похожи?» В библии конфессий нету, традиции придумал человек, а люди все – не совершенны. Вскоре увидела Лина, что под платочками тоже рождаются сплетни, и в людях живёт какая-то неправда, какое-то непощение, обида. Она поняла, что платочек не делает людей святыми, что есть что-то другое. Поняла, что Богу нет никакого дела, как ты выглядишь, ему важно, что творится в твоём сердце, как ты перед Господом ходишь, как исполняешь его закон. Они втроём пошли к пятидесятникам, научились там молиться. Так Бог вёл их, видимо, он знал, что они когда-то будут пастырями. Лина ожила, говорила всем о любви Божьей, она выбрала не лёгкую, но радостную долю нести людям благую весть, что Бог есть любовь и что смысл жизни каждого смертного лишь в том, чтобы любить и быть любимым.

Народ сам потянулся к ней. Первой в её дом пришла семья: муж, жена с их сыном – наркоманом. Она тогда свою постель расправила, и парень спал весь день. А Лина стояла перед ним на коленях и молилась за него, и представила, что рядом молится Христос, и она спросила: «Иисус, если ты хочешь посвятить мою любовь именно таким ребятам, то будь всюду со мной, дай мне твоей любви ещё больше, я

буду служить им». Так оно всё началось. Вечером его отвезли на «энтгивтунг». Лина до этого вообще не знала, что такое наркоман. Этот парень был под следствием, и Лина пошла с ним в суд. Потом он попал в тюрьму, и Лина добилась разрешение на свидание, пошла к нему в тюрьму.

И вот в тюрьме она насмотрелась, и сердце сжалось от боли. Оказывается, там сидит столько русскоговорящих! И это наши дети, мужья, братья, сёстры, и она сказала: «Хочу в тюрьму, чтоб ободрить, сказать этим несчастным, что жизнь не кончилась, что всё равно они хорошие, что им без матерей плохо, и матери без них дома тихонько умирают, жёны страдают. И если они не изменятся, то дети на их примере обязательно попадут туда же, цепочку надо оборвать». Лина начала молиться в тюремной камере, и на всех хватило добрых слов, материнского тепла и ласки. Она ободрила многих, многие покаялись и стали верующими. Власти разрешили ей постоянно посещать в Буцбахе самую серьёзную тюрьму, где люди сидят долго.

Однажды ей пришлось давать интервью по радио, и она рассказала в прямом эфире о своём служении, о своих подопечных в тюрьме. Оказывается, ребята во всех тюрьмах это слышали, и её авторитет среди заключённых взлетел в небеса. Потом Лина написала письмо в другую тюрьму, в Рокенберг, где сидят малолетки. Малышам ведь ещё труднее. В жизни есть бездомные, больные, обездоленные, в жизни так много зла, но хуже всего тем, кто лишен радости любви. Ведь любовь необыкновенна, чем больше её разделяешь с другими, тем большим будешь обладать.

Через этих ребят в тюрьме Лина начала мечтать о своём реабилитационном центре и отдельном для него доме, где можно было бы собрать трудных ребят. На немецких терапиях наших не любят, т. к. они сразу создают свои группы, и тогда их выкидывают из терапии после любого замечания. С нашими надо по-нашему. Их полюбить надо и, если надо, строго, поставить всех на своё место, чтоб знали, где они находятся.

Лина читала про Мутер Терезу и завидовала ей в том, что та могла посвятить себя целиком служению людям, а Лина живёт в реальном мире. Ей надо ещё зарабатывать на хлеб насущный, на бензин, на одежду и жильё, и многое другое. Она часто кается, иногда плачет от сострадания. Она понимает, что посвящение – это отречение от самого себя. Она знает, что её фирма для неё Божье благословение. Лина столько денег в трубу выбросила, в прямом и переносном смысле. За пять лет накатала 300 000 км, машину свою угробила. Каждый день из Гиссена до Франкфурта на работу ездить за 70 км, час туда и час обратно, готовиться к проповедям, заочно учиться, бывать в реабилитационном центре, ходить по тюрьмам, быть в семьях, утешать упавших духом, когда самому не сладко – и это всё за так, за это не платят, наоборот – расходы, покрываются из своего кармана. Но она счастлива и бодра, и эта сверхъестественная свобода идёт от Бога, его любовь даёт ей силы и радость жизни, необходимость быть нужной. Ей всюду рады, она всем нужна. Она счастливо смеётся и весело говорит:

– Я хочу зайти в каждый дом, потому что Бог хочет войти в каждое сердце, и чтобы это произошло, я готова ни есть, ни пить, ни спать, ни отдыхать, лишь бы служить людям и угодить Богу. Это держит меня на плаву. Я теперь поняла, что такое дар Божий и что такое призвание. На самом деле то, для чего я живу, я делаю после основной работы, на оставшиеся силы, на оставшееся время, но именно это для меня самое главное в моей жизни. Это по-немецки называется «Беруфунг цум беруф». Я бы очень хотела работать там, где я могла бы приносить людям наибольшую пользу с раннего утра до позднего вечера. Если бы я выучилась на социал педагога, я бы тогда могла сама терапией заниматься.

Недавно Лина окончила ещё одни курсы социального работника, получила ещё один настоящий немецкий диплом. У неё опять есть мечта.

Вскоре широко известный миссионер Сергей Линник образовал в Гисене, в Ветцларе, в Марбурге и в Штадталлендорфе русскоязычные церкви. (Frei Evangelische Gemeinde) Он передал общее руководство старшему пастору Владимиру Фрику (из Кустаная), кандидату сельскохозяйственных наук в области генетики сельскохозяйственных животных, окончившему Тимирязевскую академию в Москве. Это добрый и мудрый человек высокой христианской морали и необыкновенных духовных качеств, который немало доброго сделал многим людям. Обсудив с ними план действий, Лина, от имени этих церквей, подключила к своей идее многих местных немцев, и даже бургомистр города Гиссена, господин Haumann, оказал содействие. Такой реабилитационный центр для зависимых Wohngemeinschaft «Retungsarche» Tel 06424-92 82 06 Kreuzderliebe@gmx.de от церкви «Крест любви» появился в двадцати трёх километрах от Гиссена. Руководит им её воспитанник, бывший наркоман, а теперь прекрасный молодёжный пастор Вальдемар Бехлер. В центре живут и работают четырнадцать человек, они много молятся, поют, читают Библию, ездят на служение, смотрят видеопроповеди, принимают гостей, братьев-проповедников, дискутируют, рассуждают, ищут истину и трудятся. У них есть своё хозяйство: двадцать курей, одиннадцать кроликов, три гуся, две овечки, две свиньи, свой хлев, сад и огород. Ребята сдружились, освободились от зависимости, стали верующими – их просто не узнать! Их родители, жёны и маленькие дети опять обрели радость жизни, и все вместе строят радужные планы на будущее. Мир снова стал цветным и прекрасным, и всё это благодаря Божьей любви и непоседам альтруистам, которые живут рядом с нами. Ведь самое важное лекарство – это нежная любовь и забота. Любовь совершает чудеса и дышит миром на земле. Бог – есть любовь! Идите и служите людям, держите их руки в своих руках и выражайте любовь. «Если вы будете следовать этому совету, вы будете наполняться Богом и сиять, как маяк», – говорит Мутер Тереза, готовая всем помочь.

Я вправду часто поражаюсь и восхищаюсь некоторыми людьми: «Откуда у человека столько энергии и сил?» Мне говорят, что таких людей не бывает, но вот бывают! Они есть! Я их знаю!

PS: Альтруизм – бескорыстная забота о благе других людей. Термин введён французским философом Огюстом Контом как противоположный по смыслу эгоизму. Первыми альтруистами были Иисус Христос и Его ученики. Святая Елизавета из Марбурга, Мутер Тереза, Доктор Гааз – главный врач Московских тюрем. Я бы причислил туда и Александра Матросова, который добровольно пошёл на распятие – своим телом закрыл вражескую амбразуру и ценой своей жизни сохранил многие жизни других людей. Мне говорят, подходит подвиг Ивана Сусанина. Давайте вместе подискутируем. Может, вы знаете таких людей среди ваших знакомых и вспомните имена из всемирной истории человечества.

Дарите любовь, и она к вам вернётся,
Дарите, пусть каждое сердца коснётся.
Любовь и забота, и ласка, и нежность,
Пусть видят её чистоту, белоснежность.
Дарите любовь, пусть рекой она льётся,
Она океаном назад к вам вернётся!

Лина Фогель

**«КОВЧЕГ СПАСЕНИЯ»
И ЕГО ЭКИПАЖ**

Когда мне позвонила Лина Фогель, пастор христианского ребцентра наркозависимых, и попросила провести для ребят интересную экскурсию по Марбургу, я, следуя своему жизненному девизу «Спешите делать добро», незамедлительно дал согласие.

Сегодня, когда за просто так никто палец не согнёт, эта женщина выкладывается на всю катушку. Не каждый мужчина может выдержать такой темп.

Пастор Лина родилась в Уфе, живёт в Гиссене, работает в бюро во Франкфуртена-Майне, на общественных началах создала и руководит христианским центром реабилитации для алко- и наркозависимых – «Ковчег спасения». На сон и личные дела у неё практически нет времени, но с Божьей помощью ей удаётся всё! Много людей привела она к Богу. Многие наркоманы стали убеждёнными христианами и ведут здоровый образ жизни. Радуются матери, жёны, дети, радуются они сами. Радуется пастор Лина.

Её главный помощник, Володя Бехтлер из Киргизии – бывший наркоман со стажем, чудесным образом избавился от пагубной привычки и стал верующим. В церкви он познакомился с Леной Фритц, и они поженились, а своего первого сына назвали Эммануэль, что значит – «С нами Бог». Володя стал благословенным служителем и посвятил свою жизнь спасению других. Во время всемирного наркотического потопа библейский ковчег спасения берёт на борт всех терпящих бедствие в этой земной жизни. Надо только подать сигнал SOS, то есть позвонить по номеру 0163-79 64 04.

Следуя их примеру, пасторы Владимир и Нина Майер из русскоговорящей церкви «Christliche gemeinde Wetzlar» тоже взяли в аренду маленький уютный домик и открыли там «Christliche Frauen-WG» – подобный центр для попавших в беду девчонок. Они учат девочек быть верными людьми, уметь преодолевать трудности, быть терпеливыми, заботиться о семье, быть вежливыми в быту, шить, варить, стирать. Они изучают Библию, учатся ценить христианскую мораль, рассуждать над словом Божиим и быть сильными духом. Ведь вся сила христианина – в крепкой и непоколебимой вере.

Христос через пасторов и служителей говорит всем: «Придите ко мне все утруждающиеся и обременённые, и я успокою вас!» Вера спасает всех, кто этого желает сам. Ворота в небо стоят на входе в церковь.

В субботу, в назначенное время, в Марбурге на горе у замка два небольших автобуса припарковались по-королевски пунктуально. С шумом вышли молодые любопытные экскурсанты. После короткого знакомства вся группа как бы окунулась в средние века европейской истории. Ребята ходили по сказочно красивому городу и старались запомнить каждую мелочь. Четыре часа без паузы рассказывал я им историю религии, города, страны, народа, и в глазах их горел живой огонёк жажды знаний. Мы прошли по следам Ломоносова, Пастернака, Мартина Лютера, Цвингли, Елизаветы Великой, Филиппа Великодушного и многих других знаменитых людей живших и побывавших в этом городе. Марбург воспитал и выпустил в свет 71 выдающуюся личность, вошедшую в мировую историю. Борис Пастернак однажды сказал: «Марбург! Если бы здесь был просто город, но ведь это живая, средневековая сказка! Если бы тут были только профессора! А тут и Бог ещё!»

Закончив экскурсию, и сделав несколько групповых фотоснимков, ребята ринулись на штурм высокой замковой горы, где их ждали автобусы. «А теперь поедemте к нам, мы покажем вам наш «Ковчег спасения» и пообедаем вместе», – отдышавшись наверху, сделали они встречное предложение. И мы поехали. Старожил Александр Даут из Бёблингена показывал дорогу, ребята в ребцентр съехались со всей Германии – из Франкфурта на Майне, из Бонна, Бохума, из Хессена, Байрона, Заксена и других земель. За три года работы центра десятки выпускников влились в нормальную

повседневную жизнь страны. Многие после окончания курса терапии и реабилитации не захотели возвращаться к старым друзьям и вместе с семьями переехали поближе к своей церкви и к ребцентру. Некоторые стали служителями и помогают, как и Володя, новеньким бедолагам.

Недалеко от Гиссена, на окраине села Ebsdorfergrund, автобусы остановились у небольшой крестьянской усадьбы, которую охраняла симпатичная дворняжка. Ребята с гордостью водили меня по поместью и показывали результаты своего труда. Они своими руками сделали капитальный ремонт строений. Комнаты чисты и неплохо обставлены, в каждой живут в основном по два человека. Имеется большой сарай и огород. Есть своё хозяйство: коровы, поросята, гуси, индюки. Только что родились крольчата и вывелись цыплята. Ребята с большой осторожностью и любовью нежно берут малышей на руки, разглядывают и вслух удивляются чуду Божьему. В соседней деревне Dreihausen дом и хозяйство ещё больше. Ковчegovцы всё делают сами: ведут хозяйство, доят коров, стирают, убирают, варят, изучают Библию, психологию, немецкий язык, проводят христианское служение.

Настало время, появился аппетит. В ребцентр как раз приехали двое новеньких и некоторых ребят посетили родственники. Дежурные сбегали в огород, нарвали помидоров, огурцов, разной зелени, быстро помыли, покрошили, посолили, полили постным маслом, – и вот на столе – свежий салат. Другие уже вынесли из кухни огромную кастрюлю наваристого борща и чан дымящихся спагетти с мясной приправой. Все дружно собрались в столовой, спели под гитару христианскую песню, потом скрестили руки, помолились, благословили пищу и сели за стол. На вкус, после затяжной прогулки, пища оказалась вкуснее ресторанской. Многие ребята в ребцентре восстановили свой вес и очень благодарны своему товарищу по несчастью – повару Алексею Романенко. После сытного обеда пошли душевные разговоры о жизни, о судьбе, о Боге, о чуде, которое свершается в Ковчеге, и о своих планах.

Они уже зарегистрировали небольшую фирму, которая помогает бауэрам в сельхозработах, занимается ремонтом строений, уборкой помещений, помогает закупаться пожилым и одиноким людям, поставяет дрова для камина, предлагают услуги по разным мелочам и так далее. В селе их все любят, ни один житель не пройдет мимо, не помавав им радостно рукой. Ребята помогают всем, и односельчане им премного благодарны. Сам бургомайстер Андреас Шульц (SPD) откровенно признался, что редко приходится иметь дело с такими работящими, общительными, обходительными, стремящимися делать добро людям: «Экипаж «ковчег» – большая помощь нашему селу, и всем надо ценить то, что происходит сейчас, а не вспоминать, кто они были раньше». И это верно, ребята в большинстве своём люди не гордые, выросли в селе, всё знают, всё умеют, всё могут. Молитвы и труд всё перетрут. У них произошла переоценка ценностей. Изменился образ мышления, меняется образ жизни, меняется личность. Свершается Чудо! С Божьей помощью они из зависимых, даже без медикаментозной дезинтоксикации, без ломки, превращаются в свободных, независимых, счастливых христиан. Бывший наркоман – чудо самое большое.

В конце встречи они попросили меня почитать кое-что из книги христианских рассказов «Воскресение» и в первую очередь – «Пылинку». Ведь каждый человек – пылинка в этой жизни, и главное – не затеряться, не дать себя растоптать, не превратиться в грязь.

Райнгольд Шульц. Гиссен.

PS: Уверен! Если школьникам рассказать про пакость пирсинга и татуировки, показать похмельные страдания алкашей и ломки наркоманов, у детей возникнет

защитный шок на всю оставшуюся жизнь, и вряд ли они когда-нибудь прикоснутся к этой теме.

Человек – продукт привычки. Что такое зависимость, может представить каждый. Попробуйте отказаться от пищи, и уже на следующий день вы ни о чём другом думать не сможете, а потом будете готовы отдать всё, лишь бы что-то положить в рот, так и наркоман готов пойти по головам, по трупам, лишь бы добыть губящее его зелье – сегодня больше, чем вчера, а завтра – круче, чем сегодня. Многие, потеряв тормоза, приняли «золотую дозу» и расстались с жизнью. Вот такая опасная и ужасная зависимость

Сейчас миллионы людей, особенно молодых, подвержены чуме нашего времени – наркомании. На наших глазах гибнет будущее страны. Невидимая злая сила засасывает в свой омут всех, кто не имеет в жизни ясной цели. Каждый человек, вольно или невольно оказавшийся на обочине жизни и ставший наркозависимым, остается, тем не менее, творением Божьим, и ему необходимо помочь обрести заново его человеческое достоинство. Этому как раз и служит христианский Центр социальной реабилитации алкоголиков и наркозависимых. Христиане-добровольцы бескорыстно служат делу государственной важности, от которого государство как бы отвернулось или к которому недостаточно внимательно.

ТЕЛЕФОНЫ РЕБЦЕНТРА

1 Ebsdorfergrund 06424-92 82 06

2 Dreihausen 06424-94 30 21

3. Wetzlar 0177-3 92 12 96

E.: info@rettungsarche.eu

www.rettungsarche.eu

ГДЕ ДУХ ГОСПОДЕНЬ, ТАМ СВОБОДА

Апостол ПАВЕЛ

Я отлично помню, когда восемь лет назад пастор Лина Фогель из Гиссена хотела арендовать дом под реабилитационный центр для наркозависимых немцев из России, местные бауэры, протестуя, буквально устроили тогда настоящий деревенский «Майдан».

Но идею «Rettungsarche» поддержал Андреас Шульц (SPD) Бюргэрмайстэр Gemeinde Ebsdorfergrund.

Сегодня там все жители с большим уважением относятся к христианскому ребцентру «Ковчег спасения», к его бессменному руководителю, пастору Лине Фогель, которую все зовут вторым тёплым именем – Мать Тереза, и к её незаменимому помощнику Володе Бехлеру из Киргизии.

Эти альтруисты день и ночь готовы помогать нуждающимся, работают без праздников, без выходных, с ненормированным рабочим днём. Они занимаются организаторскими вопросами, душепопечительством, мотаются по судам, спасают провинившихся от репрессий, часто бывают в разных госучреждениях и министерствах, всюду отстаивают своих подопечных и видят в них всё только с оправдательной и сострадательной стороны. У их питомцев удивительные судьбы – есть невероятно талантливые люди, которые оказались в беде.

За эти годы более 300 человек прошли здесь реабилитацию, почти 30% исцелились чудесным образом, сыграно 15 свадеб, родилось 12 детей, произошло много интересных событий.

Сейчас в центре 21 человек, среди них наибольших успехов достигли Кирилл Кузнецов, Вальдемар Гельман, Виктор Мюллер, Владимир Практ, Сергей Шмидт, Александр Дитерле, Пётр Шох, Дмитрий Юнг, Александр Остертаг, Семён Кейм, Костя Вайц, Дима Писарев и многие другие.

Насыщенная жизнь с 6 утра до 22 вечера, в ребцентре солидное подсобное хозяйство: столярка, слесарка, свой повар, портной, аккордеонист, компьютерщик – много молодых, сильных рабочих рук, готовых изменить мир.

В ребцентре всё наоборот, удивляются теперь бауэры, в арендованном ими ещё одном доме раньше была кафешка – забегаловка, шум гам, тарарам. Наркоманы переделали её под церковь, проводят там собрания, поют песни, молятся, празднуют праздники, играют свадьбы. Любо дорого посмотреть!

О работе благотворительного ребцентра теперь знают многие. Достаточно набрать в интернете имя Лина Фогель, и откроется путь к спасению, где указан конкретный адрес!

Сюда уже приезжали удивляться *уполномоченная* земли Гессен по делам изгнанных и поздних переселенцев Маргарета Циглер-Рашдорф, член землячества «Немцы из России», и член CDU награжденная Федеральным крестом Германии Роза Эмих из Фульды.

Премьер-министр земли Гессен Фолькер Буффье на рождество поздравил всех с успешной работой и прислал в подарок чек на 1500 евро.

На стене, в бюро, висит официальное признание министерства социального обеспечения земли Гессен. О работе ребцентра неоднократно писали во многих немецких и русскоязычных газетах.

А как не уважать людей, которые помогают погибшим душам, от которых даже родители и жёны отказались, не в силах нести крест страданий.

Гибнущие души наркоманов сами на себе крест поставили, в них никто не верит, их привозят с улицы, и они неделю спят в ботинках, не раздеваясь, не общаясь, они не признают жизнь в её Божьей красоте и великолепии.

Наркомания – страшная болезнь, предбанник ада. Мат – молитва сатане. Современные человеческие пороки – сигареты, алкоголь, тату, персинг, тоннели в ушах, однополые садомисты, компьютеромания, любая другая вредная зависимость, – всё это видимый сатанинской партбилет. Что в голове, то и на лице, то и на теле и в делах, в привычках, которыми нельзя гордиться.

«Или не знаете, что **неправедные Царства Божия не наследуют**? Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники – Царства Божия не наследуют.

И такими были некоторые из вас; но омылись, но освятились, но оправдались именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего». *Новый Завет, 1Кор.(9-11)*

Во всём этом кошмаре спасителем является только сын Божий, который через земных людей спасает души и творит чудеса.

Вместо вредной устойчивой зависимости приходит освобождение! Где дух Господень, там свобода!

Верующие свободны от наркотической зависимости навсегда, а атеистическое общество обречено решать эту проблему вечно.

Спасите наши души! Сигнал SOS!!! постоянно звучит всюду. Смерть тела не так страшна, как смерть души. Зависимость – это такая трясина, которая засасывает человека живьём. Смотреть на это многим не под силу, а бороться с этим без Бога бесполезно.

Многие немцы-переселенцы не выдерживают стресс изменённой жизни, языковых, психических, физических, моральных, общественных изменений, и ломаются души, как арбуз об асфальт.

«С людьми до 35 лет ещё как-то можно словами выстроить мост общения с гибнущей в мучениях душой, – говорит Лина Фогель, – а у немцев из России, рождённых уже в Германии, как и у местных, резко всё изменено в худшую сторону.

Они, не знающие нужды, живущие в своём лживом тумане, ленивые, наглые, циничные, грубые потребители, без чувств и сочувствия, они не имеют рамок, внутреннего стержня, благих устоев. Результат сферической свободы и государственной политики. В ребцентре с ними работает любовь Божья!»

Второй фундаментальный вопрос спасения погибающей души – финансирование благотворительного проекта. Все очень надеются на спонсоров, и слово это у всех на устах, но живьём ни одного спонсора пока ещё никто не видел.

Разбогатевшие немцы из России и их фирмы состраданием не прониклись, меценатство и благотворительность им незнакомо. Божью сберкнижку своих добрых дел удачники завести не спешат.

На госдотацию христиане переходить не хотят. Кто платит, тот заказывает условия.

В государственных ребцентрах можно продолжать «кайфовать», курить, там распушенность, нет молитвы, дисциплины, результата.

В христианском ребцентре все вредные привычки остаются за порогом. Там в молитве очищается душа и невозможное становится возможным. Человек рождается заново и неузнаваемо, подобно как из гадкой гусеницы получается прекрасной красоты бабочка.

Многие наркоманы, пройдя через ребцентр, становятся верующими людьми, заводят семьи, строят дома, открывают свои фирмы, воспитывают детей, благодарят Бога! Яркий пример этому Пауль Бихерт, который прошёл здесь реабилитацию, купил в кредит соседский, деревенский сарай, переделал его в добротный дом, привёз семью, детей, открыл фирму, создал рабочие места для друзей по несчастью, и мир изменился, все – в делах и в планах.

Жизнь даётся человеку один раз, и переписать её начисто невозможно. Каждую минуту, которую вы теряете бесполезно, вы теряете 60 секунд счастья, которые никогда не вернутся.

В конце жизни будет неважно, какой у тебя был дом, сколько было машин, что ел, что пил.

Важно, как ты помогал ближнему, сколько жизней изменил, кого спас, кому помог, сколько людей могут сказать тебе спасибо. Спешите делать добро! Покажите

заблудившемуся дорогу. Поддержите его, как можете.

Райнгольд Шульц. Германия. Гиссен.

Десять лет в море бедствий

«Ковчег спасения» готовится к своему торжественному 10-летнему юбилею.

Слово ковчег означает – ящик, сундук, посудина. Что такое «Ноев ковчег», знает каждый из Библейской притчи о всемирном потопе. Это легендарный непотопляемый корабль, в который Ной, по велению Бога, погрузил маленьких прародителей всего живого перед тем, как землю постигло страшное стихийное бедствие.

Ноев ковчег – ковчег любви и примирения, место спасения от смертоносной катастрофы.

Сорок дней и ночей носило его по безбрежной водной стихии, пока он суши не достиг.

Так, с 27 дня второго месяца 601 года от сотворения мира (2 апреля 2369 года до нашей эры), спасённые с ковчеха начали возрождение жизни и новой человеческой цивилизации.

Вся наша планета – Ноев ковчег. Но потоп чаще всего происходит в непокорных головах, а гибнут человеческие души и отравляют окружающим и родственникам жизнь.

Наркотики – ужасное бедствие, безвыигрышная азартная игра: наивный человек надеется на лёгкий крупный выигрыш, а теряет время, и всегда проигрывает свою драгоценную единственную жизнь.

Минздрав последний раз предупреждает: приём наркотиков опасен для жизни человека. Капля никотина убивает лошадь!

Наркоманы говорят: «Не страшно, нужно только вовремя бросить». Но сделать это самому ещё никому не удалось.

Попробуйте не принимать пищу в течение недели, и вы почувствуете силу этой страшной зависимости. Тут ной – не ной, а спасаться надо! Бедняги, потерпевшие крушение, мечтают поскорее попасть на *ковчег* и уплыть от проблем. Говорят, на горе Арарат нашли останки Ноева ковчеха, а в современной Германии капитан Ной построил новый.

«Ковчег спасения» – по-немецки «Rettungsarche» (www.rettungsarche.eu) – под таким названием 24 декабря 2006 года в Германии был официально зарегистрирован христианский реабилитационный центр для наркозависимых немцев из России.

Сама идея родилась в августе, но лишь на Рождество Христово ковчег начал своё многолетнее плавание с наркозависимыми в штормующем море бедствий.

Капитан Ной – Лина Фогель, красивая, неугомонная, поволжская немка родом из Уфы.

В СССР она жила в Кустанайской области, затем в городе Миасс, где строятся грузовые вездеходы «Урал». В Днепропетровске окончила техникум по специальности технолог летательных аппаратов.

В 1991 году с семьёй переехала в Германию, в город Гиссен. Работала в бюро во Франкфурте-на-Майне на серьёзной фирме, которой было 200 лет.

По воскресениям с родственниками ходила в церковь, стала верующей, потом проповедником, пастором, затем выучилась на социального работника, педагога-психолога, и взялась спасать погибающих наркоманов.

Опытным, надёжным лоцманом и первым помощником капитана является её муж Александр.

Штурман корабля – Володя Бехлер – сам спасся и других спасает много лет. Успешно! Его жена Лена – надёжный тыл во всех его начинаниях.

Экипаж ковчега – Кирилл Кузнецов, Алексей Шеффер, Дима Писарев, Пауль Бихерт, Володя Гельман, Вячеслав Гайер, Александр Шарф, Александр Герцог, Александр Остертаг и многие другие.

Пассажиров было очень много, и многие спаслись! Многие спасённые остались на ковчеге спасать других!

В ребцентре есть железное правило с первого дня: не пьём, не куруем, не кумарим. Трудимся духовно и физически. Укрепляем силу воли, веру, цель. Это закон для всех, и это работает!

Все живут одной дружной христианской семьёй. До всех доносят смысл бытия и принцип христианской жизни. Вера меняет судьбы, Бог меняет людей. За это время через ребцентр прошло много народа, и свершались истинные чудеса!

С Божьей помощью каждый третий наркоман полностью избавился от наркотической зависимости и возродился для нормального образа повседневной жизни.

Весь экипаж и пассажиры свято верят в Бога! Бог руководит, Бог спасает! Тот, кто Богу доверяет, – у того сомненья нет! У каждого спасённого справа за спиной персональная охрана – личный ангел хранитель. Он знает: единственное, что следует делать за спиной у человека, – это молиться за него!

Экипаж Ковчега утверждает, что сам сделать ничего не может, они лишь «Божий инструмент», Его скромные помощники, соратники, великие рабы и слуги. Они только бросают погибающим спасательный круг и помогают подняться на борт ковчега, помогают соблюдать Божьи правила, распорядок дня на корабле, изучать божественный устав – святую Библию. Помогают крепнуть в вере, а вера творит чудеса!

Верующий человек – это не тот, кто ходит в церковь и фарисейски молится, а тот, кто умеет прощать, любить, помогать другим и за всё благодарит Бога! Бог – не последняя надежда в беде, а единственная. Боже мой, будь со мной, ты впереди я за тобой! Навигатором, наставником и путеводной звездой в каждом верующем сердце является Иисус Христос! Вдвоём с ним, всё по силам. Крепче воля, ближе победа!

В ребцентре есть стационарное лечение и благотворное амбулаторное лечение, это когда утром больного привозят, а вечером забирают домой.

За последнее время воскресло 40 счастливых семей, образовались новые семьи, было сыграно 18 свадеб. На 2016 год намечено ещё 4 свадьбы.

В бюро ребцентра есть целый иконостас из почётных грамот, благодарственных писем и строгих официальных признаний властных структур.

В 2014 году житель города Марбурга – добрый, скромный, местный немец, пожелавший остаться неизвестным – подарил ребцентру маленький двухэтажный домик, находящийся в живописной деревушке Шрёк, что недалеко от Марбурга.

После двухмесячного капитального ремонта своими силами в этом доме разместились спасительные каюты ковчега – вновь открытого женского отделения христианского ребцентра.

Здесь, без детей, в разном возрасте проходят лечение наркозависимые, русскоязычные женщины. Порядок там – основа жизни! Главная у них – Элла Минко.

Они сами ведут домашнее хозяйство, работают в огороде, варят, стирают, вкусным угощают, ходят в церковь на собрания, верят, молятся, постятся, помогают

друг другу духовно, и Бог меняет их жизни. Они развиваются и интеллектуально, часто ездят на интересные экскурсии, бывают в музеях, в цирке, к ним приезжают высокие гости.

На их улице делаются праздники, там можно увидеть светлые, солнечные улыбки на счастливых лицах! Жизнь – это солнце в ладонях Божьей благодати!

Об успешной работе христианского благотворительного ребцентра теперь знают многие, достаточно набрать в Интернете имя Лина Фогель, и всплывёт конкретный адрес и путь к спасению!

Всем, кто нуждается в срочной помощи, Ковчег приглашает к себе на борт. В интернете можно подробно познакомиться с обзорными газетными очерками «Ковчег спасения и его экипаж», «Альтруисты», «Где дух Господень, там свобода», «Десять лет в море бедствий».

В 2016 году благотворительной спасательной экспедиции Ковчеха исполняется десять лет.

В августе христианский ребцентр собирается широко отпраздновать это событие и провести для всех день открытых дверей с ознакомительной праздничной программой и щедрым угощением.

От всей души пожелаем ковчегу спасти всех, кто ищет путь к спасению, кто находится на его борту, а всем спасённым – счастливой, полноценной жизни, Божьей благодати, светлых планов и крепкого-крепкого здоровья!

Райнгольд Шульц. Германия. Гисен.

06.01.2016.- 12.01.2016.

ЭРТМАН

Однажды, после служения в церковной столовой, я неожиданно для себя обнаружил большой деревянный полированный трёхэтажный шведский стол с прекрасно инкрустированной эмблемой церкви «Крест любви», что находится в Урзулуме, в предместье Гиссена. Потом в церкви появился чудесный семисвечник. Затем – стойка с чашами для молитвенных нужд и стойка для микрофонов. Следом – инкрустированный пасторский алтарь из светлого дерева. А совсем недавно в очередной раз все неожиданно увидели на стене большой, красивый, светящийся христианский крест. Казалось, кто-то обильно благословляет церковь настоящими произведениями искусства.

Оказалось, это Володя Эртман, молодой, немногословный, но очень ответственный за порученное дело христианин. Он родился в Джамбуле, в 1994 году с родителями переселился в Германию, окончил школу. Три года скрупулёзно осваивал профессию столяра, и в нём расцвёл истинный талант столяра-краснодеревщика. Он даже ездил в Бонн за опытом к известному мастеру самородку к знаменитому краснодеревщику Паулю Кренсу, чьи произведения украшают многие церкви Германии, чьи труды вошли в книгу Гиннеса, а одна из дерева инкрустированная икона даже была подарена Папе Римскому. В своей работе Володя тоже использует только те сорта дерева, которые указаны в Библии: орех, клён, махагони и афроможия. Каждое его изделие – особенно и неповторимо. У него уже набирается интересный каталог

собственных изделий. Многим новосёлам в Гиссене, Ветцларе, Марбурге и Штадталендорфе он уже уютно обустроил кухни по своим собственным чертежам, снабдил другой специальной мебелью. В этом деле Володя готов послужить всем церквям и лично каждому, кто в нём нуждается, его телефон (номер 0641-2 50 37 87) звонит часто.

Володя хорошо играет на гитаре, участвует в группе прославления. По его талантам Бог даровал ему умную и красивую жену-певунью, чудесную христианку. Христианская свадьба была запоминающаяся, и в положенный срок Наташа родила ему маленькую дочурку с библейским именем Ребекка, и это, как он считает, лучшее его творение. Молодая семья постоянно пребывает в церкви на разных служениях, а в свободное время Володя столярничает. В его душе много всяких сокровищ. Бог щедро одарил этого человека духовным богатством и рукодельным мастерством.

Однажды он открылся мне и поведал, что много у него идей от Бога. Надо только молиться, чтобы все они осуществились. Божьи откровения идут к нему прямо с неба.

Когда Володя впервые получил откровения, Бог сказал ему: «Ты будешь служить моему дому и украшать его своим мастерством!» Володя не понял тогда, как, но, молча, с благоговением, принял в своё сердце Божье повеление. Постепенно Дух Святой открывал ему, как он сможет послужить своей церкви и персонально самому Богу. С тех пор он возрастает в мастерстве и в духе. Володя один из тех, кто очень любит Бога, кто ищет его, преклоняется перед Ним, скромно служит Ему и волю Его старается исполнять.

– Я очень благодарен небесному Отцу за то, что имею возможность служить ему в духе и ещё своим мастерством творить красоту, что могу славить Его Святое Имя.

Пожелаем в этом деле Володе успеха.

ПРИГОТОВЛЕНО С ЛЮБОВЬЮ

Русский царь любил ездить в соседний монастырь к монахам и у них обедать. Однажды он не выдержал и спросил настоятеля:

– Отчего у вас пища такая простая и необыкновенно вкусная? В царском дворце готовят лучшие повара, а с вашей даже сравнить нельзя?

– Оттого, Батюшка, – ответил настоятель, – для твоих поваров приготовление пищи – их обязанность, а мы готовим с любовью!!!

Приготовлено с любовью! В этом можно убедиться даже с закрытыми глазами. Нина готовит с любовью всё! Торты она пекла ещё в школьные годы. Каждому человеку Бог дал талант, и очень важно не закопать его в землю или в собственную лень, а развивать всю жизнь и совершенствовать. Творчество – процесс непрерывный. Уже в Германии, в Гиссене, Нина с особым рвением посещала различные кулинарные курсы. Кулинар из неё вышел отличный. Любую вещь, не пробуя, приготовит так, что диву даёшься – вкусно и красиво, ну очень красиво, хоть каждую тарелку фотографируй и в ресторанное меню или, ещё лучше, прямо в музей. Жаль, что в магазинах такого не увидишь, такое поражает воображение!

– Это же произведение искусства! – говорят гости. – Такую красоту жалко есть!

Любимые с детства вещи буквально тают во рту и создают домашнюю атмосферу праздника. Причём низкокалорийную рецептуру она разрабатывает сама. Нина с ловкостью стряпает пирожки, чебуреки, пышки, беляши, куличи. Печёт торты, рулеты, пироги, пряники и кухен, а варит как! ОБЪЕДЕНЬЕ!!! От питания зависит многое: здоровье, настроение, характер, судьба человека. Её телефон в Лолларе № 06406-5019 записан у всех, кто однажды попробовал её сдобы.

Нина Лукьянова родилась в Душанбе. В Таджикистане вышла замуж за российского немца Вальтера Виль. Затем родились Алекс, Ойген, Артур. ВИЛЬ – по-немецки ХОЧУ.

– Хочешь добавки? – спрашивала Нина своих мужчин.

– ХОЧУ!!! – хором отвечали богатыри.

Сейчас всё позади. Взрослые сыновья дома бывают редко. По ряду причин в Германии диплом медсестры подтвердить не удалось, и проросла в ней естественная потребность приносить людям радость через свой незаурядный талант. Путь к сердцу мужчины всегда лежит через его желудок. Изба красна не углами, а пирогами! Вкусно поесть любит каждый!

Нина мечтает о своей минифирме одного человека, но художник редко совмещается с бизнесменом, а бизнесмен редко уживается в художнике. Найди она серьёзное предложение, могла бы сделать звёздную карьеру.

Особенно ей удаются торжественные торты, и к ним у неё особая любовь. Торты ей снятся по ночам, а утром, засучив рукава, она превращает сказку в быль. Заказчики её ценят и прилипают к её таланту всей душой, всем сердцем, к другим производителям никогда не уйдут, отведав её чудо.

Формы её тортов самые причудливые: круглые, квадратные, треугольные, овальные, эллипсоидальные, пирамидальные, муравейники. Цвета натуральные и фантастические. Она копирует природу: на столе появляется то клумба цветов, то, как настоящая, головка только что сорванного подсолнуха, то лебединое озеро с белыми лебедями и сахарными лилиями, то детские мотивы внукам, то юбилейные или свадебные троекратные пятиярусные торты с женихом и невестой, с кольцами и голубями, с красивыми надписями и пожеланиями. Как-то на свадебной рекламной выставке подошла она к разделу свадебных тортов и, спросив у местных мастеров стоимость их торта, пришла в ужас от названной суммы. Нина компенсирует только свои затраты на покупку исходных продуктов, время и электричество, а душу, фантазию, знания и опыт вкладывает как подарок, и получается в два-три раза дешевле фирменной посредственности, что увидела она однажды на элитной выставке. Искусство принадлежит народу, Нина принадлежит искусству, а вкус её таланта принадлежит заказчикам, которые, отведав лакомый кусочек, вспоминают его пожизненно.

Написано под впечатлением разговоров и застольных восхищений на дне рождения внука, которому исполнилось три годика. Денис стучал ложкой по столу и громко кричал: «ЕЩЁ!» Остальные сладкоежки с наслаждением увлечённо уплетали необыкновенные порции.

Билефельд - Гиссен.

В ГОСТЯХ

Раз уж мы в Ветцларе, давайте заскочим к одному хорошему человеку. Просто хочется сделать приятное и ему, и себе тоже. Устроим встречу с интересными людьми. Позвонили.

На другом конце провода – искренняя радость, душа нараспашку. Расспросив, как проехать к ним по городу, мы отклонились от своего маршрута. Ориентиры были указаны приметные, и мы без труда вышли на адрес, остановились у нужного дома. Дверь распахнулась, опрятная, аккуратная, седая женщина, говорившая по-немецки без акцента, пригласила всех в дом.

Из глубины квартиры послышался бодрый мужской голос:

– Проходите сюда!

Небольшая квартирka интеллигентных творческих людей. На стенах много больших картин. Книги. Письменный стол у окна, на нём бумаги, рукописи.

Худощавый пожилой, но очень подвижный и жизнерадостный человек крепко пожал нам руки.

– Присаживайтесь.

Мы сели.

– Это вы сами написали все эти картины? – удивлённо спросили мы.

– Да! Картины – моя слабость не одна единственная, – сказал хозяин, улыбаясь.

– Папа, развлекай гостей, а я на кухню, – сказала седая женщина.

– Это моя дочь Элла. У неё тоже хобби – гостей любит. Она была учительница, а печёт пироги и готовит лучше любого профессионала, скоро сами убедитесь, – весело сообщил отец.

– По сравнению с тобой это ничто, – ответила дочь.

Папа играет на баяне, балалайке, домре, мандолине. Пишет картины, стихи, поэмы, воспоминания. Делает литературные переводы. Уже перевёл на немецкий язык более 200 русских песен. Он всегда занят, но всегда радуется, когда к нему приходят люди.

Да ты, папа, сам расскажи, а я пошла. Извините!

Но тут зазвонил телефон, и хозяин, извинившись, вышел в другую комнату.

– Эллина! Раз вы уж так хорошо начали рассказывать об отце, расскажите дальше, пока он занят.

– Ну, хорошо! «Я сам история поволжских немцев» – так называются его стихи, а если в прозе, то родился он 2 января 1919 года в Поволжье, в селе Шафгаузен.

Мой дедушка, Пфайфер Август, назвал его Адольфом. Очень многое пережил он за свои 85 лет. В голодный 1921 год, когда ему было 3 года, умерла его мама, затем сёстры и братья. Из семьи в 13 человек остались трое: отец, он и сестра. В 1936 году папа закончил педагогический техникум, потом в 41-м – исторический факультет педагогического института в г. Энгельсе. Пережил ликвидацию Нем. республики и насильственное переселение в Казахстан, в Акмолинск. Через три месяца в ссылке он был арестован. Его жена Фрида с двумя детьми осталась одна. Из Акмолинска его сослали на медные рудники Джезказгана, а потом – в лагерь смертников «Байконур», затем – в Спасск. Десять страшных лет провёл он в лагерях Карлага. Дважды приговорён к расстрелу, но Бог миловал. Потом много лет работал учителем средней школы села Новокузнецкое Карагандинской области. В 1957 году жена с детьми переехала к нему в Караганду, где он работал в совхозе. Я, не видевшая отца, выросла, выучилась и стала работать с ним в одной школе. Он преподавал немецкий язык, я – математику. В 1983 году он остался без жены, места себе не находил и уже на пенсии проработал ещё пять лет в школе. Его, оказывается, сразу реабилитировали, но узнал он об этом только через 28 лет, после того, как написал письмо Генеральному прокурору СССР.

Он был активистом, борцом, делегатом трёх конгрессов немцев России в Москве и двух конгрессов в Алма-Ате. В 1997 г. мы переехали в ФРГ и попали в лагерь Брамше, затем на землю наших предков в Hessen, в городок Браунфельд, а квартиру получили в старинном историческом городке Ветцлар, в котором жил и трудился великий Гёте. В 1998 он остался без сына, но всем бедам назло выстоял. В восьмидесятилетнем возрасте он вместе со мной совершил путешествие по всей Европе. Многое пришлось ему пережить, но он не жалуется. Герои не стонут, они в борьбе. Он много рисует, его приглашают в местные школы, к нему приходят школьники домой. Он преподаёт искусство, любит природу, пишет великолепные пейзажи с натуры и по памяти. У него были персональные выставки картин в Караганде и здесь в Германии. Только что вернулись картины с выставки, с

единственной в Европе фантастической библиотеки города Ветцлара. Многое он пережил, но, как видите, силён, жизнерадостен. Интеграция идёт успешно.

– Ну, вы уже всё знаете? – с улыбкой спросил вошедший хозяин.

– Не всё, но кое-что, и очень хотели бы вас послушать, – признались мы.

– Почитайте ваши стихи и покажите картины, – попросили мы.

– Ну, раз хотите послушать, так слушайте. Он взял в руки домру и заиграл.

Домра ожила в его руках, запела, заплакала, залилась раздольем знакомая мелодия, полилась музыка, как река Волга. Не помню, сколько просидели мы, закрыв глаза, и наслаждались чудными звуками. Потом он принёс свои копии с картины Репина «Бурлаки на Волге», «Мадонна» Микеланжелло, портреты Александра Пушкина и Льва Толстого, портреты своих детей и внуков. По памяти написан «Дамский каприз», мостик в Кисловодске. Очень живописные красочные пейзажи России и окрестности Ветцлара. Затем слушали стихи и удивлялись этому человеку: его удивительно светлому мышлению, оптимистическому восприятию жизни, весёлому юношескому задору.

Пока мы рассматривали картины, слушали литературные произведения отца, дочь, накрыв стол, пригласила всех на ужин.

– Кушайте всё, что есть на столе, а чего нет, то себе представьте, – смеясь, сказала она.

Стол был накрыт не по-купечески, скромно, но со вкусом. Особенно всем понравился свежий капустный пирог, точно такой же, как пекла когда-то моя мама. Мы смаковали и хвалили искусную стряпуху.

– Наши соседи, местные, такое не знают, – подтвердила Эля. – Но ели и тоже хвалили русскую кухню. Когда мы им разъяснили, что это немецкая кухня, они очень удивились, что так когда-то питались наши общие предки. Современные хозяйки умеют только прочесть инструкцию на пачке, распечатать упаковку и сунуть содержимое в микроволновку. Вся премудрость.

Если одно звено из этой цепи выпадет, многие умрут с голоду.

Они вспомнили, что как-то среди гостей у них был один молодой современный парень, который не смог надуть свой резиновый спальный матрас потому, что забыл взять с собой насос.

Ртом надуть он даже не пытался. Спал на твёрдом полу. Бытие определяет сознание!

Поблагодарив за сердечный приём, весёлую компанию и сытный ужин, мы взглянули на часы и стали прощаться. Доброго вам здоровья и долгих лет спокойной жизни на новой родине, дорогие наши уважаемые и почётные земляки!

УЧИТЕЛЬ

Учитель не тот, кто учит, а тот, у кого учатся.

Только что в Ветцларе прошла выставка картин. Более 50 художников-любителей принимали в ней участие. Многие картины были абстрактны, беспредметны, проще говоря, мазня, и люди проходили мимо них не останавливаясь. Зато у картин нашего земляка Адольфа Пфайфера постоянно было многолюдно, и, как признались потом организаторы, что с его картинами им рядом выставить нечего, хотя вначале принимали его в свой состав с большим трудом и недоверием, нетвёрдо пообещав принять только две-три картины, и то, если не будет других претендентов. У картин бывшего Зека и бывшего советского учителя Адольфа Пфайфера, люди толпились постоянно, возбуждённо переговаривались, обменивались мыслями и обсуждали его работы, узнавая знакомые пейзажи и любимые уголки родного Ветцлара.

Хорошая картина, как красивая женщина, от себя не отпускает, вокруг неё всегда людно, рядом с ней приятно и интересно. По окончании выставки наш земляк Адольф Пфайфер был признан лучшим. Но это не удовлетворило художника, у которого дома – настоящий музей картин, которые обязательно должны увидеть свет. Он, как художник, жаждет и мечтает о персональной выставке, ведь рисует Адольф Пфайфер с 7 лет, и уже в Германии написал более 100 картин, причём две из них уже после своего 90-летнего юбилея, – такого в истории искусства ещё не было. Факт достойный включения в книгу Гиннеса.

Сколько всего картин написано, он уже не помнит, но помнит мельчайшие подробности, – как его приговаривал советский суд к высшей мере наказания. Адольф Пфайфер, одарённый человек с очень трудной судьбой. Его дважды в СССР приговаривали к расстрелу, он по 58 статье 10 лет отсидел в лагерях ГУЛАГА, одним из лагерей был «Байконур» – будущий всесоюзный космодром, освободился из КарЛага в 1952 году, и лишь через двадцать восемь лет узнал, что он давно реабилитирован. Невинный был в виду отсутствия состава преступлений, но ему об этом власти так и не сообщили. Узнал случайно. В Берлине два учённых немца пишут книгу об узниках КарЛага, они имеют доступ в архив Караганды, они и сняли копии с его печальных документов, и несколько раз приезжали к нему за правдой, так сказать, из первых уст.

Адольф Пфайфер, несмотря на возраст, много работает, он полон сил, жизнерадости и наполеоновских планов, можно только позавидовать его темпераменту и оптимизму. Он весь день на ногах, и в полдень сон не признаёт – всё некогда. О нём писали многие газеты и журналы, он сам прекрасный автор и оратор. Ещё наш дедушка чудесный переводчик, он и поэт, и славный музыкант, пишет мемуары, и музыку, стихи и прозу.

На его письменном столе рабочая обстановка. Пачками лежат журналы, газеты, исписанные листы бумаги. На виду лежит знакомый журнал. Многие статьи аккуратно проработаны и подчеркнуты.

– Второго такого журнала в Германии нет! – уверенно говорит дедушка. – Это подвиг – то, что делает Дауб и его команда. «Ост вест Панорама» – смелый и честный журнал, в нём печатают серьёзные, фундаментальные вещи. Наши запуганные земляки ещё не знают всей правды. Я журнал заужавал и очень радуюсь всем новым номерам. В Германии радость мельчает от избытка. Здесь цветы, овощи и фрукты круглый год, а как мы радовались там подснежникам и первому созревшему огурцу, и первому помидору в тарелке.

Дедушка умеет радоваться до сих пор по-детски, только что он со своей дочкой Эллиной, которой 66 лет, приехал из Дрездена, где они побывали в знаменитой Дрезденской картинной галерее, во Фраункирхе и в других интересных городских местах. Масса впечатлений, о которых он рассказывает с большим знанием и воодушевлением. Лучший художник для него – это Рафаэль, но очень любит передвижников и многих, многих других, о которых постоянно рассказывает знакомым местным и гостям. Ведь он – художник!

Художник – зеркало, но зеркало живое. Для того, чтобы ожил холст, нужны дыханье, страсть, страдание и влюблённость. Художник светит ярче и горит быстрее, он живёт за двоих, ведь творчество, есть страдания души в запутанной, тяжёлой жизни, как и у всех людей, он сам стремится к высшему состоянию души в своих твореньях. Рисовать – это значит постоянно переписывать, исправлять, творить, находить лучшие варианты. В картине есть всё: форма, которая придаёт сходство с реальностью, пропорции, цвет. Наш герой пишет маслом, акриловыми красками, акварелями, рисует карандашом. Искусство должно быть предметно, красиво, эстетично, оно должно воспитывать и окрылять. Что бы он ни рисовал, он стремится остановить и увековечить

красоту. Искусство – это даже не только правда жизни, это её истина. Красоту воспроизводить тяжело, но ещё тяжелее её заметить в незаметном и восхититься ей, запечатлеть, увековечить и предоставить эту возможность восхищения для других. Дедушка делает много копий со знаменитых картин, для того чтобы учиться у великих мастеров. Интересны и его собственные картины – натюрморты, пейзажи, портреты. Среди них незнакомые и знакомые лица – здесь Пушкин, Толстой, Виктор Хайнц, Агнесс Гизбрехт, несколько автопортретов. Всё на удивление здорово! Например, необычна, интересна и полна скрытого смысла картина «Ревность попугая», по этой картине он даже написал свои стихи.

А у его «Незнакомки» волосы получились даже натуральнее и красивее, чем у автора, вечером, когда солнышко садится, его лучи играют на картине, и она становится живой, та незнакомка – которую впервые заметил Иван Николаевич Крамской. Адольф Пфайфер много картин раздал ценителям искусства. Три его картины, среди которых и портрет Екатерины II, уже давно находятся в передвижной выставке Цильке. Недавно Адольфу Пфайферу исполнилось 90 лет. Один из лучших писателей современности из наших земляков – российских немцев, Виктор Хайнц написал в подарок юбиляру оду. Три музы служат нашему герою – музыка, художество, поэзия. А музы неподкупны и вольны, и любят уводить своих любимцев по тернистой тропе мук духовных в храм светлой славы и успеха. Дай Бог здоровья Вам герой наш и наш Вам генеральский чин!

СПАСИБО

СПАСИБО - великое слово!

Раньше за спасибо, мужик семь лет работал.

В городском конгрессзале Гиссена состоялся интернациональный вечер для пожилых немцев и не немцев, для сеньорит, сеньоров, для любителей общения и культуры поведения.

Землячество «Немцев из России» представлял городской хор немцев-переселенцев, в котором давно уже поют и местные активисты. Симпатичные люди, красиво одетые, под музыку Якоба Фишера бодро вышли на сцену.

Под бурные аплодисменты благодарных зрителей они вынесли на обозрение знамя землячества «НЕМЦЫ ИЗ РОССИИ», на котором красовался золотой пшеничный колос покорителей целины. Лица наших людей всё равно несравнимо красивее лиц богатых европейцев. Они светились радостью и любовью. Радужие и хлебосольство светилось радугой над сценой.

«Кто это? Что за люди. Чьи это знамена?» – пролетел удивлённый шепот по затихшему залу. Местные жители совершенно не знакомы с землячеством и его работой. По газетным негативам шапочно знакомы со спецпереселенцами, вернувшимися домой.

Роза Тугова, бессменный председатель гессенского землячества, подошла к микрофону и на прекрасном немецком языке красноречиво представила немцев-переселенцев, объяснила со сцены символику знамени общественной организации.

Чёрный цвет в немецком флаге символизирует свободу, на знамени землячества это чернозём, земля-кормилица немца-колониста.

Жёлтый цвет – символ золота, богатства и равенства. У колонистов это урожайность, покой, достаток и надежда. Белый цвет особенный – это чистая совесть, мир, благополучие. Колосок – символ жизни нашего народа.

Как хорошо, что есть переселенцы, которые презентуют свой народ и своё землячество под бурные аплодисменты симпатии и братства. Очень понравились публике звучание немецких весёлых народных песен, которые пели ещё их бабушки. Многие влились в общий хор исполнителей и подпевали со слезами радости и счастья. После концерта к выступающим подходили взволнованные зрители и выражали свой восторг индивидуально.

– Es war so Toll! Es war so Toll Frau Tugowa!

– Соловья песнями не кормят! – пробившись сквозь толпу, напоминали Розе женщины из хора и как могли зазывали местных.

– Геен зи нихь век! Битте! Вир хабен тесто гештельт, чебуреки будем делать! Шмект гут!!!

– Вы обязательно должны выступить на Хессен таге в Штадталендорфе перед Кохом! – предложили Розе подошедшие с горячими чебуреками представители городских властей. – Такие люди, как вы, гордость нашей земли! – хвалили они.

На этом внимание и помощь городских властей закончилась. И на том спасибо!

Наше родное землячество тоже скромничает и многое не замечает. За активный общественный многолетний труд своих людей не удосужились они внимания и признания. Не дождалась ни государственной, ни общественной награды, ни медной булабочки, ни заслуженной оценки, ни устной похвалы, ни поздравительной открытки с добрым словом, не говоря уже об официальном предложении работы с заработной платой. Любой труд должен быть оценен в деньгах или вниманием. Уже давно пора составить длинные списки к поощрению достойных представителей нашего народа: общественников, бизнесменов, спонсоров, поэтов, музыкантов, художников и талантов, молодых и старых людей, живущих не только для себя. Поднять дух и стимул жить для других, творить для истории и своего народа, прививать молодёжи стремление двигаться вперёд, и гордиться прошлым, – вот в чём задача землячества. Благодарность – признак благородства

Если ты сказал спасибо, значит, день прожил не зря! Благодарность – это красота отношений, а красота спасёт мир и наши души. Талантливых общественников надо ценить, благодарить, им нужно помогать. Устраивать попутный ветер, чтоб наполнялись паруса общественной жизни. Скучно в Германии хнычут многие обыватели.

А ведь столько можно сделать хорошего, и сделано уже не мало. Лично Тугова оказала помощь очень многим. Тысячи переселенцев могли бы ей сказать спасибо за оказанную помощь, но и они скромно молчат, забыв быть благодарным. Есть люди, которые наоборот, белое превращают в чёрное. Всё как в библии написано: излечил Христос 10 человек, но лишь один вернулся и сказал ему спасибо! Народная мудрость говорит: «Спасибо тому, кто поит и кормит, но втрое тому, кто добро твоё помнит».

Спасибо за внимание! Спасибо всем Вам – кто кому-то, когда-то, в чём-то помог.

Спасибо ВАМ, чьё сердце не уснуло.

Спасибо ВАМ, чья совесть не молчит.

Спасибо ВАМ за счастье, что вернулось.

Спасибо ВАМ, ВАМ Боже говорит!!!

Райнгольд Шульц. Гиссен. 24.04.10.

PS: Когда статья уже была готова к печати, появилась приятная неожиданность. На майском вечере в Гиссене, устроенного по поводу выставки Якова Фишера «Народ в пути», в присутствии местных немцев, переселенцев и официальных лиц местной власти, за заслуги перед отечеством Розе Туговой была вручена серебряная игла Землячества «Немцы из России».

ВЛАДИМИР ЭЙСНЕР из Ветцлара, Германия – лауреат интернационального литературного конкурса.

16 мая 2008 года Ирине Колесниковой, литературному агенту Владимира Эйснера в Москве, в МГУ в торжественной обстановке вручен диплом Интернет-журнала «Русский переплёт»: «За победу в литературном конкурсе в номинации «Малая проза».

В ноябре прошлого года на конкурсе «Золотое Перо Руси» Владимир Эйснер стал серебряным лауреатом в номинации «Очерк». И вот он снова лауреат литературной премии России! Его рассказ «Налево от полярной звезды» назван лучшим из опубликованных на этом престижном сайте в 2007 году. Более 1000000 человек познакомилось с этой публикацией.

От всей души поздравляю лауреата с заслуженным признанием и желаю дальнейших успехов, вплоть до Нобелевской премии! Пиши, Владимир, читатели с нетерпением ждут твои произведения!

С огромным уважением и гордостью за тебя и за всех нас, выходцев из России, твой давний и преданный читатель.

ЖАРОВОНОК С ЗОЛОТЫМ ПЕРОМ

«Он – челюскинец», – с гордостью говорю я всем о своём лучшем друге. Крепкий, коренастый, улыбчивый, он похож на добродушного, видавшего виды полярника, каковым на самом деле и является.

Но он не из тех челюскинцев, корабль которых был раздавлен льдами в Чукотском море в далёком 1934 году, и которых спасала вся страна, а лётчики-спасатели в той эпоху стали первыми героями Советского Союза.

Герой моего очерка четыре года отработал среди вечных льдов и белых медведей в Таймырской обсерватории имени Фёдорова на мысе Челюскина – самой северной точке Евразии.

Здесь, на Таймыре, Владимир Эйснер из Ветцлара и прожил половину своей сознательной жизни – 24 года. В тёмное время года (а полярная ночь длится на этой широте четыре месяца) он снимал северные сияния специальной камерой на специальную плёнку, а в светлое время года «стоял вахты на метео», стучал морзянку и прогонял со своего крыльца непрошенных гостей – белых мишек. (Всё забываю ему задать старый школьный каверзный вопрос: питаются ли пингвинами белые медведи?)

Затем уже охотником-промысловиком и участником международной экспедиции «Таймырский мамонт» он побывал в самых отдаленных уголках Таймырского полуострова, на островах Ледовитого океана и даже неоднократно на Северном полюсе. Научно-популярные фильмы о раскопках мамонта на Таймыре с участием В. Эйснера прошли по экранам всей планеты, их просмотрело около трёх миллиардов человек.

Этот «самый северный в мире немец» (так назвал его Birk Meinhardt, журналист газеты «Sueddeutsche Zeitung», который сделал с Владимиром интервью) пишет захватывающие рассказы и очерки о Севере, и удивительные сказки для детей. В Германии он публикуется в различных СМИ на двух языках.

Первый рассказ Владимира «И одно дыхание у всех» был опубликован одновременно в центральной газете российских немцев «Neues Leben» в Москве и в окружной газете «Советский Таймыр».

Многие тексты Владимира удостоены наград и премий на конкурсах, а книга «Макарова Рассоха» разошлась всего за полгода.

Держу в руках эту его книжку. На обратной странице обложки под портретом читаю: «...дипломант премии имени Юрия Рытхэу». (Юрий Рытхэу – знаменитый современный чукотский писатель).

– Владимир, но ведь у тебя много и других премий, почему только одна упомянута?

– Хватит. «Eigenlob stinkt».

Я всё же позволю себе в этом кратком очерке о моём коллеге по перу упомянуть и некоторые другие литературные вехи из жизни этого самобытного писателя из этноса российских немцев.

Владимир – лауреат конкурса имени долганской поэтессы Огдо Аксёновой. Первое место и золотой диплом за цикл рассказов о Крайнем Севере. (Премия администрации Долгано-Ненецкого национального округа Красноярского края).

Владимир – дипломант конкурса имени Юрия Рытхэу.

Специальный диплом за оригинальный сюжет. (Премия Чукотского национального округа Магаданской области).

Он – дипломант конкурса «Заповедное эхо-99» за статью о попигайском метеоритном кратере. (Премия ЮНЕСКО.)

И, наконец, недавно в Москве он стал лауреатом конкурса «Золотое Перо Руси». Второе место и серебряный диплом в номинации «Очерк». (Премия Союза писателей России).

– Владимир, извини за любопытство, а какова денежная составляющая этой твоей новой «медали»?

– Никакая! (Смеётся). Но это очень престижный конкурс, и не успел я ещё получить диплом, как уже был приглашён на конгрессы национальных писательских союзов в Россию, Казахстан и Канаду. К сожалению, все, как нарочно, проводят встречи в декабре и, практически, одновременно. Пришлось выбирать. Решил поехать в Россию.

– Владимир, я знаю, что ты – «айн-ойро-джоббер». На археологических раскопках, неподалёку от Ветцлара, ты трудишься уже четвёртый год, раскапывая древнеримскую крепость. И в Германии не «золотое перо», а лопата и тачка – твои инструменты. Не мешает ли эта, прямо скажем, не самая интеллектуальная работа твоей писательской деятельности?

– Ещё как! Но не потому, что она «не самая интеллектуальная», а потому, что отнимает у меня утро. Я – «жаворонок», и хорошо работаете мне только по утрам. А когда приходишь домой в пять вечера, то уже «ни ши не радуют, ни чая клекотание».

Но я знаю, по выходным дням с утра он садится за письменный стол и творит словесные чудеса. Сначала пишется «рыба» (так называет Владимир черновик), и лишь десятый или даже пятнадцатый вариант попадает к читателю как лакомое блюдо, тройная наваристая уха, с дымком!

***

Владимир Эйснер – лишь один человек из элиты нашего маленького и замечательного народа, немцев из России, лишь один из множества одарённых писателей, художников, музыкантов, предпринимателей, работников на nive просвещения и простых людей, хорошо делающих своё дело, о которых и думать забыли всякого рода функционеры, политики, держатели акций и содержатели СМИ, занятые вовсе не духовным обогащением. Талант отечество не видит.

«Нет пророка в своём отечестве!» – увы, эта библейская истина верна и сегодня.

Но не везде в «датском королевстве» дела обстоят так печально.

Журнал «Ost-West-Panorama» давно собирает под своё крыло талантливых писателей, поэтов и публицистов.

Владимир Эйснер – давний друг, автор, подписчик и распространитель печатного слова – является и одним из победителей литературного конкурса этого издания. А недавно он оформил подарочную подписку семерым своим друзьям.

От всей души поздравляю Владимира – лауреата конкурса «Золотое Перо Руси» – с новым большим успехом и надеюсь, что к моим поздравлениям присоединится редколлегия журнала, его читатели, подписчики и все, кто любит хорошую, добротную прозу.

P.S. Поздравить Владимира и заказать его книгу «Макарова Рассоха», можно по телефону: 06441.-2 00 07 60

или eis_w@rambler.ru

ВНИМАНИЕ!
ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!

Сердечно поздравляю «ARMINIUSA» (Владимира Эйснера) со специальным призом в виде золотых ювелирных изделий за переводы сказок.

А так же «ПАПУ ШУЛЬЦА» Райнгольда Шульца (Гиссен) с награждением специальным призом оперного певца и поэта Александра Гами, за рассказ «Чья душа во мне». Как говорят у нас на Доне, Володе и Райнгольду – Любо!

Сергей Герман. Бонн

**ИТОГИ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНКУРСА
НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ «ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ», 2008**

Оргкомитет Международного конкурса Национальная литературная премия «Золотое перо Руси» объявляет о закрытии конкурса 2008 и приглашает всех участников на торжественную церемонию награждения!

31 октября в 14-00. Центральный Дом литераторов, г. Москва.

**ИТОГИ КОНКУРСА – НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
«ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ», 2007**

Оргкомитет Международного конкурса Национальная литературная премия «Золотое Перо Руси» приглашает всех участников на торжественную церемонию

награждения победителей и лауреатов 19 октября в Центральный Дом литераторов в Москве!

Регистрация участников, победителей и представителей СМИ начнётся в 14-00 в фойе Дома литераторов. Адрес: м. Баррикадная, ул. Большая Никитская д.53. Вход свободный.

В 14-30 состоится пресс-конференция с членами жюри для СМИ в малом зале. Подарочные наборы книг от Фонда Русской Словесности, сувениры от «Кузнецовского фарфора» и меховые сувениры от «Салона княжны Нарышкиной» будут выдаваться для СМИ у входа в малый зал.

Церемония награждения начнётся ровно в 15-00 в Большом зале ЦДЛ.

ФИШЕР ЯКОБ

Высокий, красивый, стройный, остроумный, прекрасно поёт, одинаково хорошо говорит на немецком и русском языке, причём по-немецки на многих диалектах. Он обладает профессиональной артистичностью, хорошей памятью, обширными знаниями по истории. Он увлекает так, что зал слушает его раскрыв рот. Местные немцы тают и уже с любовью и состраданием смотрят на своих новых соседей. Свободных мест нет. Дополнительные стулья стоят всюду, многие гости стоят вдоль стен. Вдоль стен стоят и стенды с фотографиями, говорящие об истории немцев-переселенцев. На столах – книги.

На экране идёт отрывок из художественного фильма «Прощание с Алма-Атой». Ностальгическая сцена расставания с родными. У женщин на глазах слёзы, тут и там всхлипывают и достают носовые платочки.

После фильма показывают интервью, где прохожих спрашивают кто такие «Шпетаусидлеры?» Девяносто процентов спрашиваемых пожимают плечами, многие несут несурезицу, один ответил – «цыгане», и один знал правильный ответ – он сказал, что это немцы-переселенцы из России, Польши, Румынии. Даже президент Германии попадает под это определение.

После фильма Якоб говорит о том, о чём не пишут газеты. Он говорил правду о немцах-переселенцах. Говорил о хорошем и говорил хорошо.

Только три процента всего населения Германии составляют «Немцы из России», но на последних олимпийских играх они завоевали 27% всех спортивных наград страны.

Сегодня 80 млн. немцев живёт в ФРГ и 80 млн. – за её пределами. 100 тысяч местных немцев уехали в прошлом году из Германии, 80 тыс. иностранцев въехало в страну, и среди них лишь пять тысяч немцев из России.

Потом Якоб Фишер представил местных руководителей землячества, активистов, автора литературного объединения из Бонна «Немцы из России», который говорил об интеграции через литературу и своём обществе, о своих книгах.

Музыкальные вставки делал школьник-переселенец Богдан Хоопе, который одинаково хорошо аккомпанировал себе на гитаре и на рояле и пел на английском языке свои песни – автором слов и музыки являлся он сам. Его отец, Владимир Хоопе, бывший актёр немецкого театра, которого только что видели зрители на киноэкране, ныне работающий здесь медбратом рассказал о своей жизни.

Потом все присутствующие пели немецкие народные песни и общались между собой. В зале больше не было местных и приезжих немцев, но был великий, единый,

культурный и трудолюбивый немецкий народ. Именно так прошла выставка «Volk auf dem Weg» в городе Ветцларе, и по многочисленным просьбам присутствующих выставку решено продлить ещё на время. Якоб Фишер прекрасно представляет и символизирует свой народ – немцев из России. Он неутомимый патриот своего дела, и я с благодарностью утверждаю. История ещё скажет ему огромное спасибо!!!

Райнгольд Шульц. Гиссен.

PS: При разговоре с Яковом Фишером возникла идея передать в состав выставки «Фолк ауф дем вег», в раздел «Gewinn für Deutschland», один или несколько стендов, посвящённых деятельности литературного общества из Бонна «Немцы из России», с фотографиями, краткими биографиями авторов и краткими сведениями о книгах и альманахах, публикациях и творческих встречах. Не только местные, но и переселенцы удивляются, что мы ничего о себе не знаем и ничего о себе не заявляем. А пора!

Реклама – двигатель культуры.

РЕМПЕЛЬ ДМИТРИЙ

Покойный дед Дмитрия занимался генеалогическим исследованием своей фамилии. Восстанавливая корни родословной по мужской линии, дошёл до XVII века. Он установил, что предки принадлежали к меннонитам, были очень религиозные, и исходили из Пруссии.

Отец родился под Екатеринбургом, в посёлке Тавда, в колонии-поселении, где дед отбывал свой срок по 58-й статье.

Когда отец служил (проходил срочную военную службу?) на Украине, он познакомился с мамой и остался в Харькове.

Маму зовут Надежда, отца – Анатолий (здесь Арно), сестра – Евгения, она замужем и имеет двоих детей. Мама – домохозяйка, так как диплом учителя не был признан. Отец работает токарем в небольшой фирме под Кёльном. Работать начал фактически сразу после приезда в Германию, после прохождения курсов немецкого языка.

Дмитрий приехал в Германию вместе с родителями в 1995 году, когда ему было 17 лет. В Харькове он окончил Высшее училище олимпийского резерва, был чемпионом и серебряным призёром Чемпионата Украины по волейболу среди молодёжи, кандидатом в молодёжную сборную.

Дмитрий любит читать, ходить на рыбалку, собирать грибы. Он не женат. На хобби остаётся мало времени, так как сейчас он помимо общественной и политической деятельности пишет дипломную работу, заканчивает в Кёльне институт по специальности социальный работник.

Трудности в Германии были, как и у всех, кто приехал сюда уже не ребёнком. Волейбол оказался не популярным, и пришлось искать себе новое применение. После различных языковых курсов он пошёл учиться на Einzelhandelskaufmann, чтобы получить профессию.

После окончания активно занимался общественной деятельностью в организации Zusammenarbeit mit Osteuropa – Сотрудничество с Восточной Европой, заместителем председателя земельного отделения которого он является по сей день. Эта организация существует с 70-х годов и помогает людям из Восточной Европы интегрироваться в Германии.

Начинал учёбу в Кёльнском университете, но так как ему уже после начала учебы сказали, чтобы он поменял специализацию с политэкономии на какую-либо другую, в связи с тем, что у него так написано в подтверждении его образования из

Украины. Он может учить только схожие предметы, поэтому ему пришлось выбрать социологию и философию. Но это были не его любимые предметы и университет он не окончил, а сконцентрировался на работе в общественных организациях, параллельно участвуя во многих программах повышения квалификации от различных фондов, организаций и партии SPD, членом которой он являлся (более 10 лет) вплоть до 2013 г.

В партии была проделана большая работа, но, к огромному сожалению, переселенцы там так и остаются не услышанными, а их голоса нужны только перед выборами. Все аналитические разработки, предложения и идеи поддерживались только перед журналистами, а затем клались в стол.

В 2010 году Дмитрий был избран в Интеграционный совет Кёльна, где занимает должность зам. председателя. О баллотировании от SPD в более высокие структуры речи не могло идти, так как никто не хотел и не хочет видеть переселенцев в большой политике.

Несовершенство человека, общества и отношений испытывает на себе каждый из нас повседневно. Платоновская мечта об идеальном государственном устройстве в Атлантиде живёт в душе каждого. Взяв эти идеалы за основу, в Кёльне была организована общественная организация «Атлант», руководителем которой является Дмитрий Ремпель.

Но общественная организация мало влияет на общественную жизнь, поэтому было принято решение вместе с единомышленниками создать собственную партию, которая бы защищала и представляла интересы переселенцев и мигрантов из бывшего СССР в городских и других парламентах.

У нас фактически нет людей в политике ни от одной партии, ситуация сложилась просто удручающая. У нас есть идеи, как улучшить жизнь не только одной конкретной группы, но и всех тех, кто проживает в Германии. Если другие партии не хотят использовать наши знания и опыт, то мы должны сделать это сами, демократическим путем.

Насчет целей. Провести как можно больше кандидатов в различные законодательные органы, чтобы у нас появились люди на местах, к которым можно обратиться, чтобы они могли поднимать вопросы, которые не хотят поднимать другие партии. Чтобы наладить полноценный диалог с правящими структурами, отстаивать интересы переселенцев и участвовать в принятии законов, для этого необходимы свои представители во власти. Без этого – никуда. Это поняли, по-моему, все другие группы, приехавшие в Германию, кроме выходцев из бывшего СССР.

Хотелось бы, чтобы наши земляки, сейчас и в будущем, проявляли большую общественно-политическую активность, ведь это залог дальнейшего благополучия и развития общества.

Никто не собирается себя противопоставлять коренным немцам, просто нам не дают применить наши знания, идеи и опыт на практике.

Сколько квалифицированных специалистов остаются невостребованными! Вот и надо самим идти в политику, чтобы предлагать новые решения проблем на благо всех, кто проживает в Германии. Ведь это и есть демократия, – когда можно создать партию, идти на выборы и открыто высказывать свою позицию.

Райнгольд Шульц. Германия. Гисен.

ИНТЕРВЬЮ

Уважаемый господин Ремпель! Позвольте поздравить Вас с избранием на пост руководителя партии «ЕДИНСТВО – EINHEIT». Пожелать Вам много сил, крепкого здоровья и огромных успехов в Вашей предстоящей деятельности.

Многие переселенцы начинают интересоваться политикой, поэтому их заинтересуют ваши ответы на некоторые мои вопросы. Ну, вот например:

Почему Ваша партия называется Aussiedler und Migranten Partei Deutschland – Einheit?

Обсуждения были бурные, и были разные предложения и пожелания. Если бы оставили только EINHEIT, то мы в избирательных бюллетенях были одной из многих партий, о которых никто не знает, ни чьи интересы они отстаивают, ни кого они представляют. Название, конечно, немного провокационное, но есть ещё ряд преимуществ. Мы будем стоять по алфавиту сразу после партий, находящихся в Парламенте (название начинается Aussiedler).

Какая связь между немцами-переселенцами, имеющими гражданство, и мигрантами, попавшими в Германию совсем в другом статусе?

В Германию, особенно после 1994 года, приехало большое количество смешанных семей поздних переселенцев. Лично знаю несколько таких семей, где родные сестры и братья получили не только §§4 и 7, но и §8, а члены их семей остались и вовсе без каких-либо параграфов, т.е. иностранцы. Были предложения оставить только Aussiedler Partei Deutschland.

Но это самоубийство и полное отчуждение от всех. Например, если мы, как партия, только Aussiedler, будем поднимать острые темы, например радикальный ислам, нелегальная миграция, то нас сразу загонят к праворадикалам, и мы станем изгоями. Имея же в своих рядах представителей разных национальностей (никто не планирует делать акцент или работать с турками или арабами, а уклон будет сделан, прежде всего, на восточную Европу) нас никто не сможет обвинить в радикализме, как это зачастую делается, когда начинается ужесточаться законодательство и т.д. Надо поступить хитрее, как в шахматах есть гамбит, когда можно пожертвовать малым, а добиться большего.

Как вы думаете, почему переселенцы малоактивны в политике?

Вот и получается, что всё делалось не так. У нас фактически нет никого в политике, законы в отношении российских немцев всё время ужесточались и вводились какие-либо препоны.

Вообще позиция, занимаемая длительное время старым руководством Землячества, а точнее – отсутствие какой-либо позиции, ни по признанию дипломов, ни по пенсиям, ни по воссоединению семей создало нам имидж бедного родственника. Никто там интересы переселенцев не отстаивал. Землячество выполняло лишь указания власть имущих, выделяющих деньги на их работу. Руку, дающую корм, не кусают.

Нежелание переселенцев работать с другими группами мигрантов (даже из стран бывшего СССР) и непризнание организаций работающих или созданных мигрантами никаких положительных результатов не дало.

Ведь то, что многие годы переселенческие организации заявляли, что мы чуть ли не больше немцы, чем сами коренные немцы, пользы не принесло, а даже наоборот.

Значит, надо менять тактику и стратегию действий. Лишь так можно добиться результата. Это – политика, здесь нужна гибкость и прозорливость, чтобы достичь окончательной цели.

Нас уже около 4 миллионов, а население города **Берлина** 3,4 миллиона человек. В **Саарбрюккене** проживает 1.084.000 человек. В **передней Померании** – 1.8 млн. человек. В **Тюрингии** – 2.4 млн. человек. В **Шлезвиг-Гольштейн** – 2.7.млн. человек. В **Саксонии-Ангальт** – 2.7. млн. человек. Какими огромными политическими

структурами они обладают? Мы такие же налогоплательщики, как все, но наши интересы никто не представляет, и к ним никто не прислушивается.

Сколько человек находится в Правлении и кто они?

В Правлении партии на данный момент – пять человек, все приехали по немецкой линии из бывшего СССР. Сейчас инициируем создание ячеек по разным землям, убеждаем людей, что можно и нужно баллотироваться в городские советы в следующем году, поясняем, как это можно сделать с минимальными затратами.

Какая ваша цель?

Наша цель – получить как можно больше своих представителей в городских советах в разных землях. У наших земляков должны появиться люди, к кому можно обратиться на местах. Это будет первым шагом. Не имея своих депутатов в городах, наши земляки отрезаны от мира, им не к кому обратиться с проблемой, некому представлять и отстаивать интересы. Выборы в городские советы пройдут в следующем году сразу в 11 землях (из них в 10 землях в один день с Европарламентом 25 мая).

Кто может стать членом партии?

Членом партии может стать любой желающий, достигший 16 лет. Наличие немецкого гражданства не играет роли. На данный момент у нас порядка 100 членов партии. Люди активно звонят, пишут и интересуются.

Какие мероприятия вы планируете?

Что касается мероприятий, то летом, в сезон отпусков и каникул, сложно проводить подобные мероприятия. Но мы организовываем презентации партии в разных городах, будем рады, если кто-то захочет нам помочь в организации подобной встречи у себя в городе.

Какие дебаты проходят в Правлении?

Мы обсуждали вопрос поддержания той или иной партии на выборах в Бундестаг в сентябре. Единственное условие, если партия, которую мы поддержим, подпишет с нашей партией письменную договоренность об обязательном выполнении нескольких пунктов, касающихся жизни переселенцев (например, обязательное изучение истории немцев-переселенцев в рамках школьной программы; признание Witwenrente для тех, кто приехал в Германию как поздний переселенец – обращений на эту тему очень много), в течение года с момента вхождения в правящую коалицию. Такое соглашение может быть подписано только с крупными партиями CDU или SPD, так как либо одна, либо другая партия гарантировано будет находиться у руля. На нас выходили представители этих партий, но пока они обсуждают возможность подписания, но не более. На устные соглашения мы не согласны, так как они очень легко нарушаются и нельзя воспользоваться услугами СМИ для контроля по выполнению этих соглашений.

Какой, на ваш взгляд, будет Германия через 20 лет?

Трудно сказать, какой будет Германия через 20 лет. Можно сказать лишь одно: если мы не будем политически активными, то через 20 лет мы будем на обочине жизни и сможем выполнять лишь подсобную работу тех, кто более активен и сплочён.

Спасибо огромное! В завершении беседы хочу сердечно поблагодарить Вас за интересные и содержательные ответы, а также пожелать Вам и вашим соратникам всего самого доброго.

Вопросы задавал Райнгольд Шульц, Гиссен. 17.07.2013.
Papa-Schulz <papa-schulz@gmx.de>

Правящий состав партии EINHEIT (слева на право):
Андрей Сандалкн, Владимир Моор, Дмитрий Ремпель, Артур Кельм, Николай Циглер.